

Министерство культуры
Российской Федерации

Координационный совет
по культуре Межрегиональной
Ассоциации «Сибирское
соглашение»

Сибирский филиал
Российского института
культурологии ИК РФ

№1(2)
ТОН

Иркутский РЕНЕССАНС

...Загадочный Иркутск, созвездиями поставляющий классиков отечественной литературы. Пышные празднества, новые музеи, библиотеки, программа «Возрождение»... Недаром говорят, что Иркутская область – богатая область. Однако на самом деле, если приглядеться, то в Иркутске далеко не так, как о нем, было, подумали. В Иркутске – интереснее...

стр. 17

Увеличить

*Иркутская область
"Культура Сибири"
Н.И. Генова*

Увеличить

**СИБИРЬ и
центральная
ВЛАСТЬ**
Г.А. Алтеева

**УРБАНИЗАЦИЯ и
КУЛЬТУРА**
Д.А. Алисов

**СПАСЕНИЕ
ЮГРЫ**
*Т. Морев и Г. Морев
М. Кудряков*

**ЗА ФАСАДОМ
традиции
ПРЕСТУПНОЙ
СРЕДЫ**
Ю.А. Вакутин

Президент России

Борис Николаевич Ельцин, будучи в Омске 19 мая 1996 г., подписал Указ «О дополнительных мерах государственной поддержки экономического и социального развития Сибири». В перечне первоочередных мер предусмотрена Федеральная целевая программа «Сибирь», разработка и утверждение которой поручены Правительству России и Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». Подпрограммой в эту программу органично входит блок мероприятий по развитию социокультурной сферы Сибири. Пока решались эти важнейшие вопросы, супруга президента Наина Иосифовна Ельцина внимательно знакомилась с особенностями местной культурной жизни.

Фото Бориса Метшера

Главный редактор ПЛЮХИН Владимир Романович

Редакционно-издательский совет:

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич, председатель (Омск)
ГЕНОВА Нина Михайловна, заместитель председателя (Омск)

Члены совета:

АЛИСОВ Дмитрий Андреевич (Омск)
БЕДИН Владимир Иванович (Кемерово)
ЩЕРБАКОВ Валерий Иванович (Томск)
ВИБЕ Петр Петрович (Омск)
ГАМЕРОВ Игорь Николаевич (Новосибирск)
ГРАДИНАРОВ Юрий Иванович (Дудинка)
ГУЩА Владимир Михайлович (Салехард)
РАИТИН Александр Иванович (Чита)
ЖУК Иосиф Павлович (п. Тура Красноярского края)
ЗЕЛЕНЦОВ Геннадий Кузьмич (Барнаул)
КОНАЧЕВ Владимир Егорович (Горно-Алтайск)
ЛАПЕНКОВ Владимир Михайлович (Иркутск)
ЛЕОНОВА Татьяна Георгиевна (Омск)
ОНДАР Челгичи Челиддажиевич (Кызыл)
РУКША Геннадий Леонидович (Красноярск)
РЫЖЕНКО Валентина Георгиевна (Омск)
КОШКИН Иван Сидорович (Ханты-Мансийск)
СОКТОЕВ Александр Бадмаевич (Новосибирск)
ТАРБЕЕВА Маргарита Борисовна
(п.Усть-Ордынский Иркутской обл.)
СТРУТИНОВ Геннадий Никитович (Улан-Удэ)
ШИШКИН Александр Александрович (Тюмень)
ШТЫГАШЕВ Владимир Николаевич (Абакан)

Ведущие отделов и рубрик:

БОГОМОЛОВ Владимир Борисович
БОТНИКОВА Татьяна Федоровна
ГРЕКОВ Николай Владимирович
ЛЕБЕДЕВА Наталья Ивановна
МОРОЧЕНКО Нина Петровна
ХИЛЬКО Николай Федорович

Дизайн, вёрстка, компьютерная графика

ЛЕЛЯКИН Александр Сергеевич

Художественно-техническое редактирование,

ГОРБУНОВ Сергей Васильевич

Технический секретарь и оператор-наборщик

КОВАЛЕНКО Жанна Ивановна

Рисунки на стр. 6, 7, 35, 36, 50, 51, 66, 67, 69 Сергея Горбунова

Свидетельство о регистрации журнала
в Роскомпечати №015047 от 05.07.1996 г.
За достоверность фактического материала и
высказанные убеждения отвечают авторы публикаций.

Имя
успехов
журнала
19.05.1996

Культура Сибири 1(2)'97

В Н О М Е Р Е :

Н.М.Генова. Программа «Культура Сибири» 2

И С С Л Е Д О В А Н И Я , О Т К Р Ы Т И Я , П Р О Б Л Е М Ы

Г.А.Аванесова. Сибирь и центральная власть 6

Д.А.Алисов. Урбанизация и культура 11

Э К О Н О М И К А И К У Л Ь Т У Р А

Подборка «Иркутский ренессанс»: 17, 56

1. *В.В.Тихонов.* «Тальцы» 19

2. *М.Д.Сергеев.* «— У нас, в Иркутске!» 56

3. *В.В.Венгер.* Фонд имени Александра Вампилова 57

4. *Л.А.Сырцова.* Возрождение: первые итоги 59

Н А Р О Д Ы И К У Л Ь Т У Р А

Н.А.Томилов. Осторожно: сепаратизм!.. 38

Ф.Т.А.Валеев. Расстреляны по лимиту 64

Подборка: «Спасение Югры»: 22

1. *Н.В.Лукина.* Дорога к одинокой избушке 23

2. *Т.А.Молданов, Т.А.Молданова.* Богиня поднимет свой меч! 27

3. *А.И.Казанник.* На основе родовой формы собственности 32

4. *В.А.Москвина.* Тайна заговорного слова... 34

Д У Х О В Н О С Т Ь И К У Л Ь Т У Р А

А.Г.Кандеева. Возвращаясь к Ядринцеву 46

Н.М.Ядринцев. Ханша 50

Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н А Я К У Л Ь Т У Р А

Г.А.Мысливцева. Человек в пространстве времени 40, 4 (обл.)

Н.Ф.Хилько. Ребенок смотрит через объектив 50, 61

К Р А Е В Е Д Е Н И Е

И.Ф.Петров. Кяхта 52

А Н Т И К У Л Ь Т У Р А

Ю.А.Вакутин. За фасадом традиций преступной среды 70

Х Р О Н И К А К У Л Ь Т У Р Н О Й Ж И З Н И

4, 78

Р Е Ц Е Н З И И

Б.А.Коников. Серия «Культура народов России» 74

Г.Г.Волощенко. В поисках новых концепций 78

Ю Р И Д И Ч Е С К А Я К О Н С У Л Ь Т А Ц И Я

Налоговые льготы 79

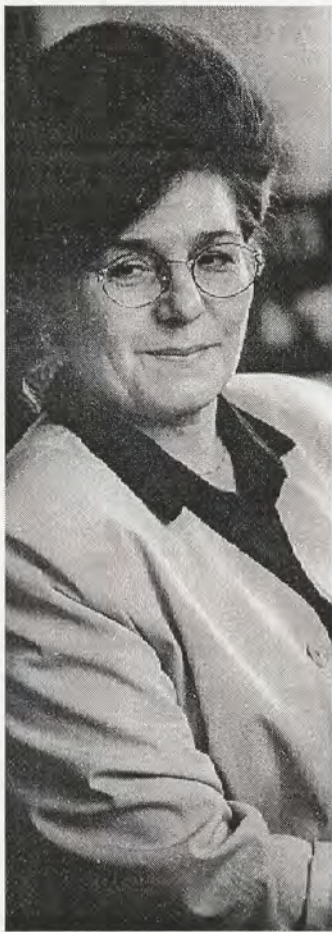
В М А С Т Е Р С К О Й

А.П.Лодянов. Если вас «окликнул» камень 3(обл.)

Программа «КУЛЬТУРА СИБИРИ»

**Интервью с заместителем председателя
Координационного совета по культуре
Межрегиональной ассоциации «Сибирское
соглашение» (МАСС) Н. М. Геновой.**

— Нина Михайловна, в новом, 1997-м году исполняется пять лет со дня рождения МАСС. Можно ли считать выход на разработку Федеральной целевой программы «Сибирь», предусмотренной в Указе Президента России «О дополнительных мерах государственной поддержки экономического и социального развития Сибири» своеобразным показателем её деятельности?

— Безусловно. В ассоциацию входят 19 регионов Западной и Восточной Сибири — субъектов Российской Федерации. Естественно, что при этом необходима программа совместной деятельности, разработка стратегии и тактики её реализации. В области культурной политики этими вопросами поручено заниматься Координационному совету по культуре.

— Что означает пребывание в МАСС для состояния духовной культуры Сибири?

— Прежде всего — возможности для совместного преодоления тех небывалых сложностей, в которых оказалась наша духовная культура. Вы посмотрите: все регионы сегодня открыты для свободных контактов с культурами народов мира, и мир открыт для нас. Казалось бы, этому только радоваться, однако традиционные формы российской культуры оказались по известным причинам либо утраченными, либо крепко забытыми, либо изрядно деформированными. И вот вместо равноценного культурного общения с нашей стороны обнаруживается явный духовный вакуум, который все интенсивнее заполняется импортной эрзакультурой преимущественно западного, американизированного образца — свято место пусто не бывает. И в этом нет, по-моему, явной агрессии. Просто хорошо поставленный западный культурбизнес ищет свободного рынка сбыта и, не встречая особой конкуренции, находит его у нас — только и всего. Противостоять этому можно единственным способом — через возрождение и развитие собственной, отечественной культуры.

Но что это такое по сути — истинно народная культура, насколько она возрождаема стараниями официальных структур, и возрождаема ли вообще в условиях утраты традиционного уклада жизни — вам где-нибудь встречались учебники на эту тему? Мы в этом отношении по-прежнему, как говорится, впереди планеты всей. Стало быть, успех зависит целиком от рационального приобщения к сотрудничеству интеллектуального и творческого потенциала Сибири. Этим и занимается в принципе Координационный совет по культуре МАСС. Он был основан вместе с МАСС в 1992 году, в состав его вошли руководители органов управления сферой культуры по регионам МАСС и в скором времени совет освоил функции организации межрегионального сотрудничества и взаимодействия, а также долгосрочного планирования развития социокультурной сферы Сибирского региона.

— Мы уже сообщали в первом номере «КС» о позитивных результатах деятельности Координационного совета: спасение вузов культуры Сибири от непродуманной интеграции «сверху», ходатайство о включении программ развития народных промыслов и ремесел в перечень федеральных программ с соответствующим финансированием, стимулирование разработки программ национальной культурной политики и т.п. Весьма заметно, что совет отстаивает интересы развития культуры на местах, однако не возникает ли при этом некоторой оппозиции к центру, современной вариации сибирского областничества?

— Ни в коей степени. Еще на старте, в 1992-м, Министр культуры России Е.Ю.Сидоров и Председатель совета МАСС Л.К.Полежаев подписали соглашение о сотрудничестве в развитии культурной сферы Сибири, и с той поры Координационный совет — это деловой партнер для Минкультуры в решении насущных проблем. Но партнер, заметим, компетентный, что делает региональную политику Центра на местах зрячей и эффективной. По-моему, это вполне устраивает обе стороны. Именно благодаря сбалансированности отношений Центра и сибирских регионов, здесь продолжают действовать, например, все профессиональные сценические коллективы, несмотря на экономические трудности, совершается культурный обмен. А в Омске, кстати, открыт Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ и т. д.

— Что представляет собой подпрограмма «Культура Сибири» в Федеральной целевой программе «Сибирь»?

— Эта подпрограмма формируется на основе предложений с мест, учитывая реальные возможности каждого региона. В ней заявлены 10 основных блоков мероприятий по развитию социокультурной сферы Сибири. По каждому блоку определена территория-куратор осуществления этих мероприятий. В Томской области, скажем, накоплен богатый опыт по сохранению и развитию народных художественных промыслов, и томичи взяли на себя задачу содействовать этому процессу на территории всей Сибири. Курированием методики выявления творчески одаренных детей, развития и реализации их талантов займутся органы культуры и специалисты из Новосибирска и Кемерово. Иркутяне и красноярцы в состоянии поделиться опытом решения проблем музееведения, в том числе создания современных систем безопасности для хранения особо ценных музейных и библиотечных фондов. Блок мероприятий по возрождению национальных культур народов Сибири курируют республики Бурятия, Хакасия, Алтай и Тыва. Омичи ответственны за развитие театрально-концертной деятельности в сибирских регионах. Определены источники финансирования по каждому блоку мероприятий со стороны федерального и региональных бюджетов.

Но главной, отличительной чертой подпрограммы будет её просветительская направленность. Необходимо восстановить в общественном сознании всю полноту представлений о собственной национальной культуре, её значении и роли в составе других культур народов мира. Требуются четкие духовные ориентиры в сложных условиях современности. Особые надежды при этом возлагаются на сибирскую гуманитарную науку.

Непосредственное участие в комплексных исследованиях по разработке программ национально-культурного возрождения, интенсивное развитие самой науки о культуре — всему этому уже есть продуктивные начала. Весьма активно развернул свою деятельность, например, Сибирский филиал Российского института культурологии. В центре его внимания — актуальнейшая тема наших дней «Урбанизация и культура», проблемы малых городов Сибири, «Русский вопрос: история и современность», вопросы истории и культуры всех народов Азиатской России. Филиал ежегодно проводит научно-практические конференции общероссийского уровня, оказывающие благотворное влияние на культурную политику в регионах. Естественно, что программой «Культура Сибири» предусмотрена широкая поддержка исследовательской, аналитической и просветительской деятельности научных учреждений нашего края.

— Однако для успешной реализации программы требуется свободный обмен информацией?

— Или, как еще называют, единое информационное поле культуры. Концепция его уже разработана: создание общесибирской телерадиокомпания (в Омске учреждена, к примеру, межрегиональная телекомпания «Зодиак»), киноvideожурнала «Сибирское согласие» (Новосибирск), регулярное издание журнала «Культура Сибири». Предполагаются и другие средства массовой информации.

— Как бы Вы непосредственно оценили пятилетнюю деятельность Координационного совета по культуре МАСС?

— Первым всегда труднее. Хотя именно на основе самооценок постоянно совершенствуются методика работы и структура самого совета. Недавно создан, к примеру, фонд «Культура Сибири» для кооперирования и поддержки проектов развития культуры сибирских регионов. В Минкультуры внесено предложение о введении в коллегии постоянного представительства от сибирских регионов. Необходимо изучить вопрос о создании и деятельности межрегиональных Советов директоров театров, музеев, библиотек, а также — о координации работы творческих объединений Сибири. Ну и весьма уместным, естественно, представляется вопрос о проведении в рамках МАСС научно-практической конференции по реализации программы «Культура Сибири». Разумеется, что для успешной реализации программы требуется всесторонняя поддержка Министерства культуры, и в том числе — по финансированию из федерального бюджета. Причем руководители органов культуры наших сибирских территорий, проявляя рациональный подход, не стремятся растягивать лоскутное одеяло бюджета каждый в свою сторону. Они в Координационном совете вырабатывают приоритеты, позволяющие сохранять и развивать единое культурное пространство Сибири. В этом огромная необходимость для всего региона. Наступило время понять нужды Сибири и в управлениях Министерства культуры: музейного дела, театрального и других. ☐

КРАСНОЯРСК

«ЕНИСЕЙСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»

выходит в свет в ППО «Офсет» при поддержке краевой и городской администраций Красноярского края. Объем словаря — более 130 печатных листов (свыше 1000 стр.). Он создан по материалам готовящейся к печати «Енисейской энциклопедии» под общей редакцией академика АГН, доктора исторических наук, профессора Н. И. Дроздова. Проект этого пятитомного издания разработан совместно с Красноярским отделением ассоциации «Русская энциклопедия», которую возглавляет композитор О. И. Меренкулов, и краевой Администрацией во главе с губернатором В. М. Зубовым. Работа над энциклопедией ведется уже три года силами десяти основных редакций. Одна из самых больших — «Историческая» с отделами «Этнография», «Археология». Материалы представили также редакции «Образование», «Культура», «Филология», «Здравоохранение», «Спорт», «Промышленность», «Торговля», «Банки» и другие. Возглавляют редакции профессиональные ученые из местных вузов и Красноярского научного центра СО РАН. В работе над энциклопедией участвуют более 500 авторов.

ОМСК

ПРОФЕССОРСКИЙ ЗАЛ

Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина ведет свою историю с 1899 г., когда Городская Дума приняла решение об учреждении публичной библиотеки имени великого поэта. 21 января 1907 г. Омская городская публичная библиотека приняла первых читателей, и с тех пор общее число их постоянно увеличивается. С 1920 г. библиотека становится опорным пунктом и для научных работников. А весной 1995 г. «Пушкинка» обрела для себя новое, просторное, современное здание. Среди разнообразных достоинств этого помещения обращает на себя внимание такая особенность. Впервые у академиков, профессоров, докторов наук, ведущих ученых г. Омска появилась возможность заниматься в специализированном зале — «Профессорском», презентация которого состоялась 1 октября 1995 г.

Это небольшой, уютный зал, выдержанный в светлых тонах, оборудованный рабочими боксами с индивидуальным освещением, мягкими, удобными креслами, где можно в небольших перерывах от научной деятельности отдохнуть, полистать номера «свежих» журналов, что напоминает атмосферу домашнего рабочего кабинета. Под рукой у читателя справочный фонд «первой необходимости»: словари, энциклопедии. Существенным условием комфортной работы здесь является широкий диапазон библиотечных услуг, предоставление приоритета в библиотечно-библиографическом обслуживании.

Сотрудники зала оказывают помощь в доработке требований, оформлении заказа, в том числе и предварительно, а также в доставке необходимого документа, затребованной литературы из отдела фондов непосредственно на рабочее место читателя. Помогают в выполнении запросов на издания из фондов других библиотек России, СНГ, ближнего Зарубежья по МБА, наведении библиографических справок.

По желанию читателя, дежурный библиотекарь предоставит информацию о новых поступлениях в библиотеку, сообщит о тематических выставках, которые экспонируются в «Пушкинке», познакомит с книжными выставками трудов ученых г. Омска, организованными в этом зале. Вниманию читателей уже были представлены «Научные труды историков-

профессоров ОмГУ Матющенко В. И., Томилова Н. А., Толочко А. П.», «Труды ученых Омской медицинской Академии», «Уникальные, редкие и ценные книги, рукописи по географии, геологии, истории, собранные доктором географических наук, профессором-консультантом СибАДИ Фиалковым Д. Н.»

Читатели Профессорского зала пользуются и другими видами услуг, в том числе и платными, перечень которых определена правилами ОГОНБ им. А. С. Пушкина: ксерокопирование, ночной абонемент. Сотрудники ПЗ выполняют запросы оперативно, четко, доброжелательно, предоставляя информацию в полном объеме.

*Н. Г. Хатанзеева,
библиотекарь Профессорского
зала ОГОНБ им. А. С. Пушкина*

СУРГУТ

ЖУРНАЛ «ЮГРА»

Это историко-культурный ежемесячный журнал Администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Издаётся в Сургуте с сентября 1991 г. на офсетной бумаге с черно-белыми и цветными иллюстрациями тиражом 2000 экз. Югорским краем, Югрой в старинных русских летописях с XV в. называли регион Среднего и Нижнего Приобья, то есть территорию нынешнего Ханты-Мансийского АО. Это старинное название края и дало заглавие журналу. Широкий тематический диапазон «Югры» — гуманитарная мысль, культура и искусство, история края, краеведение и домоведение, этнография и археология, природопользование и экология края, путешествия. Значительное место в «Югре» имеет художественная литература — проза и поэзия, сибирские легенды. Постоянные рубрики журнала — уголок охотника, фауна Югорской земли, зеленая аптека и др.

За четыре с лишним года вышли в свет уже 50 номеров журнала. За это время редакция сумела привлечь к сотрудничеству очень хороший авторский актив, профессионально знающий свое дело. Постоянно публикуются, например, статьи профессора Тобольского педагогического института, доктора исторических наук, Почетного гражданина Тобольска Ю. П. Прибыльского — автора капитальной монографии «Север СССР в годы Великой Отечественной войны» и двухсот других научных публикаций. В числе самых активных авторов также главный редактор окружной Ханты-Мансийской газеты «Новости Югры» член-корреспондент Петровской академии наук Н. Б. Патрикеев. Читателям он известен как страстный любитель и знаток истории и природы края. Уникальным специалистом по духовной культуре народов Севера является другой бывший аспирант Омского пединститута — Г. Н. Тимофеев. Это — талантливый живописец, автор многих произведений из истории Югры. Он преподавал историю в Тобольском педагогическом институте, затем много лет работал директором средней школы в райцентре Октябрьском Ханты-Мансийского АО. Сейчас Г. Н. Тимофеев на пенсии и публикует статьи в «Югре» по фольклору хантов, манси.

В краткой информации, к сожалению, невозможно назвать имена других авторов «Югры», среди которых много эрудированных краеведов, подлинных подвижников культуры отчего края.

*М. Е. Бударин,
доктор исторических наук,
профессор Омского
педагогического университета.*

**Ребенок
смотрит
ЧЕРЕЗ
ОБЪЕКТИВ**

(см. стр. 55)

«Машка-ромашка». Фото-студия «Юниор» Фото Сергея Отрадного, руководитель Кунакбаев Х. С.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Управлению культуры Администрации Ханты-Мансийского автономного округа,
Комитету по культуре Администрации Иркутской области,
Комитету по культуре Администрации Новосибирской области,
Муниципальному унитарному предприятию «Водоканал» (г. Омск),
Акционерному обществу «Иртышское речное пароходство» (г. Омск),
Акционерному обществу «Электросвязь» (г. Омск)
за финансовую помощь в издании этого номера журнала.

Трудно предположить более злободневную тему для общественной дискуссии, чем отношения между регионами и государственным центром России. Именно через эти отношения с некоторых пор повеяло на нас внезапной войной и чужбиной посреди собственной страны. Именно через них мы ощутили вопиющую некомпетентность с обеих сторон в цивилизованном решении острейших проблем региональной политики. К лицу ли нечто подобное наследникам великой державы, что за последнее тысячелетие расправила могучие крыла свои от Балтики до Курил, не загубив при этом никого из многочисленных народов и даже малых этнических групп? Мы призываем всех ученых, специалистов, практиков-администраторов и широкую общественность принять участие в дискуссии «Сибирь и центральная власть», начинаемую с этого номера одноименной статьей доктора философских наук Г. А. Аванесовой. Давайте попытаемся на примере нашего края все-таки определить, каким образом окультивировать региональную политику в стране настолько, чтобы она отвечала интересам каждого россиянина, каждого региона, а, значит, и всей России в целом.

С надеждой на ваши отклики.

Редакция

СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ власть

(Государство и власть как факторы культурно-цивилизационной интеграции российского общества: пример Сибири)

Г.А. Аванесова,
доктор философских наук

Государственно-административное устройство России несет на себе печать сложного взаимодействия двух групп факторов — целенаправленной управленческой деятельности государственных органов «сверху» и самоорганизации первичных социальных групп и структур «снизу». Первые обеспечивали единство и стабильность в обществе с разнородными культурно-цивилизационными субстратами; вторые — способствовали приспособлению локальных этносов друг к другу и к местной природной среде. Конечно, к факторам второго порядка следует отнести и культурно-историческое достояние малых или больших этнических общностей, включавшихся в состав Российского государства.

Какова же была на этом общероссийском фоне специфика Сибири?

1. НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ СИБИРИ В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Территории Сибири (в данном случае имеется в виду вся территория, которая простирается за Уральским хребтом), присоединявшиеся к России, не имели развитых для своего времени органов самоуправления. К центру поэтому переходило управление публичных и множества частных функций власти. До своего включения в состав России целый ряд народов Сибири развивался почти изолированно от остального мира на основе родоплеменных форм жизнедеятельности, другие — находились в орбите влияния дальневосточной цивилизации. Почти всем социальным образованиям и культурам этого региона были присущи относительно замедленный темп развития, слабая дифференциация политических институтов, архаичная социальная структура.

Вместе с тем в состав России включались народы, жившие совершенно в иных природно-климатических и социально-культурных условиях, нежели сибирские этносы. Вряд ли могли бы выработаться какие-то общие нормы жизнедеятельности у таких разных и отдаленных друг от друга этносов, как малочисленные народы Севера, с одной стороны, и народы Алтая — с другой, или же, скажем, жители дальневосточного севера и народы Кавказа или Закавказья в ходе постепенного эволюционного развития, без организующе-

го воздействия со стороны государства. Подобного рода нормы могут формироваться в условиях целенаправленного административно-политического регулирования, правового упорядочивания, создания единого культурно-смыслового поля, а в некоторых случаях, как свидетельствует мировая и отечественная практика, использования и государственного принуждения. Формированию таких условий в наибольшей степени благоприятствовал имперский тип государства с сильной центральной властью.

Говорить о возможности иного типа государственного устройства, например, федеративного в той исторической обстановке неравномерно: в северной части Евразии в период зарождения там Российской империи не существовало объективных предпосылок для развития федеративных отношений. Федеративные отношения могут сложиться при наличии общей социокультурной системы и достаточно развитых хозяйственных взаимосвязей. В своих устойчивых формах федерация представляет собой более поздний исторический тип государственного устройства. Сложившегося общецивилизационного механизма интеграции в тот период не существовало. Он формировался в ходе длительного исторического развития Российского государства и общества. В этом процессе в качестве факторов-составляющих непосредственно участвовала не только русская культура, но и в той или иной степени культуры народов, входивших в государственную структуру России. Причем сам механизм интеграции оказался тесно связанным с определенным типом государства, берущего на себя целый ряд функций по объединению разных культур и народов.

Постепенный отказ государства от части этих функций в ряде районов Сибири с этнически однородным коренным населением стал возможен не раньше, чем произошла определенная адаптация проживающих в них народов к государственной культуре России, более зрелой и дифференцированной, нежели традиционные нормы социально-политического и правового регулирования, принятые у аборигенов. Так, после революции 1905 г. в целом ряде областей Сибири, как и на других территориях Российской империи, допускается более широкое использование местных традиций социальной организации (например, в Туве, Якутии, Бурятии), что, безусловно, облегчало государственное централизованное управление в целом.

Таким образом, управленческий центр выступает по отношению к этно-национальным группам и народам Сибири в качестве фактора, стимулирующего их развитие в некоторых прежде застойных областях культуры. Происходит постепенное инкорпорирование сибирских аборигенов в государственный и социокультурный организм России. Несомненно, что основная часть этносов Сибири была заинтересована включиться в устойчивое государственное образование, что избавляло их от изнуряющих распри и военных столкновений между собой, а также от последствий борьбы лидеров родовых и семейных кланов за привилегированное положение на внутриэтнической иерархической лестнице. Государственная структура Российской империи способствовала подключению разнообразных этнонациональных и региональных общностей к более широкому культурному пространству, а через него — и к общемировой культуре.

Изменения, происшедшие в Сибири на протяжении последних 300 лет, свидетельствуют, что включение сибирских этносов в российское государство позволило им постепенно аккумулиро-

вать потенции политического развития. Конечно, аккумуляция этих потенций происходила весьма неравномерно у разных этносов. Одни народы жили в условиях родового строя, у других — этот строй находился на стадии разложения; во многих случаях отсутствовала классовая дифференциация.¹ Актуальной для российского правительства была также задача перевести целый ряд кочевых народов Сибири на оседлый образ жизни.² Спонтанные процессы взаимодействия культур, таким образом, переплетались с рациональным воздействием на них центральных органов.

При всех бюрократических издержках самодержавно-имперского порядка Сибирь оставалась регионом относительной мировоззренческой терпимости, сохранения национально-культурного своеобразия, хотя это обстоятельство объяснялось по большей части равнодушием чиновничьего аппарата к проблемам духовной культуры. В советский период была предпринята попытка повсеместно и чаще всего посредством административно-пропагандистских методов утвердить общеобязательные мировоззренческие принципы. Не останавливаясь специально на вопросе о том, насколько это было эффективно, отметим, что этот процесс помимо волонтаристских мотивов руководителей страны, в немалой степени свидетельствовал об актуальности формирования в обществе единой культурно-цивилизационной базы. Однако от политики административного подстегивания процессов интернационального взаимодействия вскоре пришлось отказаться. Уже в 60-е годы возобладал курс на признание своеобразия национальных культур народов, населяющих СССР.

Упомянем еще одну существенную, ценностно-психологическую составляющую межкультурного взаимодействия в Сибири, которая сказывалась как на государственном строительстве, так и на межнациональном и межэтническом общении. Речь идет о свойственном представителям разных коренных и пришлых этнических групп умении уживаться друг с другом, об их выносливости, упорстве и терпении в преодолении жизненных — и материальных, и психологических тягот.

Обращает на себя внимание и то, что на протяжении всего периода освоения Россией Сибири в ней не сформировалась система правовых привилегий для русского населения. Представители различных групп переселенцев — землепроходцы, землепашцы, военные и управленцы, а позже представители гуманитарной интеллигенции, специалисты-интеллектуалы — в своем большинстве видели свою миссию в инонациональной среде в том, чтобы способствовать общему развитию края, делиться с коренным населением более обширными знаниями, профессиональными навыками, жизненным опытом. Русские сибиряки проявили также способность переносить суровые климатические условия Сибири, выдерживать предельные физические и, главное, социальные напряжения. Кроме того, здесь давали о себе знать и закрепленные в психологии русских такие качества, как нетребовательность к условиям жизни, отказ от бытового комфорта (особенно это характерно среди представителей низших сословий), а также верность принципам долга, служения отечеству (это чаще встречалось среди высших сословий).

Конечно, освоение более развитых, современных культурных форм везде сопровождалось трудностями. Аборигены Сибири сталкиваются с проявлениями более усложненных хозяйственных структур, развитой политической жизни, динамичных социальных связей, непривычных ду-

¹ В. Б. Цыбикжапов. **Формирование и развитие политической культуры этносов Сибири.** Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1995, с. 26.

² Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. **Россия и народы Сибири: организация управления и административные реформы в XIX в. / Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Международной научно-практической конференции 12-15 октября 1995 г. Москва-Иркутск, 1995, с. 215-218.**

³ А. А. Елаев.
Бурятия: путь к автономии
и государственности. М.,
1994, Антал., с. 38.

⁴ В. Б. Цыбюжапов.
Формирование и развитие
политической культуры
этносов Сибири, с. 31-36.

ховных ориентаций. Постепенно в регионе складывается система взаимодействия разных культурных миров, в которую каждая из местных культур включалась, сохраняя самобытные ценностные ориентации.

Сложный характер процесса культурного освоения нередко приводил к социальному, в частности, конфессиональному размежеванию внутри одной и той же этно-национальной общности, что отчетливо можно наблюдать на примере бурят. Известно, что в результате миссионерской деятельности часть бурят стала православной; другие оставались буддистами или приверженцами шаманизма. Еще более симптоматична динамика политической культуры бурятского населения. В конце прошлого — начале нынешнего века под влиянием революционных событий 1905 г. в ходе контактов с ссыльными и представителями общероссийских революционных организаций среди бурят возникло движение за национальное самоуправление, для которого в целом была характерна ориентация на демократические идеи. Вместе с тем в движении выделялись два основных течения — одно из них ориентировалось на объединение с более близкими по культуре и религии монголами, представители другого отдавали предпочтение европейской культуре как ориентиру на будущее.³

2. ОБ ОПАСНОСТИ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Территориальная отдаленность Сибири от культурных центров и кадровых ресурсов европейской части России серьезно осложняла обживание края и затрудняла освоение его богатейших природных ресурсов. Известно, что от Ляски правительство Александра II отказалось тогда, когда уже стала очевидной невозможность при имеющемся в Сибири человеческом потенциале, тогдашних коммуникациях освоить и удержать эту крайне отдаленную от центральных районов территорию страны. И в наше время, когда Сибирь освоена намного лучше, чем прежде, вновь с небывалой остротой встает вопрос цены — и экономической, и социальной — освоения сибирских пространств.

Более того, этот вопрос заостряет, в свою очередь, проблему пространственных размеров такого крупного государственного образования, как Россия. В середине XIX в. её управленческая система не смогла «переварить» восточные территории страны, оказавшиеся на американском континенте. Но даже сегодня, при более мощном человеческом потенциале и коммуникационных возможностях проблема эта не снимается полностью с повестки дня. Ибо существует необходимость поиска нового, более эффективного решения вопроса о соотношении властных полномочий центра и Сибирского региона, выработки иной схемы их административно-правовой подчиненности.

Еще одна уязвимость имперского типа организации пространства состоит в том, что в его рамках жизнедеятельность местных общностей и национальных меньшинств по преимуществу жестко регулируется. Те механизмы и методы управления, которые способствуют в определенных ситуациях большей интегрированности общества, при других обстоятельствах превращаются в препятствие развитию региональной и этно-на-

циональной автономии и в конечном счете вызывают ответную реакцию отторжения в виде сепаратистских поползновений и посягательств на государственную целостность страны.

Политика российского государства в отношении регионов и нерусских народов носила во многом двойственный характер. С одной стороны, для нее был характерен культурный плюрализм и в некоторые периоды оживлялся поиск приемлемых форм местного самоуправления. С другой — в ней всегда в явном или неявном виде присутствовала тенденция к нивелировке положения отдельных этно-национальных и региональных групп. В результате на практике не раз принимались шаги, которые разрушали региональную или этническую самобытность, формы взаимодействия аборигенов с природой, затрудняли развитие местных языков, отправление религиозных обрядов и др.

Периоды борьбы центральной власти с местной самобытностью и, напротив, признания ее как бы чередуются друг с другом, создавая впечатление о существовании двух разнонаправленных государственных стратегий.

Так, до революции среди тувинцев, бурят, якутов, при сохранении всей полноты власти в руках назначаемого из центра наместника, все же развиваются формы местного самоуправления, учитывающие национальные особенности и родоплеменные связи.⁴ В советский период на части территории Сибири вводится административно-национальное деление, имеющее во многом формальный характер. Реальное же содержание этно-национальных форм самоуправления в этот период выхолащивается в результате повсеместного внедрения государственно-универсалистских принципов. Доминирование государственно-универсализма, в свою очередь, приводит к усилению движений за восстановление местного самоуправления, в том числе и с учетом этно-национальных традиций. В настоящий период вновь имеет место активный поиск такого соотношения власти между центром и регионами, которое позволило бы регионам обладать большей самостоятельностью, чем это было в рамках советской государственной модели.

Подобное чередование разнонаправленных процессов неизбежно сопровождается противостоянием разных социальных, этнических и региональных сообществ друг с другом и с центральной властью; в ситуации глубокого кризиса российского социума подобное противостояние угрожает перерасти в более серьезные конфликты. Однако было бы неразумно забывать о том, что именно через эти процессы реализуют себя механизмы отработки новых форм государственного устройства России, которые соответствовали бы изменившимся условиям жизни.

Тот факт, что за последнее столетие процессы перераспределения власти между центром и регионами не раз приобретали весьма конфликтный характер, свидетельствует о сложности выработки нового равновесия между различными субкультурами, а также разными социальными группами и региональными сообществами. Объяснение этому в немалой степени состоит в том, что в России общая культурно-цивилизационная основа в достаточной мере не сложилась. Между тем, именно такая основа, как свидетельствуют сравнительные исследования в области политической практики разных народов, способствует более быстрому нахождению консенсуса и отработки сотрудничества между представителями разных этно-национальных субкультур и региональных сообществ.⁵

Таким образом, поиск новых форм государственного построения осуществляется в России при наличии усложняющих этот процесс факторов — на огромном пространстве, в отдаленных друг от друга регионах, жители которых в изменившихся условиях вправе требовать большей самостоятельности при решении своих местных проблем и реализации принципов демократии в государственном управлении; вместе с тем в стране отсутствует прочная культурно-цивилизационная основа, которая цементирует любое другое общество, не позволяя ему распадаться, создавая базу для согласия разных социальных сил.

При обработке новых форм государственного построения все эти особенности нашего общества создают для российской политической элиты, а также национальных и региональных элит достаточно узкое пространство для маневра и политического экспериментирования: если излишняя централизация способна затормозить развитие культурного своеобразия разных народов и снизить активность местных сообществ в самоуправлении, то избыточная регионализация, а также суверенизация республик ведут к сепаратизму и национальным столкновениям.

В такой ситуации при выработке новых форм государственного устройства приходится учитывать этот амбивалентный характер требований, которым должно отвечать существование в новых условиях российских народов: развивая демократические формы политического взаимодействия и институт самоуправления, общество вместе с тем обязано сохранить себя как единое целое.

В такой ситуации при выработке новых форм государственного устройства приходится учитывать этот амбивалентный характер требований, которым должно отвечать существование в новых условиях российских народов: развивая демократические формы политического взаимодействия и институт самоуправления, общество вместе с тем обязано сохранить себя как единое целое. Сибирь оказывается в высшей степени «восприимчивой» к указанным противоречивым требованиям, которым должно отвечать отечественное государственное построение. С одной стороны, здесь за последние 100-150 лет прочно укрепились позиции сторонников регионально-локального самоуправления: в ходе нынешних преобразований здесь создана одна из первых в стране межрегиональная координационно-управленческая ассоциация «Сибирское соглашение». С другой стороны, жители Сибири более, чем население других регионов России, заинтересованы в сохранении мощного центра и единого государства. Ослабление центра для любой части Сибири чревато либо угрозой сепаратизма, территориальных притязаний и в тех или иных формах экспансии со стороны соседних государств, либо связано с невероятными трудностями обживания внутренних областей.

Ныне в рамках российской государственности практически отработывается новая система принципов и организационных форм, которые, утверждая многие механизмы федеративно-демократического устройства, в то же время сохраняли бы ряд узловых звеньев исторически сложившейся государственной конструкции, позволяющих стране развиваться в современных условиях: сильный центр власти — регионы с достаточным объемом самостоятельности, властных прав и обязанностей друг перед другом и перед центром — местное (муниципальное) самоуправление, анклав самоуправления в форме национально-культурной автономии.

3. ВЛАСТЬ ЦЕНТРА КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Центральная власть выступала в российском обществе не только как основной интегративный фактор, включающий в себя систему управления, правовую регуляцию и т. д. В российских условиях государство было также важным институтом стимулирования хозяйственно-экономической активности и регулирования социально-классовых отношений. Для Сибири особенно характерна недостаточная хозяйственно-профессиональная дифференциация населения — как русского, так и тем более коренного, превалирование по численности сельских жителей над горожанами, слабое социально-политическое взаимодействие различных сословий, социальных и культурных групп. На протяжении столетий социальная энергия населения в значительной степени расходовалась на такие важнейшие функции и задачи государственного строительства, как расширение, обживание и военная защита территорий, выработка внутренних норм взаимодействия между разными этно-национальными и региональными общностями, преодоление центробежных тенденций и, напротив, наращивание центростремительных.

Освоение Сибирского региона потребовало от российского общества колоссального напряжения сил — в истории не существовало такого масштабного, сложного по природно-климатическим условиям, но достаточно сжатого по времени обживания территории, которое осуществило бы одно государство. Вместе с тем освоение региона делало сибирское, в частности русское население более зависимым от центральной власти, нежели жителей давно обжитых и благоприятных для проживания территорий в европейской части России.

Слабость внутренних взаимосвязей сообщает российскому обществу крайнюю уязвимость перед верховной властью. Власть не может не воспользоваться этим обстоятельством, проводя политику «разделения и доминирования», игнорируя во многих своих начинаниях конкретные интересы отдельных слоев. Одновременно сама эта власть страдает от подобной аморфности гражданского общества: она вынуждена за все отвечать, брать на себя множество несвойственных ей функций, в том числе те, которые в других странах выполняют вековая традиция, религия, а также единая для страны хозяйственная культура и различные самодеятельные группы населения. В России наиболее сложными для ее властных органов были вопросы согласования интересов разных слоев, наций, этносов; выработки общих ориентиров и мотивов поведения больших масс людей, до этого либо совсем не объединенных, либо слабо скрепленных общей культурной традицией; стимулирования более динамичного общесоциального и экономического развития, вовлечения в него основной части населения.

Переселение в Сибирь крестьян в течение длительного времени происходило преимущественно в результате их обезземеливания в европейской части страны или стремления к свободному хлебопашеству. Лишь постепенно, на основе создания общероссийского рынка, а в советский период — в ходе развития единого хозяйственного комплекса в Сибирь на постоянное жительство или на временную работу стали пере-

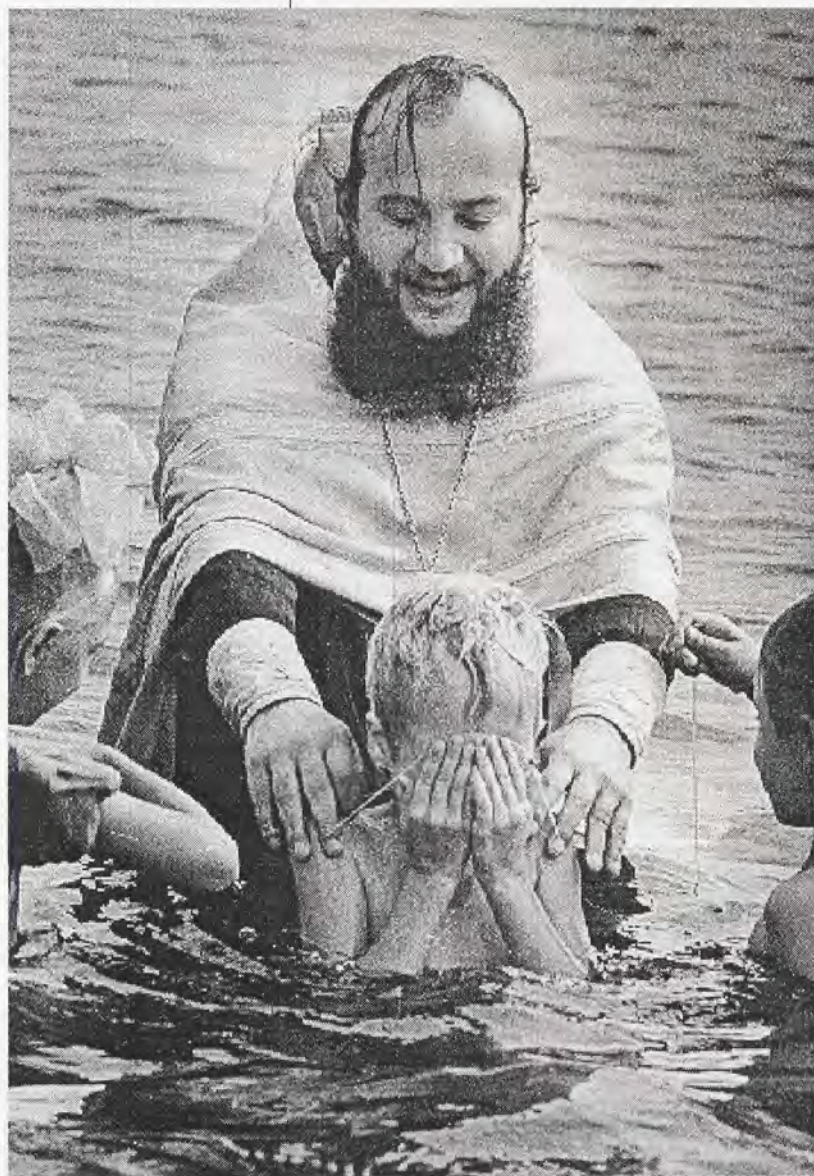
⁵ М. Доган, Д. Пеласси. Сравнительная политическая социология. М., 1994, с. 134-147.

⁶ Г. А. Аванесова. Социокультурная динамика населения Сибири в рамках российской государственности // *Цивилизации и культуры*. Вып. 2. М., 1995, с. 159.

⁷ Л. М. Дамешек, И. А. Иноземцева. Взгляды на будущее Сибири революционных демократов середины XIX в. // *Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Омск, 1995, с. 117-119.

⁸ См.: В. А. Александров, Н. Н. Покровский. *Власть и общество в Сибири в XVII в.* Новосибирск, 1991; В. В. Алексеев. *Освоение Сибири: исторический опыт и современность*, Свердловск, 1990; Г. Ф. Быкоя. *Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в.* Красноярск, 1985.

Крещение на Иртыше.
Фото Е. Кармаева

мещаться из других регионов представители разных социальных слоев, профессиональных и этно-национальных групп.

В конечном счете за 400 лет освоения Сибири численность ее жителей выросла с нескольких сотен тысяч (первоначальную численность аборигенов никто сколько-нибудь точно назвать не может, историки считают, что, вероятно, она не превышала 300 тыс. человек) до 32 млн. человек. В этом, безусловно, отразилась целенаправленность переселенческой политики государства.⁶

Титанические усилия по переселению людей за Урал и обживанию огромного края выявили как сильные, так и слабые стороны центральной власти. Сама политика освоения, формировавшаяся в центре без многочисленных согласований, длительных обсуждений и борьбы интересов в одних случаях выступала мощным катализатором, в других — не менее серьезным тормозом развития обживаемого края.

Уже в XIX в. ряд сибирских ученых-естествоиспытателей (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев), а также известных революционных демократов России (А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский и др.) отчетливо осознают всю пагубность для края управления им из центра чисто административными методами.⁷ Более того, по мере роста численности населения, усложнения структуры сибирского общества и увеличения масштабов хозяйства Сибири, центральная власть во все меньшей степени оказывалась способной решать возникавшие здесь проблемы.

4. ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИБИРИ

Исторически сложилось так, что Сибирь выступала местом притяжения социально активной части населения страны, которая либо закреплялась в активном возрасте. До революции отсутствие в регионе разветвленной бюрократической системы, глубокого сословного деления и административного надзора способствовало складыванию здесь более демократических порядков в местном самоуправлении, проявлению населением большей инициативы в хозяйственно-производственных делах. Свообразные условия жизни сформировали здесь более самостоятельного, чем в центральной части страны, работника, который был готов нести ответственность за результаты своего труда. В определенной степени эти профессиональные и гражданские качества продолжали воспроизводиться также в советский период.⁸

И в настоящее время среди населения Сибири значительное место занимают социальные и профессиональные группы, члены которых обладают характеристиками весьма значимыми в условиях нынешней модернизации. По целому ряду экономических, социальных и культурных показателей (большой удельный вес трудоспособного населения в ряде районов — высокая концентрация квалифицированных кадров, наличие мощных научно-индустриальных, образовательных центров, которые могут трансформироваться в технокультурополисы, природные ресурсы, отсутствие национальных столкновений, наличие политических лидеров, способных увязывать региональные приоритеты с общероссийскими и т.п.) регион обладает наибольшим в стране потенциалом модернизационных преобразований и — что приобретает решающее значение — длительного и устойчивого динамичного развития.

Все это может вывести Сибирь в лидеры модернизации в России. К подобному выводу приходят сегодня не только аналитики, но и политики, хозяйственники, обладающие стратегическим чутьем, умением видеть перспективу страны. При этом и те и другие как правило исходят из необходимости для России, вытекающей из ее геополитического положения, курса на сближение не только со странами Запада, но и со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, которые, согласно прогнозам, будут занимать в XXI в. ведущие позиции в мировой экономике.⁹

Вывод о необходимости переноса центра тяжести экономической и социокультурной модернизации России за Урал вытекает из самой логики внутреннего развития страны. Напомним, насколько остро дают о себе знать неблагоприятные последствия геоэкономических изменений в европейской части после распада СССР. Здесь оказались сосредоточенными очаги индустриального развития с устаревшей, нередко милитаризованной инфраструктурой, а также связанные с ними районы с депрессивными признаками развития; сложившаяся в этой части России структура населения является весьма консервативной — ее нелегко изменить даже в условиях интенсивной модернизации. На этом фоне сибирский регион демонстрирует ряд социальных, профессионально-кадровых и хозяйственно-экономических преимуществ, а также, что немало важно, имеет более благоприятное геополитическое расположение.

(Окончание на стр. 75)

Подобно тому, как в ходе хозяйственно-го и культурного освоения Сибири в советскую эпоху происходил перекокс в сторону технократических подходов и имела место недооценка социально-культурных аспектов процесса урбанизации, в советской науке обозначилось явное отставание в изучении этих процессов.¹ Отсутствие серьезных научных разработок о воздействии процессов урбанизации на человека и его сообщества сказывается как на недооценке этого фактора при разработке региональных программ местными органами власти, так и на отсутствие этой проблематики в политических платформах различных партий.

В настоящее время наблюдается определенный дефицит исследований, характеризующих исходный уровень и состояние культуры регионов в условиях современной модернизации. Особенно это касается городов, где компактно проживает большая часть населения Сибири. Нет четких представлений о субъектах, вызывающих процессы модернизации культуры региона и изменения культурных стереотипов.

Современное состояние российского общества характеризуется попытками преодолеть структурную отсталость в различных областях общественной жизни. Модернизационные процессы, развернувшиеся в нашей стране с середины 1980-х годов, протекают весьма противоречно и болезненно. Для того, чтобы разобраться, в чем причина подобного хода дел, необходимо обратить более пристальное внимание на предпосылки и исходный уровень развития отдельных составляющих. Проведенный в начале «перестройки» анализ был весьма поспешным и поверхностным.

В последние годы российские ученые уделяют все большее внимание проблемам формирования и развития городской культуры, в том числе и на территории Сибири.² Однако следует отметить, в большинстве работ по урбанистике города рассматриваются прежде всего как социально-экономические образования. В результате этого мы имеем работы, исследующие экономические, географические и демографические аспекты истории формирования и развития городов в Сибири и почти полное отсутствие работ, посвященных истории города как социально-культурного феномена.

Особенно отстает отечественная историография с исследованием повседневной жизни и среды обитания человека. Эти вопросы в той или иной степени были затронуты только в немногих работах.³ Хотя в зарубежной историографии проблемам повседневности в последние десятилетия уделяется весьма большое внимание.⁴

В то же время урбанизация не является новой темой в отечественной исторической науке. На рубеже XIX и XX вв. в России сложилась оригинальная научная школа гуманитарного исторического градоведения, которая рассматривала городские поселения не только и не столько как центры экономической и политической жизни, но прежде всего, как особый культурный феномен. Наиболее крупными представителями этого научного направления были И. М. Гревс и Н. П. Анциферов. В одной из своих работ И. М. Гревс писал: «Его (т.е. город) надо понять как нечто внутреннее, цельное, как особый «субъект», собирательную личность, живое существо, в «лицо» которого мы должны взглянуть, понять его «душу», познать и восстановить «биографию» города».⁵ Развивая мысли своего учителя, Н. П. Анциферов отмечал, что «нельзя противопоставлять город — населяющему его обществу. Город есть одно неразрывное

целое со своим населением».⁶ Однако по известным причинам все эти достижения отечественной историографии, к сожалению, временно были утрачены.

Важнейшим «капиталом» и источником развития любого общества является тот огромный социально-культурный потенциал, который был накоплен на протяжении столетий и сосредоточен в таком общественном феномене, как город. Города представляют собой специфическое образование не только в системе расселения, но и в системе общественных отношений. Еще К. Маркс сделал вывод о том, что «само существование города как такового отличается от простой множественности независимых домов. Здесь целое не просто сумма своих частей. Это своего рода самостоятельный организм».⁷

Город как особый феномен наиболее ярко проявляется в более высокой производительности труда. По данным И. Ильина, в крупных городских центрах производительность труда на 28% была выше общих показателей по стране. Это объясняется не только лучшей технической оснащенностью предприятий в городах (особенно в больших), эффектом внутригородской кооперации труда, но и, видимо, социально-культурным феноменом городской среды. Судя по опубликованным данным, города Сибири в этом отношении представляют опережающую модель. Социально-культурное воздействие городской среды проявляется и в том, что среди окончивших городскую школу доля поступающих в вузы в 1,5 раза выше, чем среди выпускников сельских школ.

Современная городская культура складывалась на протяжении многих десятилетий под непосредственным влиянием разновеликих взаимодействующих факторов. Основной тенденцией развития городской культуры на протяжении последних 100 — 150 лет, в том числе и в Сибирском регионе, является переход от преимущественно традиционных (доиндустриальных) к преимущественно урбанистическим (индустриальным и постиндустриальным) формам ее развития, что является важнейшей составной частью процесса модернизации.

Модернизация — это термин, который имеет различное наполнение в различных научных исследованиях. На наш взгляд, наиболее полным определением модернизации является то, которое приводит Э. А. Орлова и которое характеризует модернизацию как мировой процесс перехода от «индустриализма» к «постиндустриализму» в развитых странах, от доиндустриального к индустриальному типу развития в развивающихся странах. Что же касается России, то здесь модернизация определяется как процесс перехода от раннеиндустриального к индустриальному состоянию.⁸

Важнейшей особенностью модернизации в России является ее вторичный характер по отношению к развитым странам Запада, что приводит к широкому заимствованию «образцов», созданных в этих странах, и активной культурной диффузии. Хотим мы, или нет, но этот процесс является вполне объективным. Здесь можно говорить лишь о способах и формах регулирования этого процесса. Важнейшими составляющими современной модернизации являются: индустриализация, урбанизация и вестернизация. Исходя из этого, можно отметить, что процесс модернизации тесно увязан с развитием культуры городов и городской культуры. Ибо чем крупнее город, тем активнее в нем протекают обозначенные процессы, тем большую роль играет в них городская культура в качестве преобразующего «коллективного» субъекта.

¹ Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 7 — 28, Сигалов М. Р. Развитие городов Сибири как баз освоения Сибирского севера // Русский город, вып. 9. М., 1990. С. 75.

² Перчик Е. М. Города в Сибири. — М., 1980.

³ Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946-1960 гг.). — Новосибирск, 1984, Исаев В. И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937 гг. — Новосибирск, 1988.

⁴ Вопросы истории, 1993, № 3, С. 184.

⁵ Гревс И. Город как предмет краеведения // Краеведение, 1924, № 3, С. 249

⁶ Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. 2-е изд. Л., 1926, С. 16

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 470

⁸ Орлова Э. А. Проблемы модернизации в России: культурные аспекты // Теоретические основания культурной политики. М., 1993. С. 5.

Урбанизацию следует рассматривать как неоднозначный процесс, в ходе которого происходят многоуровневые, многоаспектные изменения не только социального или экономического плана, но прежде всего культурного. Урбанизация страны характеризуется не только и не столько ростом размеров и численности городов, увеличением числа проживающего в них населения, как это традиционно определялось до недавнего прошлого в научных исследованиях 1970-80-х гг., но прежде всего формированием и все более широким распространением городского образа жизни, городской культуры в собственном смысле этого слова.⁹ Игнорирование этого факта и привело к технократическим перекосам как в теории, так и на практике в развитии городов Сибири. В конечном итоге это способствовало возникновению серьезных экологических и социальных проблем.

Не следует однако рассматривать процесс формирования и развития городской культуры как однолинейный и однонаправленный, чем грешат очень многие работы недавнего прошлого. В условиях экстенсивной урбанизации 1930-х — 1950-х гг. практически во всех городах Сибири серьезную роль играли процессы рурализации городской среды, «реактивное» воздействие села на формирующуюся культуру городов, на образ жизни человека.

Противоположный урбанизации по вектору своей направленности процесс характеризуется как «рурализация» и понимается в данной статье как процесс воздействия сельской традиционной культуры на культуру города, как путем миграции сельских жителей, так и иными способами. По сравнению с процессами урбанизации, процессы рурализации и их влияние на динамику, структуру и образ жизни городского населения на различных этапах привлекали к себе еще меньшее внимание исследователей и практически в отечественной науке не рассматривались. Исключение составляют немногочисленные работы, изучающие эти проблемы применительно к более ранним этапам отечественной истории.¹⁰

Подобные процессы характерны не только для далекого и недалекого прошлого, но и для современных условий. Современная экономическая ситуация привела к тому, что многие горожане (и не только из числа недавних сельских жителей) в настоящее время обрабатывают земельные участки и засаживают их преимущественно картофелем, заводят в семейное пользование так называемые «дачи» не для удовольствия и отдыха, а для пополнения своей потребительской корзины. Вместо отдыха они получают дополнительное и общественно неоправданное рабочее время. Все это самым непосредственным образом сказывается на образе жизни и социально-культурном облике самых широких слоев населения. Годовой бюджет времени этих слоев в значительной мере зависит от календаря и сезонности сельхозработ.

Еще один пример. Попытки возрождения национального самосознания, поддержка федеральными и местными органами власти создания национально-культурных центров и конститирование казачества в качестве особого социального слоя приводят зачастую к ориентации на традиционную культурную модель сельского жителя, т.е. к ретривам рурализации современного общества, что явно противоречит основным моментам модернизации страны. Как известно, для традиционного общества большую роль и значение имеет мифологизация сознания. Особый интерес в этом отношении представляет изучение культуры городов Сибири через призму «поколений». По

оценке Вишневого А. Г., в 1940-60-е гг. наши города оказались «захваченными вчерашними крестьянами».¹¹ Однако в культурологическом плане эта проблема еще совсем не разработана и ждет своих исследователей. Эта тема, как показала только что состоявшиеся президентские выборы, имеет большое значение и для различных политических сил. Именно ретривы рурализации оказали самое серьезное влияние на политическое сознание отдельных социальных слоев городского населения и их политические предпочтения.

Сельская традиционная культура, в отличие от городской, ориентированной преимущественно на создание искусственной среды обитания, всегда ориентировалась на природу (в широком смысле этого слова) и стремилась гармонизировать свои отношения с ней. Отсюда происходят ее несомненные преимущества над городской в решении некоторых проблем. Например, более высокая экологическая чистота среды обитания и т. п. Поэтому на протяжении последнего столетия в истории научной мысли неоднократно возникал соблазн использовать эти преимущества при социальном проектировании искусственной городской среды обитания (Говард и др.). Однако «естественные» процессы индустриализации и урбанизации разрушали подобные попытки.¹²

Определяя границы понятия «городская культура», необходимо прежде всего отметить, что оно значительно уже понятия «культура города». Термин «культура города» является обобщенной категорией, обозначающей созданную людьми искусственную среду существования и самореализации. Это организованная совокупность физических, символических объектов, технологий, нормативных и ценностных образований, включающих в себя не только материальные (природные или искусственные, т.е. созданные людьми объекты (артифакты),¹³ но и то, что Н. П. Анциферов вслед за своим учителем И. М. Гревсом характеризовал как «душа города».¹⁴ С позиций современной науки последняя состоит из таких элементов культуры города как нормы и ценности данной городской общины, социальная психология городского сообщества, образ жизни и менталитет горожан, социальная коммуникация и социальное проектирование и т. п. Границами данного объекта исследования — культура города — являются внешние по отношению к нему административно-территориальные рамки.

Основными составляющими культуры города являются субкультуры высшего порядка: «городская культура» (собственно городская культура), традиционная культура (собственно сельская культура) и гибридная (квазиурбанистическая или квазигородская).

Собственно городская культура (далее — городская культура) так же, как и понятие культуры, в качестве объекта исследования поддается определению с большим трудом. В настоящее время существует несколько рабочих определений этого феномена, каждое из которых лишь в малой степени способно удовлетворить исследователей. Вот одно из подобных: «Под городской культурой мы можем разуметь подвижный, зыбкий в контурах образ, возникающий в результате преломления универсальных культурно-творческих процессов в конкретно-индивидуальной городской среде».¹⁵

Как бы там ни было, современная городская культура имеет сложную полиаморфную структуру, состоящую из множества взаимодействующих субкультур, и имеет в основе своего развития тенденции к дифференциации и усложнению внутренней структуры. В рамках современной город-

⁹ Ахиезер А. С., Коган А. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969, № 2. С. 44.

¹⁰ Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи, Новосибирск, 1988, Аратюнян Ю. В., Губоголо М. Н., Дробижева А. М., Панкратова М. Г. Урбанизация села в СССР и некоторые проблемы социального управления. М., 1970 и др.

¹¹ Вишневикий А. Г. На полпути к городскому обществу // Человек. 1992, № 1. — С. 22

¹² Груза И. Теория города. М., 1972

¹³ Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994. С. 18 — 20

¹⁴ Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. С. 29

¹⁵ Культура города: Проблемы инновации, М., 1987.

ской культуры можно выделить три наиболее крупных типа, которые соответствуют основным этапам общественного развития.

Первый, наиболее общий, тип — традиционная городская культура доиндустриального общества. Город как особая система поселения и организации общественных сил возник, как всем хорошо известно, в весьма отдаленном историческом прошлом и на протяжении многих столетий своего существования выработал особый тип культуры. Для России — не позднее конца XIX в.

Второй тип культуры — городская культура индустриального типа — начинает формироваться в России в конце XIX — начале XX вв. на основе процессов первичной индустриализации, которая была непосредственно связана с переходом к машинному производству с широким использованием парового двигателя, электроэнергии и «первичной» урбанизации, связанной с резким ростом как численности городов, так и городского населения. Этот процесс продолжался в России до конца 50-х гг. XX в.

Третий тип городской культуры — урбанистическая культура — является непосредственным результатом научно-технической революции и переходом к постиндустриальному развитию. Первые ростки этой культуры стали проклевываться и пробивать себе дорогу в нашем обществе в конце 1950-х — начале 60-х гг. Однако процесс формирования третьего типа городской культуры в нашем обществе находится в начальной стадии и весьма далек от завершения.

Таким образом, современная городская культура является сложным агрегированным образованием, состоящим из всех трех выше обозначенных типов культуры: «остатков» традиционной городской культуры, городской культуры индустриального типа (являющейся основной и наиболее «распространенной») и зачатков культуры нового типа — урбанистической (которые еще весьма слабы, но в будущем должны занять доминирующие позиции). Выделяя основные субкультуры, возникающие в ходе процессов урбанизации, необходимо проследить их эволюцию, определить варианты их изменения, проанализировать каналы взаимодействия различных субкультур, выделить доминирующие субкультуры.

Сложный синтетический характер изучаемого объекта (культура города) не поддается достаточно полному описанию и исследованию с позиций какой-либо отдельно взятой науки, теории или концепции. Поэтому его изучение требует выработки комплексного междисциплинарного подхода. Целостной теории данного уровня в настоящее время еще не существует. В связи с этим современная наука преодолевает отмеченные трудности путем самостоятельного анализа различных подсистем объекта с использованием уже отработанных моделей по отношению к этим подобъектам.

Основным социальным носителем культуры города является городское население, которое в данной статье рассматривается в качестве особой социально-культурной общности. В 1960-е — первой половине 1980-х годов наблюдается постоянный рост численности и качественных показателей этой общности. Современная городская культура имеет сложную полиаморфную структуру, состоящую из множества взаимодействующих субкультур, присущих различным слоям городского населения.

В рамках социально-культурной стратификации городского населения сибирскими учеными определенно выделяются следующие социокультурные слои.

Во-первых, слой «чистых» горожан (далее — горожане), т.е. тех, кто всю или по крайней мере более 3/4 своей жизни прожил в городе. Часть лиц этого слоя — горожане второго, третьего и более поколения. По характеристике Л. В. Корель, этот слой населения является «наиболее ярким представителем, а также транслятором и генератором стандартов и стереотипов урбанизированного образа жизни». На этот слой как самый приспособленный к городскому образу жизни, «видимо, должны ориентироваться в своем поведении остальные группы» и он является референтным и «демонстрирует эталоны и образцы поведения урбанизированного человека».¹⁶

Второй слой — «преимущественно» горожане (далее полугорожане) — объединяет лиц, которые провели в городе от половины до 3/4 жизни. Это — горожане первого поколения. Фон традиционной аграрной культуры и образа жизни, согласно гипотетическим представлениям Л. В. Корель, у них размыт и слабо сказывается на поведении, у них размыты и образ жизни.¹⁷

Третий слой состоит из лиц, проживших в городских поселениях более четверти, но не более половины своей жизни. Это полусельские жители по своим социокультурным характеристикам (далее — городские полусельяне). Этот слой образуют горожане первого поколения с заметно выраженными, согласно гипотезе, элементами традиционной аграрной культуры в поведении, установках и образе жизни в целом. По определению Л. В. Корель, «пока им удалось освоить... лишь «азы» городского образа жизни. Их ожидаемое поведение — это сплав, с одной стороны, традиционных аграрных поведенческих установок, присущих сельскому населению, с другой — сугубо городских стандартов и стереотипов поведения».¹⁸

Четвертый слой, по своей социально-культурной принадлежности, — городские селяне, т.е. лица, прожившие в сельской местности почти всю или более 3/4 своей жизни. «Они находятся на стадии вживания в новую городскую среду, перестройки нормативно-ценностной структуры личности, образа жизни, т.е. на этапе начальной или незавершенной адаптации к городу и дезадаптации по отношению к селу. В своем поведении... они наиболее далеки от урбанизированного образа жизни и остаются носителями преимущественно аграрной культуры».¹⁹

Исследование, проведенное новосибирскими учеными в середине 1980-х гг., показало, что городское население Западной Сибири между основными социально-территориальными группами распределилось следующим образом: группа «чистых горожан» составила 60% от числа опрошенных, полугорожане — 18, городские полусельяне — 15, городских селян — 7%.²⁰

Исходным моментом в любом исследовании социально-культурного облика городов Сибири является определение основных показателей, характеризующих данные изменения. Вполне очевидно, что в современных условиях не представляется возможным выделить единый интегральный показатель, характеризующий подобные изменения. Исследование осложнено неопределенностью не только категориального аппарата, но и самих показателей уровня развития культуры, поддающихся количественному и качественному анализу. Наиболее распространенным эмпирически measurable показателем, который чаще всего используют исследователи, является уровень образования городского населения. Однако известно, что нельзя отождествлять понятие образование с понятием культура. В то же время следует помнить, что образование создает «почву для культуры».

¹⁶ Данный анализ построен на основе: **Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения)**. Новосибирск, 1990, с. 327-328.

¹⁷ Там же. С. 328.

¹⁸ Там же. С. 327.

¹⁹ Там же. С. 328.

²⁰ Там же. С. 329.

Хотя знания современного человека «формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации», что приводит к возникновению феномена «мозаичной культуры».²¹ Как отметил Орлова Э. А., «современная социокультурная ситуация городской жизни в нашей стране характеризуется еще одной фундаментальной особенностью... Речь идет о неоднородности культурной среды современных советских городов, о множественности социокультурных процессов, в которых приходится участвовать его жителям».²² Тем более это характерно для модернизации последнего времени. Важнейшей составляющей современных городских процессов является массовизация культуры.

Город — это особая социально-территориальная форма организации общественного производства, где осуществляется не только производство вещей, но и «производство» самих людей, их образа жизни. Качество «производства» человека во многом, если не во всем, зависит от состояния социально-культурной среды, которое определяется в том числе и такими факторами, как наличие и качество жилья и коммунальных услуг, внутригородского транспорта и связи, торговли и общественного питания, бытового обслуживания, состояния здравоохранения, образования и т.п. Процесс усложнения городской среды приводит к изменению «качества» самого человека.

Другим важнейшим показателем социально-культурного развития городской среды является ее экология. Формирование и развитие «культуры городов» оказывает все возрастающее влияние на окружающую их территорию. Замещение природных элементов окружающей человека среды искусственно создаваемыми есть фундаментальная черта городского образа жизни. «Социальность» города начинается тогда, когда речь заходит о процессе потребления, т.е. об использовании природы и искусственно создаваемой городской среды для жизнедеятельности человека. В этом смысле «потребление» человеком природы есть важнейший показатель социально-культурного развития городов. Чем крупнее город, тем более сложной и дорогостоящей становится система его жизнеобеспечения, тем, как правило, сильнее загрязнение окружающей его среды.

Культура села (включая и собственно сельскую традиционную культуру) в условиях модернизации и урбанизации, несмотря на то, что она сильно сокращает поле своего воздействия в городской среде под воздействием указанных процессов, тем не менее является составной частью культуры города. Культура села — это социально-наследованный комплекс практики и верований, определяющий основы жизнедеятельности сельской общины (общества). Сельская культура отличается от городской не только и не столько по количественным и даже качественным параметрам основных ее составляющих, сколько по технико-организационным, пространственно-временным и функциональным характеристикам. При изучении этого феномена всегда необходимо помнить, что не только город пришел в деревню, но и деревня «пришла» в город. Однако процесс проникновения в город, функционирования и мутации сельской традиционной культуры в новых для нее городских условиях до сего дня практически не изучен в полной мере. Есть только исследования, посвященные изучению адаптации мигрантов (в том числе и сельских) к городской среде.²³ Но нет исследований о том, как образцы, символы и образы традиционной сельской культуры «входят» в состав культуры города и что с ними происходит в дальнейшем. При этом не-

обходимо отметить, что и культура села в современных условиях имеет сложный многослойный характер. Она состоит как минимум из традиционной сельской культуры и агро-индустриальной культуры новой формации, формирование которой началось в 1930-е гг. и не завершилось по сей день.

Гибридная (квазиурбанистическая или квазигородская) культура возникает в составе культуры города как результат неполной и искаженной адаптации традиционной сельской культуры к «новым» условиям урбанизации под воздействием разного рода причин. Наиболее интересными в этом плане являются выводы В. Л. Глазычева о формировании в советских условиях особого типа культуры, возникающей на базе промежуточных типов поселений, главным образом — поселков городского типа и рабочих окраин больших городов, которые автор характеризует удачным термином «слобода». В культуре «слободы», по мнению В. Л. Глазычева, «представлены элементы патриархальной культуры, роднящие ее с деревней, и элементы «фабричной» культуры и мещанского фольклора, в которых чисто внешне присутствовали ценности культуры крупных городов и их центров в первую очередь».²⁴ «Слободская культура» является промежуточным звеном в системе адаптации сельских мигрантов к урбанизированной среде, что довольно неплохо доказано в работах Ж. А. Зайончковской. «Поведение» традиционной и во многом консервативной модели культуры в условиях модернизации представляет особый научный интерес, но, к сожалению, в отечественной историографии пока никак не реализован.

Современный период развития России поставил перед обществом целый ряд сложных проблем политического, экономического и социального порядка. Но, думается, эти проблемы будут неизбежно воспроизводиться во все увеличивающемся масштабе без создания прочной культурной основы идущим реформам. Именно духовные ценности, опирающиеся на весь культурный опыт, выработанный нашим народом, могут стать базой для выработки программ общественного действия и выхода из кризиса, в котором оказалась страна. Во время великого экономического кризиса конца 1920-х — начала 1930-х, потрясшего Западную Европу и Америку, наш великий соотечественник Николай Рерих в своей работе «Красный крест культуры» в 1932 г. писал, что «уже давно народная мудрость сказала: деньги потеряны — ничего не потеряно, но мужество потеряно — все потеряно. Сейчас приходится вспомнить об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить: и пострадавшие и почему-то мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативы, творческие устремления. Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, и не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о культуре... Нет, нужно именно сейчас спешно думать не только о культуре, как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению».²⁵

Современное развитие крупных и малых городов Сибири, процессы урбанизации нашей жизни в целом повышают роль социального познания этих процессов в любой самой что ни на есть практической деятельности, а тем более в деятельности федеральных органов власти и любой администрации местного значения. Беда однако в том, что многие из управленцев и политиков не учитывают привязанности социальных и политических процессов к культурным, к культурному ландшафту городов России и сплошь и рядом по-

²¹ Моль А. Социодинамика культуры. - М., 1973. - С. 45.

²² Орлова Э. А. Современная городская культура и человек. - М., 1987. - С. 69.

²³ Зайончковская Ж. А., Новоселы в городах. - М., 1972, Она же. - Демографическая ситуация и расселение. — М., 1991.

²⁴ Глазычев В. Л. От сельской культуры к урбанизации // Культура в советском обществе. - М., 1988. - С. 42.

²⁵ Рерих Н. К.
Красный крест культуры //
Рерих Н. К. О вечном... М.,
1991. - С. 73.

таются решать разрывающие страну проблемы и конфликты помимо и иногда даже вопреки реально действующим механизмам урбанизации и развития городской культуры.

Все эти моменты требуют со стороны ученых тщательного исследования последствий урбанизации и их влияния на изменения городской культуры с целью выработки основ перспективных моделей развития российского общества. Культура должна стать одной из главных основ его модернизации. Без учета этого важнейшего фактора ожидать экономического чуда, долговременной политической стабилизации, устойчивой сбалансированности межнациональных отношений просто несерьезно.

Однако, к великому сожалению, приходится отметить, что несмотря на свою важность, за весь послевоенный период в стране не было создано сколько-нибудь крупной научной организации, специально занимающейся проблемами изучения городов в современных условиях урбанизации, когда в них стало проживать большая часть населения страны. И здесь уместно вспомнить зарубежный опыт. Американцы и западноевропейцы в условиях бурной урбанизации в свое время столкнулись с целым рядом проблем в развитии городов, которые зачастую характеризовались как кризис, и именно это подтолкнуло политиков и ученых обратить на них особо пристальное внимание. Специалистам известно, что американское так называемое экологическое направление социологии кристаллизовалось на проблемах изучения крупнейшего города США — Чикаго, что в конечном итоге привело не только к созданию знаменитой Чикагской школы, но и дало сильнейший импульс для развития многих научных дисциплин, связанных с изучением города и городской среды. И сегодня в Соединенных Штатах и Западной Европе действует целый ряд университетских центров и программ, занимающихся изучением проблем развития крупных городов.

Сложный синтетический характер изучаемого объекта (культура города) не поддается достаточно полному описанию и исследованию с позиций какой-либо отдельно взятой науки, теории или концепции. Поэтому его изучение требует выработки комплексного междисциплинарного подхода. Целостной теории данного уровня в настоящее время пока еще не существует.

Таким образом, необходимость исследования основных проблем формирования и развития городской культуры в современных условиях связана с поворотом к новому пониманию роли культурного фактора в проведении современных реформ и вызвана непосредственно сегодняшними потребностями в разработке новых научных подходов к созданию программы социокультурного развития крупнейшего региона России — Сибири. Изучение и решение этих проблем силами историков, социологов, культурологов, архитекторов и практических работников в области культуры будет способствовать не только дальнейшему развитию науки, но и интеграции сил ученых с практическими работниками в сфере культуры. Результаты работы ученых должны найти выход в практику, и прежде всего, в выработке рекомендаций для территориальных программ социально-культурного развития России в условиях ее модернизации, в определении приоритетов при решении конкретных вопросов культурной политики органами власти.

ИРКУТСКИЙ РЕНЕССАНС

Загадочный Иркутск, созвездиям поставляющий классиков отечественной литературы. Пышные празднества, новые музеи, библиотеки, программа «Возрождение»... Недаром говорят, что Иркутская область — богатая область. Однако на самом деле, если приглядеться, то в Иркутске далеко не так, как о нем, было, подумали. В Иркутске — интереснее...

На дворе, скажем, сентябрь, а зарплата нет с июня. Вы готовы уже привычно кивать обличительным пассажирам по известному адресу, но иркутяне своему начальству сочувствуют. Иркутское начальство от культуры, оказывается, имеет завидную привычку деликатного обращения с подчиненными: не решать через голову «нижестоящих», не губить их творческой инициативы, уважать заслуги (30 процентов к зарплате всем работникам со стажем). При такой обстановке каждый невольно чувствует себя начальником своего дела, обличать некого. Идиллия?

Или вот, к примеру, вам дважды посчастливилось. Во-первых, побывать на празднике 60-летия Слодянки (рудничный городок на берегу Байкала). А во-вторых, познакомиться там с творческой интеллигенцией в лице супругов Яковец. Рената Леонидовна — самодеятельный живописец и ваятель, автор еще недавно дерзкой книги о репрессированных строителях Слодянки. На попечении Ивана Трофимовича — вся, так сказать, оснастка ее деятельности. Вот и сейчас у крылечка дожидается ее искусства заботливо приготовленный ворошок бересты: художница только что вернулась с курсов резьбы по дереву при областном Центре народного творчества.

Оба — люди самостоятельных взглядов на жизнь и оценок происходящего. Естественно, что вы уже было настроились на общение с диссидентами местного масштаба, как вдруг вам говорят:

— Существует мнение, что задача русской интеллигенции — какая-то хроническая оппозиция к властям. Да это неправда! К чему же оппозиция, если «сверху» пускай не помогают, но хотя бы не препятствуют доброму делу? Хотите убедиться?

И вас привозят куда-то к высокому, глухому, но свежоштукатуренному забору. Калитка отворается, и перед вами вдруг — чудесный уголок, достойный роскоши байкальского пейзажа. Широкий двор, со вкусом выложенный каменными плитами, ухоженные цветники, в которых вспыхивают кристалльными лучами какие-то загадочные камни, нарядные строения по периметру. Вы входите в центральное, а здесь вас ожидают в прозрачных стеллажах несметные сокровища байкальских и российских недр.

Так вы оказываетесь в частном минералогическом музее Жигалова и К* «Самоцвет Байкала». Еще недавно здесь был полузаброшенный пустырь, по двору снуют еще в крепко подержанной «робе» хозяйка музея Валерий Алексеевич и Любовь Михайловна Жигаловы (Рената Леонидовна при этом — архитектор и художественный оформитель). А теперь на южном берегу Байкала уже имеется, как видим, просветительское заведение, работающее круглосуточно, без выходных, с библиотекой, выставочным залом, геотуризмом, гостиницей, столовой, баней (нет, вы еще не соблазнились?). До оппозиции ли тут с властями, в самом деле, если те, конечно, не препятствуют?

«Ну хорошо, это — предприниматели», — думаете вы уже в другом музее — государственном, архитектурно-этнографическом под открытым небом «Тальцы». Его довольно молодой еще директор Владимир Тихонов познакомил вас со всеми экспозициями, посвятил в историю и планы развития музея, ваша беседа уже в доверительном тоне, и он под впечатлением от рассказанного, заново продуманного вдруг признается:

— Эх, если бы все сделать, как затеяли, да лечь бы вот сюда, вот в эту землю, и больше ничего не надо!..

Вы видите, что перед вами — человек предельно искренний, связавший восдино свою судьбу и дело, — вы это понимаете. Но странно, откуда все же у него уверенность, чтобы заглядывать так далеко? В Слюдянке — там предприниматели, владельцы дела, сами себе господа. А он — всего лишь по контракту на три года. Какие у него гарантии на будущее? Успешные дела, прилежная работа? Так ведь чем лучше, тем и опасней для него — готовенькое-то манит! К тому же мода по стране: чуть новый «шеф», так сразу новую «команду» для себя — всю, сверху-донизу, включая секретаршу и уборщицу. Или в Иркутске это невозможно?

Да, интересный город. Программа «Возрождение народной традиционной культуры». Ну, пошумели, поиграли волны наверху и улеглись — не привыкать. Но так, чтобы всерьез, чтобы с анкетами в народ, чтобы спросить деревню, мужика: «А как ты думаешь?» — бывало ли подобное в России? Так интригует вас Иркутск на каждом шагу от недоумения до чувства собственной испорченности, пока вы не догадываетесь, наконец, с каким явлением имеете дело через каждого из своих собеседников.

Явление это в масштабах областного центра с распространением влияния на периферию весьма необычно и мало изучено. Относительно происхождения его некоторые сведения дают, например, публикуемые у нас документальные новеллы Марка Сергеева. Все началось, кажется, с того, что еще в 60-х группа молодых литераторов при иркутском Союзе писателей выступила с инициативой проводить конференции-семинары вместе с молодежью других творческих союзов города. «Сверху» поддержали (! — «оттепель» сказалась?), конференция прошла с успехом и стала затем ежегодной традицией иркутян, а молодые таланты различного профиля — персонажами творческих биографий друг для друга.

Так возникла и стала развиваться неформальная среда общения творческой интеллигенции области, пронизанная многопрофильным сотрудничеством, обменом замыслами, суждениями и просто житейской информацией. Довольно скоро эта среда образовала собой духовную элиту в структуре городского общества, которая с тех пор пребывает в центре внимания иркутского населения. Это самая открытая элита в мире, но в то же время — элита избранных. Ни деньги, ни власть, ни тайные связи не отворяют в нее двери, входным билетом служит исключительно собственный талант. Любый человек художественного дара обретает здесь сообщество собратьев по искусству, однако индивидуальный престиж среди них определяется по-прежнему степенью талантливости и мастерства. Это, в свою очередь, побуждает к почти иноческому подвижничеству в развитии отпущенных творческих способностей, так что создаваемые произведения восходят на уровень достижений отечественной культуры, как это мы видим на примере писателей-иркутян.

На этой стадии развития творческой элиты во всей полноте начинает проявляться ее нравственное влияние на общество. Речь идет не только о силе воздействия художественных произведений, но и непосредственно самой единой творческой среды. Ведь что это такое, когда все друг друга хорошо знают, сотрудничают

между собой и свободно обмениваются информацией? В таких условиях спонтанно, сам собою включается в работу механизм нравственной саморегуляции поведения персонажей этой среды. Речь не о том, конечно, что они превращаются в небесных ангелов, напротив, этим людям свойственны, быть может, скорее божьи наклонности. Но среди них в процессе общения формируются единые этические ценности, каждый из них прекрасно знает, что по чем в поступках и плодах творения окружающих, так что нравственная чистота становится не только условием собственного духовного развития, но и делом чести в отношениях друг с другом.

Творческая среда весьма активно влияет и на качество внешней социальной обстановки, живо и разнообразно реагируя на любое воздействие извне. Самое непосредственное и постоянное влияние этой среды испытывают на себе прежде всего работники административно-управленческого аппарата сферы культуры. Очевидно, что администрации всех уровней уже не дано изменять творческую среду «под себя» при наличии в ней больших художников, остается изменяться самой в соответствии с критериями этой среды. А первый критерий для полноценного вхождения в нее, как мы помним, — это собственный талант, пусть это будет талант административный, организаторский. Не потому ли так часто среди иркутских работников культуры встречаются творческие, инициативные люди? А явное присутствие культуры управления в учреждениях иркутской культуры — не потому ли?

И, наконец, деятельность художественной элиты подтягивает нравственно все общество в целом. Люди узнают самих себя на театральной сцене, в рассказах, повестях и романах, на живописных полотнах, в стихах и песнях, общество в духовном смысле начинает как бы смотреться в зеркало и наводить порядок в собственном облике. Творческая интеллигенция, таким образом, во всем диапазоне своего искусства исполняет ту миссию, которую предполагал в литературе еще Н. В. Гоголь: она призвана направлять нравственность того сословия, которое уже вышло из крестьянства (стало быть, из сферы регулирования нравов со стороны крестьянской общины), но еще не взшло на уровень высокой духовной культуры. Вышло, да не взшло... Гоголь как будто предвидел нравственное состояние всего современного нам российского общества. Вот почему столь обнадеживающее значение приобретает иркутский опыт формирования творческой среды — держательницы духовного зеркала.

Однако чем же объясняется, что именно иркутские молодые литераторы выступили тогда, в 60-х, с объединившей всех инициативой? Чем вообще обусловлен этот иркутский ренессанс? — начнут здесь допытываться читатели. Ну что же, пускай эти вопросы станут нашим заказом для вдумчивых культурологов, но давайте вначале послушаем самих иркутян.

Владимир ПЛЮХИН

Р.С.
Для желающих заочно
приобщиться к иркутской творческой
среде сообщаем координаты
ежемесячника «Иркутская культура»:
664011, Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 10.
Редактор Александр Исаков.

«ТАЛЬЦЫ»

В. В. Тихонов,
директор архитектурно-этнографического музея под открытым небом.

Местечко Тальцы, имя которого носит наш музей, называется так потому, что здесь протекает река Тальцинка. Она зимой местами не замерзает, скорее всего это связано с влиянием горячих ключей, отсюда и ее название (талей, по-русски, — незамерзающий участок реки, озера). По этой причине Тальцы, благодаря внутриземельному теплу, как бы отрицают собой всемогущество сибирской зимы и затяжных морозов. Более удачное место для архитектурно-этнографического музея под открытым небом вряд ли можно представить. Аналогии напрашиваются сами собой. Разве не протаивают, скажем, историографические экспозиции музея сквозь ледяную толщу времен и забвения? Разве не согревает духовный огонь из недр нашей истории современное мироощущение человека?

Поразительно и то, что в судьбе музея заглавную роль всякий раз играет как бы случайность. В самом разнообразном и, как подобает ей, в неожиданном проявлении, но тем не менее. В 1956 г. Иркутское водохранилище затопило здесь старинный стекольный завод с рабочим поселком, и территория наверху, над поймой Ангары, оказалась ничейной. В 1965 г. возник вопрос, куда переносить уникальные памятники истории и архитектуры республиканского значения из ложа другого водохранилища — Усть-Илимского. Это — Спасская проезжая башня Илимского острога постройки 1667 г. и Казанская часовня (1679 г.), а также наиболее выразительные образцы крестьянской архитектуры. Выбор пал на Тальцы: 47-й километр Байкальского тракта от Иркутска, живописный берег Ангары, давно обжитое место.

Вид на деревно-малодворку

Вначале предполагалось ограничиться пятью постройками — башня острога, часовня, курная крестьянская изба XVIII в., печной дым из которой выходил через волоковое оконце в верхнем венце сруба, и «чистый» дом более позднего времени с чувалом и печной трубой, с типичным обустроенным подворьем. Заполнить эти сооружения экспонатами и назвать комплекс Музеем деревянного зодчества. Но хотя за дело взялись весьма квалифицированные, увлеченные специалисты (архитектор Галина Оранская, прораб Виктор Демин), жизнь очень скоро стала вносить в проекты самые решительные поправки. И прежде всего — на основе нового видения концепции музея.

Суть, во-первых, сводилась к тому, что музей должен отражать традиционную материально-духовную культуру, если не всех, то основных народов Прибайкалья. Так в музее появился Бурятский национальный сектор в виде двух комплексов экспозиций, органично дополняющих друг друга. Один из них — «летник» — сезонное поселение бурятов с древними традиционными постройками: юрты — «гэр», загоны-навесы

Казанская часовня (1679 г.) Илимского острога

для скота — «хотони», коновязи — «сэргэ». Другой — бурятский «зимник»: часть улуса, где своеобразно сочетаются русские срубные дома с традиционным бурятским стилем и хозяйственными постройками.

А два года назад школьный преподаватель, эвенк по национальности Иосиф Трофимович Удыгер предложил свои услуги по созданию сектора Эвенкийской (тунгусской) культуры. Мы сформировали научную группу, провели изыскания и уже готовы открыть этот сектор. В нем три сезонных стойбища эвенков — летнее, осеннее и зимнее. Посетитель, внимательно рассматривая экспозиции, наглядно убеждается, что эвенки, тысячелетиями обитая в Прибайкалье, обрели искусство гармоничного сотрудничества с окружающей природой средой без экологических конфликтов, представляя собой действительно разумный венец местного биогеоценоза. На очереди у нас создание и Тофаларского национального сектора.

Вместе с тем довольно скоро после открытия музея в 1980 г. выяснилось, что посетителям его бесконечно мало общения с экспозициями, так сказать, вприглядку. Им бы хотелось более всего, чтобы наш музей каким-то образом «ожил». В идеале эту потребность могла бы выполнить фантастическая «машина времени», но ... музейное искусство тоже ведь не без возможностей. Четыре года назад, по предложению председателя Комитета культуры областной Администрации Владимира Михайловича Лапенкова, мы стали разрабатывать концепцию развития «живого музея». Прецеденты таких музеев уже есть в мире — в Японии, на Западе, у нас же, в «Тальцах», эффект усиливает сама природная обстановка: отдаленность от населенных пунктов, стремительная и чистая Ангара, близкие вершины Хамар-Дабана.

С чего мы начали, можно сказать, реанимацию наших экспозиций? Прежде всего, по договоренности с Иркутской Епархией, возобновили действительную церковную службу в Казанской часовне — самом старом культовом здании православной конфессии за Уралом. Древние стены ее «помнят» еще легендарных казаков-первопроходцев Сибири и первых крестьян-хлеборобов на земле Прибайкалья. Ныне в ней по-прежнему свершаются для верующих все церковные требы.

Казанская часовня представляет собой доминанту одного из трех фрагментов Русского сектора в музее под названием Волостное село. В состав его входят, кроме крестьянских усадеб, здание волостного правления, а также церковно-приходская школа. Эта школа — тоже оригинал постройки 1898 г., вывезена из с. Кеуль Братского района. В ней все сохранено так, как будто ученики только что выбежали на перемену: школьные парты, перед ними — портрет Государя работы художественной мастерской при императорском дво-

Крестьянская усадьба XIX столетия

Спасская проезжая башня Илимского острова

ре. Справа от него — Красный угол с божницей, слева — классная доска и весьма замысловатые счеты, словно прототип современного компьютера, на которых можно овладеть как арифметикой, так и математикой (школьные учителя постоянно их фотографируют или срисовывают у нас, надеясь применить на своих уроках).

Второй фрагмент этого сектора — Деревня-малодворка, в которой также представлены различные типы крестьянских усадеб и которой отведена особая роль в концепции «живого музея», с экспозициями в домах «Интерьер крестьянской избы конца XVIII-начала XIX вв.», «Интерьер избы гончара XIX в.» и «Интерьер избы зажиточного крестьянина конца XIX в.»

Из Братского района, кроме того, завезли каскад из трех водяных мельниц, восстановили и опробовали его в работе. Это действующий памятник русской материальной культуры — своего рода шедевр инженерного крестьянского искусства, позволяющий перемолоть три партии зерна одним и тем же объемом воды весеннего талого стока. Причем в полном согласии с местной природой, не калеча ее и не насилая.

Итак, у нас в музее — все настоящее, и по возможности действующее, как было в старину. Даже в календарных народных праздниках, которые отмечаются в музее, строго выдержан местный обрядовый колорит, даже репертуар фольклорных коллективов — на 100% наш, прибайкальский. И все же решающей предпосылкой в развитии музея являются не столько наши старания, сколько могучая и все более крепнущая общественная потребность в нем, которая и радует, и в то же время интригует на фоне нынешней растерянности и апатии. Вспоминаю, как в этом году на «Масленицу» к нам в Тальцы, казалось, нахлынул весь город — да семьями, с детьми!.. И целый день народного гулянья — с блинами, песнями,

РЕНЕССАНС

обрядовыми играми. А в июле, на «День всех Святых, в Рос- сийской земле просиявших», не то, что город, но и область к нам пожаловала. И между праздниками про «Тальцы» не за- бывают — и приезжают коллективами, семьями и по одиноч- ке, так что музей работает весь год без выходных.

А вот статистика. Посещаемость музея достигла пика в 1985 г. — 75 тысяч человек, из них 7 тысяч — интуристы. За- тем — годы спада по известным политическим причинам (1994 г. — 32 тыс). И вдруг, за прошлый год, опять пиковая посещаемость! Но уже качественно иная. Это посещаемость в условиях распада системы организованного туризма в стра- не, сокращения интуризма (до 2,5 тыс. человек), небывалой дороговизны проезда и вообще отсутствия транспорта (мимо Тальцов 3 раза в день проходит перегруженный автобус «Ир- кутск — Листвянка», т.е. в музей к нам, по сути «ни проехать — ни уехать»). И тем не менее — 75 тысяч! О чем это говорит?

Боюсь, так сказать, *изурочить*, но кажется, что мы име- ем дело с проявлением спонтанного стремления в народе к утраченным корням своей традиционной культуры. О, тут много чего перемешалось, в этом стремлении! Историческое сиротство наше, когда почти все не помнят имена родных

В доме сибирского казака

прадедов, а тем более не представляют себе их жизненного уклада; крушение недавней идеологии; разочарование в бы- лой романтике «голубых городов» — рассадниках экологи- ческого бедствия сегодня; удручающая судьба «малых наро- дов», ощущение «на Родине без родины»... Уж одного из этих плодов российских искушений вполне достаточно, чтоб ог- лянуться во времени.

Однако мы замечаем по настроению наших гостей, что их в «Тальцы» влечет не просто желание поразмышлять на тему «было-стало», тут нечто большее. Людям, видимо, хочет- ся, навещая нас, понять свою былую родину, приобщиться к ней, причем не как-нибудь умозрительно, отвлеченно, посторо- нним каким-то умом, а — непосредственно, через чувства и переживания. И мы должны осознавать, какая великая от- вественность ложится на нас, чтобы не офальшивить и не ополшить, не бай Бог, эти впечатления каким-нибудь нена- роком. Вот почему нам надо так поторапливаться в своей ра- боте: уходит в небытие последнее поколение, которое связы- вает два уклада народной жизни — современный и тот, есте- ственный, традиционный, уничтоженный вместе с россий- ским крестьянством при коллективизации. Размыкается окон- чательно связь времен. Более компетентных консультантов и экспертов при оживлении наших экспозиций, чем люди этого поколения, нам уже не найти.

Каковы же материальные возможности для воплоще- ния наших замыслов? Все последние годы нам очень хоро-

шо помогал областной Комитет по культуре, однако теперь затрудняется и он. И все-таки мы держимся пока. На чем? От- радно замечать, что с ростом популярности «Тальцов» начи- нают окупаться средства, вложенные в основание и развитие музея. К тому же концепция «живого музея» органически увя- зывается с развитием сервиса для посетителей. Уже практи- куется издательский сервис — буклеты, наборы открыток о музее и свой научно-популярный журнал «Тальцы», где наши сотрудники рассказывают об истории представленных экс- позиций, о ведущихся изысканиях, о постановке и развитии музейного дела.

Однако нам бы хотелось полнее разыграть эффект «ма- шины времени». Чтобы наш посетитель по ходу экскурсий имел возможность вкусить экзотику старой России в букваль- ном смысле, посетив, к примеру, настоящий «Русский трак- тир» (здание уже реставрируется) с набором блюд традици- онной кухни. А продукцию для этой кухни будет поставлять население той самой Деревни-малодворки, которая создает- ся у нас в зимнем исполнении (надемся найти охотников заняться крестьянским хозяйством по дедовскому образцу).

Кроме того, намерены открыть здесь, при музее, мастер- ские художественного промысла — гончарную, кузнечную, берестяную, ткацкую — чтобы сувенирные изделия для пуб- лики рождались у нее на глазах. И потом немало желающих остаться среди нашей старины на несколько дней. Берег Ан- гары, рыбалка, пляж и селения давно ушедших времен — чем не отдых от забот современности? Дело лишь за простенькой гостиницей.

Конечно, полная самоокупаемость музея вряд ли дос- тижима. Да и не повредит ли это самому понятию професси- онализма? Однако в прошлом году все наши расходы были компенсированы за счет собственных доходов на 20%, нын- че надеемся достичь 30-ти. Ну что же, само название музея даже обязывает нас к некоторой финансовой самостоятель- ности, как вы думаете? — «Тальцы»... ☐

Церковь Святой Троицы. Начало XX столетия

(Окончание подборки «Иркутский ренессанс» на стр. 56)

Ханты (устаревшее название — остяки), народ в Ханты-Мансийском (11,2 тыс.ч) и Ямало-Ненецком автономных округах и Томской области. Общая численность 20,9 тыс.ч. (1979 г.). Язык хантыйский (СЭС, 1989 г., с. 1460).

ХАНТЫ ИЛИ НЕФТЬ?

— такой вот недвусмысленный вопрос задает нам сегодня наша замечательная реальность. Без всякого уже намека на компромисс (и ханты, и нефть), а тем более — на гуманизм (ханты, а не нефть!). Зато мы все теперь имеем полную возможность полюбоваться стихией рыночных отношений, отведать прелестей «дикого рынка». Так кто же (или что же?) всё-таки выгоднее — ханты или нефть? Но впрочем не будем обижаться на стихию. Стихия нашим жалобам не внимлет, стихия рынка алчет выгоды. Но, может, хорошо, что алчет? Весь мировой опыт говорит, что пока стихия алчет, стихией можно управлять. Можно и нужно в интересах, скажем, национально-культурного возрождения тех же хантов в данном случае. Однако готовы ли мы к этому?

Давайте проследуем с известным этнографом из Томска Н. В. Лукиной к одинокой избушке ханта-оленевода дорогой шестилетней давности, а вернемся в наши дни вместе с возмужавшими за это время молодыми героями её очерка. То, что нам откроется в этом путешествии, уже побудило тотчас же взяться за перо опытного юриста-аналитика. Надеемся, что не останутся в стороне от спасения Югры и другие творцы общественной мысли. Ибо рыночная стихия вряд ли станет ожидать, когда же, наконец, объединятся, например, экологи и этнографы. Она просто перековеркает окончательно биоту Заполярья и тем самым поставит жирный крест на всем этногенезе коренных народов Крайнего Севера. Не удастся также уповать и на то, что зловеший вопрос «ханты или нефть» кого-то не коснется. Разве не заметно, что он содержит в себе принципиальную дилемму: россияне или природные ресурсы, человеческая жизнь, в конце концов, или барыш?..

Ю Г Р Ы

ДОРОГА К ОДИНОКОЙ ИЗБУШКЕ

Н. В. Лукина

В 1990 году я побывала у хантов реки Казым для изучения их традиционной культуры. Это была моя последняя (двадцать пятая) поездка к народам Севера для сбора этнографического материала. Предлагаемый очерк был написан вскоре после поездки и, соответственно, отражает ситуацию того времени.

Хантыйские и селькупские сказки часто начинаются так: «Живет в одинокой избушке бабушка с внучком...». А далее — о приключениях подрастающего внука. Селения из одного дома были привычны в те далекие времена, когда жил народ охотой да рыбалкой. Теперь это редкость. За двадцать пять этнографических экспедиций я впервые попала в такую избушку только прошлым летом. В ней переплелось столько событий и судеб, что не знаешь, с какой ниточки и распутывать.

Начну со знакомства с Татьяной Молдановой. В последние годы при поездках на Север я постоянно искала среди хантыйской интеллигенции людей, желающих и способных заниматься изучением традиционной культуры собственного народа. В 1987 г. меня пригласили в Ханты-Мансийск и предложили готовить к изданию прекрасные рисунки национальных изделий, выполненные эстонскими художниками. В Доме творчества народов Севера я рассматривала коллекцию орнаментированных вещей. У меня уже был издан «Альбом хантыйских орнаментов», но здесь я увидела много нового. Ко мне подошла одна из сотрудниц и скромно задала какой-то вопрос. Через пять минут разговора я поняла, что это настоящий специалист. Знания, наблюдения, суждения Татьяны по орнаменту её народа были как россыпь перлов. Я еще почти ничего не знала о ней самой, но сразу же предложила заняться наукой. Мы увлеченно беседовали с ней и на другой день, и на третий. Она призналась, что эти беседы лишили её сна. А мне хотелось внушить ей уверенность, что научная работа вполне ей по силам и не нужно бояться.

Издать рисунки эстонцев не удалось до сих пор — нет заинтересованного издательства — но мы с Таней свой договор выполняем. Она уже написала две научные статьи, а я нашла им место для публикации. Одну из статей охотно взяли в сборник Будапештского университета. Но я сразу нацеливала Татьяну на большее — писать кандидатскую диссертацию. Она официально прикрепилась к Томскому университету, где должна сдать кандидатские экзамены. Татьяна проявила поразительные способности и в частности — к иностранному языку. Мно-

го помог её математический склад ума. Вообще, хантыйские дети очень способны в математике и музыке — это я не раз слышала от учителей. Татьяна дважды приезжала в Томск, жила у меня и прошла два кратких, но интенсивных курса обучения. Мы договорились, что незадолго до экзамена поедем вместе в экспедицию — там и будет третий курс.

Куда ехать — решили быстро. По моим научным планам, предстояло работать на реке Казым, а это родина Татьяны Молдановой, там она часто бывает и по служебным обязанностям. Она предложила поехать в ее родное селение Юильск, но мне хотелось забраться подальше в лес. И вот однажды Таня звонит из Ханты-Мансийска:

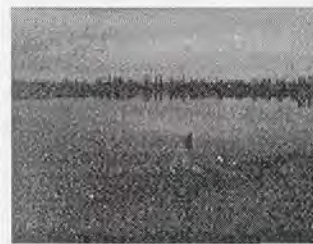
— Мой дядя построил в лесу избушку, переехал в нее из чума. Можно наведаться к нему. Теперь вопрос — когда ехать? Лучшее время — осень.

В начале августа еду в Ханты-Мансийск. Меня встречают Татьяна и другой сотрудник Дома творчества — Эмиль Касполов. Он — сын известной мансийской сказительницы Анны Митрофановны Коньковой. Они наперебой рассказывают:

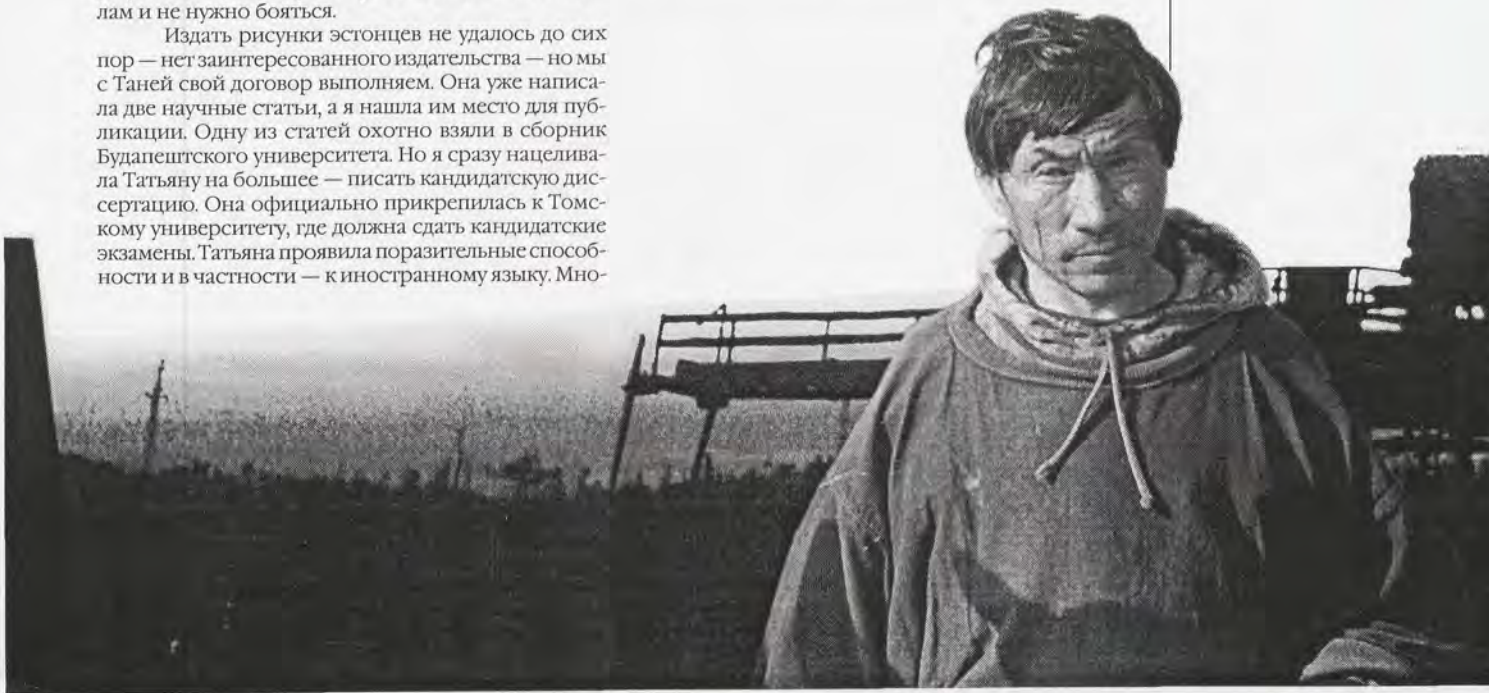
— Прошел фестиваль народного творчества. Праздновали впервые в музее под открытым небом. Он теперь называется Торум-ма.

Это тот самый музей, что создан собственными руками национальной интеллигенции — в буквальном смысле слова. Это был какой-то порыв, давший быстрые результаты. Писатель Еремей Айпин привез с родовых угодий дом и амбарчик, помог их здесь собрать. Татьяна поставила в доме камин-чувал. Художник Геннадий Райшев сотворил деревянные фигуры духов-покровителей, их освятили и теперь поклоняются им. Я потом намекала Ученому совету Томского музея на эту деталь. Мы-то никак не можем создать музей под открытым небом, может, не с того начинаем? В Ханты-Мансийске музее отвели семь холмов — те, что, по мифам, возникли в момент творения земли. И музей называется Торум-ма, что значит «Божья земля».

Рассказ о фестивале становится все интереснее: — Мы устроили медвежий праздник. Наконец-то нам снова разрешили его. Собрали стариков, они-то в тайне от властей проводили в глухих местах медвежья игрища и потому все помнят.

Самолет Ан-2 у д. Юильск
Река Казым у д. Юильск
На охоту за утками

Медведь у хантов и манси считается священным существом, спущенным с небес. Он получил от своего отца, небесного Бога, наказы для людей и для себя. На земле он следит за их исполнением. Медведь — родственник и человеку. Поэтому добыча небесного зверя — это встреча с родственником, приглашение его в гости. Дорогого гостя украшают, угощают, поют для него песни, танцуют и разыгрывают сценки. После установления Советской власти этот народный праздник был запрещен.

Натюрморт «В лодке».
Фото Н. Лукиной

Разрешение его — отрадное событие, как говорится, в духе времени. Но есть еще одна удивительная новость:

— Приезжали венгры. Из Будапешта — Ева Шмидт, из Москвы — посол с молодой женой. Они угощались за нашими низенькими столиками, сидели на полу. Ева пела священные хантыйские песни, а посол с женой танцевали вместе с нами перед медведем.

Венгры — ближайšie родственники хантов и манси. Это было установлено в прошлом веке, и с того момента многие венгерские ученые стремятся в Сибирь. Когда-то это было обычным делом, а потом запрещено — вместе с медвежьими праздниками. Советских ученых иногда выпускали в Венгрию. Я была там уже в годы перестройки, и меня спрашивали, разрешит ли М. Горбачев ездить венграм и хантам друг к другу. Этот уровень, понятно, не для меня, но через другие инстанции мы с Евой Шмидт уже шесть лет добивались разрешения на ее план. Она хотела приехать к хантам на три года, записать их фольклор и оставить записи нашей стране. Однако шла игра с официальными органами: «да и «нет» не говорите... Потому и поразил приезд венгров в Ханты-Мансийск.

Похоже, однако, что здесь вообще многое меняется. На другой день после приезда иду в Дом творчества народов Севера. Кажется невероятным, но там готовятся к поездке в Венгрию! Народные

мастера и исполнители приглашены на фестиваль. Приглашение пришло еще в марте, но до июня чиновник исполкома держал его у себя. Видимо, надеялся втайне, что останется мало времени и оформить поездку все равно не успеют.

Так бы и получилось, возмись за дело подобные ему. Но взялась впервые (!) национальная интеллигенция и спасла положение. Нашлись собственные деловые люди. Самой яркой фигурой была Зоя Рябчикова — молодая женщина в модных брючках. Она исполнила свою миссию в стиле челночной дипломатии между Ханты-Мансийском и Москвой, а в Москве — между нашими министерствами и венгерским посольством. Мы встретились с ней в аэропорту, когда она очередной раз летела в Москву. Из беглого ее рассказа я поняла, что она отважно прорывалась в нужные министерские двери, а если ей отказывали — искала другие. В венгерском посольстве была полная поддержка, но и там не могли достать билеты в Будапешт. Они были давно проданы, и это было самым сильным ударом того чиновника. Уже потом я узнала, как вышли из положения. Купили билеты на Прагу, а там венгры встретили гостей и увезли к себе на автобусах.

Итак, кто-то летит в Москву, а мы с Татьяной — в поселок Казым, что стоит на реке Казым. Этим же рейсом летят двое близких нам по интересам людей, занимающих высокие служебные посты, а кроме них — еще одна Татьяна по фамилии Гоголева. Она — президент ассоциации «Спасение Югры». Так названо общественное движение по возрождению хантов и манси, у которых есть общее древнее название Югра. Тая — красавица, и при взгляде на нее мне вспоминаются мансийские легенды о лесной фее Миснэ. Она дарит охотничье счастье мужчинам, но только тем, кто выполняет ее пожелания и наказы. Потом, при случае, я полусерьезно-полусерьезно намекну тем мужчинам большого ранга, что для удачи на служебной тропе им полезно прислушиваться к предложениям вполне современной Миснэ. Меня эта неординарная натура просто очаровала своей мягкостью, мудростью, юмором и преданностью делу.

Рейс наш получился с задержкой, у всех нарушались планы. Но обе Тани не занялись своими делами, пока не устроили в гостиницу семью хантов, с которой познакомились только что в самолете. Так они работали на моих глазах и дальше: спасение Югры — это спасение каждого югра.

В поселке Казым живут родственники Татьяны Молдановой. Ее отцовская линия — хантыйская, а материнская — русская, с цыганской примесью. Это заметно по внешности Тани — более яркой, чем у коренных сибиряков. Отца уже нет в живых, мама давно на пенсии. Две сестры и брат — с высшим образованием. В семье одной из сестер сейчас живет необычный гость — канадский этнограф Асен Баликси. Он ждет нашего приезда. Кажется, это последний сюрприз для меня. Мы познакомились два года назад в Эстонии, на Международном фестивале этнографических фильмов. Его фильм получил первый приз. Фильм — об эскимосах и снят так, что даже один из кинодеятелей с европейским лоском на другой день заявил:

— Мне захотелось быть эскимосом.

Асен — притягательная личность во многих отношениях. Чувствуют в нем родственную душу еще и потому, что по национальности он болгарин. Как он оказался в глухом сибирском местечке? На то он и славянин, чтобы поступать непредсказуемо. Этим летом из Новосибирска до Ханты-Мансийска плыл пароход с участниками советско-канадского симпозиума. Среди академической публики только у одного в багаже был рюкзак со спальником — у Асена. После симпозиума он собирался лететь на Чукотку к советским эскимосам. Попав в Ханты-Мансийск, Баликси рассудил: если уж я на

Хинг — заплечный берестяной кузовок жигельницы д. Юнлык П. К. Ратдымовой. Символический резной узор, изображающий священного медведя, стоящего на звездах.

Ю Г Р Ы

Фольклорист Т. А. Молданова и хант-олениовод А. М. Молданов: запись старинных песен

земле северного народа, то нужно побывать у него. Организаторы симпозиума помогли быстро получить разрешение из Москвы, а Таня направила его к своим родственникам.

У канадца не только научные, но и практические, а точнее, музейные интересы. Он готов купить или заказать национальные хантыйские изделия для музеев Канады. Кое-что он уже купил — бисерные украшения, шубу с прекрасным узором, нарядное женское платье. Но как быть с заказами на будущее? Мне хочется помочь канадскому коллеге, и я начинаю посвящать Асена в «тайны наших пирамид»:

— Можно действовать через Министерство культуры в Москве. Можно ступенькой ниже — через Тюменский областной отдел культуры. Следующая ступенька — окружной отдел культуры. Есть еще районная и сельсоветская инстанции. Ваши заказы будут спускаться по этим ступенькам и на любой могут застрять. И на любой найдутся прилипалы к Вашим долларам. Лучше всего найти посредника поближе к народным мастерам.

Две Тани тут же подсказывают посредника — хантыйский кооператив. И еще раз отмечу с радостью, какие деловые люди есть среди национальной интеллигенции! Председатель кооператива Александр Пермяков по телефонному вызову в тот же день прилетел из другого района. Они сели с Баликси друг против друга, договорились устно и письменно. Этот сюжет имеет примечательный конец. Когда Баликси на обратном пути показал письменный договор начальнику окружного отдела культуры, тот возмутился:

— Почему на договоре нет моей подписи?

Разве может ответить иностранец на подобный вопрос? Он передал его Пермякову и услышал в ответ:

— Потому что этот начальник в моем кооперативе не работает.

Увы, оценить такой ответ иностранцу тоже не дано. Но как этнограф, живущий интересами народов Севера и страдающий от трагичности их судеб в современном «цивилизованном» мире, Баликси высоко оценил стремление и вклад национальной интеллигенции в возрождение традиционной культуры. Сравнивая услышанное на хантыйской земле с ситуацией у канадских эскимосов, он то и дело говорил:

— Канада такого нету.

Потом, в разговорах на житейские темы выяснилось, что и комаров там нет, и больших вертолетов, и талонов на мыло. Я уж не выдержала:

— Говорят, что за рубежом лучше живут, чем в нашей стране. А у Вас что ни спросишь — ничего нет.

Из Казыма мы вместе летели в более глухое местечко — Юильск. Баликси пробыл там несколько дней и все расспрашивал нас о традициях хан-

тыйского народа. Жителям Юильска повезло, что к ним залетел канадец. В магазин привезли сливочное масло, индийский чай, колготки, сигареты. Поскольку традиционная система летоисчисления хантов ведется по памятным событиям, надо полагать, что этот год будет значиться «годом канадца». Улетал Баликси на незаменном в этих местах АН-2. Накануне мы слышали по радио об угонах пассажирских лайнеров то в Швецию, то в Финляндию, и при проходах Асена я всех развеселила:

— Как бы Вы не стали террористом, да не угнали наш АН-2 через Северный полюс в Канаду.

Теперь нам с Татьяной предстояло добираться до конечной цели — одинокой лесной избушки. Ханты летом обычно живут у реки-кормилицы. Но тот, к кому мы ехали, жил у маленькой речушки Айкурёх, и она была вся в заломах. Потом наш хозяин объяснял, что заломы — это загородки бога Торума, в которых он ловит рыбу. Разберешь залом, а Торум его снова поставит. Лучше уж не тратить зря силы, а дойти пешком. Пеший путь налегке нас бы тоже не испугал, но у нас рюкзаки. В этот год они особенно тяжелы: нужно нести свои продукты, чтобы не объедать хозяев.

Но чтобы проехать хотя бы часть пути на лодке по Казыму, нужно с кем-то договориться. Это оказалось невозможным. Нет запчастей, поэтому моторы зря не гоняют. Потом, по возвращении в Томск, мне удалось с помощью коллег-мужчин достать запчасти и выслать их семье знакомых хантов. Но кроме запчастей, нет и бензина. Лодки местных жителей безмолвствуют на приколе, а прямо над ними, на берегу громоздятся огромные цистерны с горючим. Получить его можно только опосредованным путем — когда бывают утки. Тогда бензин можно попить с водой или поесть с рыбой. Вообще-то Казым — река сравнительно чистая, здесь пока еще не было мощных сбросов нефти, как на соседних реках. Но и казымские ханты с тревогой рассказывают о больной рыбе:

— Вот про нас говорят, что мы болеем, потому что пьем много водки. Но наша рыба водку не пьет, почему болееет?

Хозяйка таежной избушки А. К. Молданова, ее дочь Уля и этнограф Н. В. Луккина

СПАСЕНИЕ

Итак, в ожидании оказии мы живем в Юильске и втягиваемся в местные проблемы. Они не столько местные, сколько общехантыйские. Мои научные исследования среди этого народа пришли именно на годы нефтегазового бума, я видела его первые удары своими глазами. Последствия же вообще непредсказуемы. Теперь ищут спасения от спасителей. Это отразилось и в названии ассоциации — «Спасение Югры».

Для Татьяны Юильск — место рождения, детских игр, родственного окружения. Она не раз говорила мне прежде:

— Хочу в Юильск. Там покой, там никто не обидит.

Сейчас она показывает дом, где родилась. А рядом — дом с заколоченными окнами. В нем недавно повесилась ее любимая тетя. Вот пригород, где маленькая Татя (так звучит имя по-хантыйски) каталась с ледяной горки вместе с прирученной выдрой, они ссорились и мирились. Теперь бы они скатились прямо на чудище — брошенный вонючий трактор. Вот окраина деревни, где Татя помогала тете ухаживать за лисами на звероферме. Рядом — остатки древнего поселения хантов, описанного в научной литературе. Теперь здесь расположилась экспедиция, кошунственно назвавшая себя «Югорской». Разбитая и загаженная земля, машины, агрегаты, брошенные оранжевые каски. О касках уже говорится в хантыйских сказаниях: «Настанет время, уйдут с нашей земли люди с железными головами, снова зарастет все травой, заживут ханты по-прежнему...» А пока, чтобы спастись от грохота и пыли, женщина протянула через свой проулок веревку и повесила белье — загрязнение для машин. Другую сцену я видела на фотографии: восьмидесятилетняя старушка везет зимой дрова в корыте, её обгоняет пустой грузовик.

Чья это земля и кто её хозяин? Прежде ханты молчаливо считали её своей, а теперь начинают говорить вслух, вынуждены напоминать об этом. Вот мы собираем кедровые шишки рядом с селением. На тропинке со стороны «Югорской экспедиции» оказался мужчина.

— Что это вы собираете на нашей земле? — хотя и с оттенком шутки, но счел нужным заметить он.

— Это не ваша, а наша земля, — серьезно и строго сказала моя двадцатилетняя спутница. Точнее говоря, это я её спутница.

Ирина — молодая хозяйка того дома, где мы живем с Татьяной. У Ирины — двое слепых родителей и двое малолетних детей. Муж — оленевод, почти всегда в стаде. Доходов у семьи мало, но Ирина не может пойти на работу. На кого оставишь детей и слепых стариков? Пособие на детей Ирина не может получить — секретарь сельсовета увидела беспорядок в её бумагах. В сельсовет съездить — нужно несколько дней, а с кем оставить семью? Она делает, что может, эта хрупкая женщина с порывистыми движениями и отчаянием в глазах. По утрам тайком от детей убегает в лес, чтобы заставить ягоду. Держит двух коров. Хорошо вяжет, но вот пряжи не купишь.

Мама Ирины все-таки различает свет, крупные предметы, а потому делает посильную работу. А вот отец, бывший оленевод, не может смириться с полной слепотой и бездействием. Пока мы живем в их доме, Таня записывает у него старинные мифы и веселые рассказы о недавних событиях. Например, как старик ездил в Дом отдыха под Тюменью, встретил там знакомого нефтяника из Сургута, как они устроили ночью пляски медвежьего праздника, а на другой день пришлось выехать. Но то были последние его сказания и песни. Когда мы после поездки в лесную избушку вернулись в этот дом, то узнали, что отец Ирины повесился.

По хантыйским поверьям, некоторые люди обладают способностью слышать крик злого духа, пришедшего за чьей-то душой. Таким был и наш хозяин. Он слышал крик посланника смерти в ту майскую ночь, когда повесилась в соседнем доме Танина тетя. А кто слышал крик злого духа в эту августовскую ночь? И что это был за звук? Не шум ли вертолета, доставившего одеколон, от которого ослеп наш хозяин? В традиционной культуре хантов не было места опьяняющим напиткам, и в их древнем генетическом коде не заложено устойчивости либо противоядия к этому «благу цивилизации». До антиалкогольной кампании каждому весну первая баржа привозила северянам спиртное. Сейчас его на баржу не хватает, но к важным событиям немного находится. Недавно были выборы в окружной Совет. Перед ними завезли водки, и прошла кандидатура из райкома партии.

Странная история произошла и со сходом в Юильске. Мы слышали ее от разных людей, и все они были против того решения, что принял сход. Но на сходе были эти же люди. По рассказам выходит, что голосовали «против», а в протоколе оказалось «за». За что? За разрешение поставить буровые вышки на угодьях, где и зверя добывают, и оленей пасут из года в год. Кто-то утверждает, что подделан протокол, а кто-то действительно согласен на буровые. Ведь некоторым уже пришлось отказаться от традиционных промыслов: их угодья загублены раньше других. А на буровых можно найти работу. Еще кто-то поддавался шантажу «начальства»: не разрешите поставить буровые — к вам не будет летать самолет, не будет света, детей в интернат сами будете возить за триста километров. Да и то нужно учесть, что сход был в деревне, а жители леса, кому не обойтись без угодий, даже и не знали о сходе.

Такой разлад в народе — сегодняшняя реальность. И это на руку дельцам местного масштаба. На государственном уровне их именуют таинственно «теневой экономикой», а здесь никаких тайн нет. В деревне тень на плетень не наведешь, все известно по именам.

Время шло, мы уже нервничали, что не можем уехать в лес, но оказии все не было. Кто-то посоветовал договориться с вертолетчиками. Они летают на свои точки и иногда садятся у той избушки, чтобы запастись у хозяина рыбой. Сын хозяина — Тимофей работает на вертолетной площадке и обещает нам помочь. Договориться удалось не сразу, но один экипаж согласился подбросить нас. И мы были очень признательны. Тимофей тоже летит с нами, чтобы показать пилотам место посадки.

Вертолет садится прямо на лесной поляне, где хозяин привязал к высокой лиственнице красную тряпку. Здесь уже носятся с лаем собаки, подбегают женщина с девочкой. Обе бросаются к Тане, женщина радостно целует и меня, хотя кто я ей? Мы видимся впервые. Степенно подходит и здоровается за руку хозяин — Алексей Михайлович Молданов. Нас с Таней сразу же манят ягоды, вот они — под ногами. Девочка объясняет:

— Мы сами здесь ягоды не рвем, зовем их «ягоды летчиков». Когда вертолет садится, они успевают поесть.

Вертолет тут же поднимается, мы идем за хозяевами по тропинке. Хозяйка с улыбкой рассказывает:

— Сегодня к нам прилетела кукушка. Мы с ней разговаривали. Она говорит: «ку-ку». А я говорю: «Ты зачем детей бросила?»

И уже в эти короткие начальные минуты ощущаешь заповеди лесной жизни. Здесь рады тебе — еще незнакомому, все имеет свое место и функцию (ягоды летчиков!), а животные считаются равными человеку. Какие счастливые дни ждали нас всех в лесной избушке — лесном храме! ☐

Мастерица декоративно-прикладного искусства Т.Т. Тебеньева

Хант-олленевод А. Ерныхов

Татьяна Молданова
Тимофей Молданов

БОГИНЯ ПОДНИМЕТ СВОЙ МЕЧ!

Прошло семь лет с того времени, когда в Ханты-Мансийском автономном округе была создана общественная организация коренных народов Российского Севера ассоциация «Спасение Югры». Это произошло 10 августа 1989 года — в тот период истории, когда мировая общественность впервые заговорила о катастрофическом положении малочисленных народов Севера нашей страны. Новизна темы активизировала партийные, советские органы, в округе стали проводиться так называемые деловые игры-практикумы по этой проблеме. На одной из очередных игр «Этос и этнос», проходившей в г. Ханты-Мансийске с 1 по 3 июня 1989 г., молодые женщины из числа национальной интеллигенции объявили о своем решении взяться за немедленное разрешение проблем своих народов. В качестве первого шага на пути реализации идеи мыслилось объединение всех слоев этноса через посредство общественной организации. Стиль воззваний, обращений в те годы был примерно следующим: «Стоя у пропасти вымирания нашего народа, мы готовы и призываем Вас к непримиримой, трудной борьбе за право на жизнь, на культуру, традиции, саморазвитие».

А.Мироты Ермаков-чи
и Татьяна Молданова

Сегодня, по истечении многих лет, первые наши призывы кажутся наивными и слишком дозунговыми, однако писались они болью сердца, которая была глубоко подлинной. На наших глазах спивались и деградировали самые близкие и дорогие нам люди, стрелялись, вешались, топились и попадали в тюрьмы родственники и друзья. Идущие в одной упряжке, мы видели, как один за другим падают наши уставшие сородичи, жизнь безжалостно разрубала нити наших человеческих привязанностей, пространство вокруг оголялось, мир становился мертвым и холодным. Одиночество, тоска, неприкаянность обрательлись в постоянных спутников нашей жизни.

Создание окружной ассоциации «Спасение Югры» вдохнуло в нас глубочайшую веру в то, что мы в состоянии уберечь своих соплеменников от гибели, мы искренне верили, что способны выручить каждого конкретного человека, в каждой конкретной ситуации. Мы были полны энергии и силы, мы действовали. Это поистине был некий порыв, жертвенность во имя спасения своих народов: хантов, манси, лесных ненцев. Это время духовного подъема и достижения определенных результатов теперь мы называем «романтическим периодом» деятельности ассоциации. В этой-то период судьба и свела нас с прекрасным человеком, этнографом, доктором исторических наук Н.В. Лукиной, автором очерка «Дорога к одинокой избушке». Надежда Васильевна — свидетель всех наших побед и поражений, на ее глазах рождались и осуществлялись многие наши идеи, соавтором которых являлась нередко и она сама. Надежда Васильевна су-

мела доказать нам, что существует еще одна возможная точка приложения наших сил: это изучение культуры собственного народа. Она нянчила, цестовала тех из нас, кто хоть в какой-то мере способен к науке и желает ею заниматься. Добровольно взяв на себя ношу Надежда Васильевна несет и по сей день. Двое из ее учеников-северян, в том числе и один из авторов этой статьи, защитили кандидатские диссертации, шестеро учеников в различной степени также близки к этому.

Согласно хантыйским легендам, некогда на первородной Земле жили боги и богатыри. Затем наступила эра хантыйского человека. Эта эра называется «с кукольным лицом, богинями обожествленный мир», а сами люди именуются «кедровой шишке подобные куклы, сосновой шишке подобные куклы». Что означают эти выражения? В настоящее время их толкуют неоднозначно. Однако для каждого хантыйского человека, живущего в одинокой избушке, ясно, что этот божественный мир создан именно для хантыйского человека, боги ждали его появления и готовы защищать его. А он, в свою очередь, должен жить согласно законам, что начертаны в священных песнях. Герои очерка Н. В. Лукиной — ханты Алексей Михайлович и Евдокия Кузьминична Молдановы — живут в одинокой таежной избушке именно так, как хантыйским богествам угодно, живут на священной земле своих предков, завещанной тем богами и богинями. Здесь они родились, здесь на р. Айкурех, где стоит их избушка, и на многие километры вокруг они знают абсолютно все, ведь это их дом.

Каждый борик, болотце, озеро и даже деревья имеют собственные названия, все освоено обитателями одинокой избушки и многими поколе-

СПАСЕНИЕ

ниями их предков. Вот место, где родилась Евдокия Кузьминична, а вот здесь стояла избушка, где прошло ее детство и где ее четырех-пятилетнюю девочку на целые дни оставляли одну. Чтобы дочка не боялась, мать снимала с полки огромную священную голову медведя и говорила маленькой Дуся: «Ты не одна остаешься, он тебя защитит». И если слышала девочка непонятные звуки, то скорее припадала к могучей, мохнатой голове и успокаивалась. А вот это место называется «Борик, в котором плакала девочка». Название этому борику дала совсем крошечная Дуся, здесь при очередном каслании она проснулась, захотела кушать и заплакала.

Каждое поколение находит возможность запечатлеть себя в пространстве уютного лесного дома. Например, вот несколько сегодняшних названий: Тика-запор, Тика-бор, Тика-дерево. Тика — это кот. Внук Алеша, который вырос в п. Сорум, привез в лесную избушку черного котенка с белым пятнышком на груди. У Алеша, как говорят ханты, «язык, которым открылся рот», был русский, а бабушка с дедушкой разговаривают на хантыйском и называют новоявленного обитателя стойбища «кати». Повторяет Алеша это чудное слово, но почему-то получается у него «тика». Так и стал котенок Тикой. Однажды увязался Тика за хозяевами, которые пошли проверять ловушки на глухарей, и только на четвертом километре заметили они

ром которой был Алексей Михайлович, всегда занимала лучшие места, была передовой, поэтому горы всевозможных почетных грамот, знаков почета, вымпелов до сих пор тлеют в догнивающем Юильском домике.

Сохранность стада, высокий выход телят — это неустанный, каждодневный труд, требующий все силы человеческого организма. Девять лет назад, когда уходил Алексей Михайлович на пенсию, его уверяли, что обязательно всем пенсионерам, в том числе и ему построят нормальное жилье. Теперь не обещают ничего.

Как показывает практика жизни, оленеводство — это основа сохранения этносов Ханты-Мансийского автономного округа, их языка, культуры, традиций и, как считают ученые, это один из путей перехода малочисленных народов Севера к экономической самостоятельности. Именно такие люди, как Алексей Михайлович, вынесли на своих плечах эту отрасль хозяйства и донесли до наших дней. Именно эти люди сохранили язык, культуру и только благодаря им сегодня мы можем сказать, что хантыйский этнос пока еще жив.

Много изменений произошло за семь лет. Государство, привлеченное к проблемам малочисленных народов Севера, стало выделять некоторые денежные средства. Были созданы Комитеты по делам малочисленных народов Севера при окружной и районных администрациях, Северный

Игра на саигвильтане

Игра на торшпавже

его. Что делать? Идти еще далеко, вот и пришлось посадить котенка на высокое дерево и только на обратном пути забрать его. Появилось в лесу Тика-дерево. Вырос Тика, зимой вместе с хозяевами и оленями каслает. Чтобы не замерз кот в лютые морозы, Евдокия Кузьминична сшила ему специальную одежду, малинду-мешок. Летом Тика вместе с Алексеем Михайловичем ходит проверять близлежащий заповор, ловит там рыбу. Вот и появился Тика-заповор. Все вокруг одинокой избушки освоено, все вокруг близкое, родное, знакомое.

Сорок пять лет проработали Молдановы в оленеводстве, сначала в Юильском колхозе, потом в совхозе «Казымский». Десятая бригада, бригади-

и множество иных фондов социальной защиты коренных этносов, Центры национальных культур, научно-исследовательский институт Обско-угорских народов и другие организации. Однако конкретно для обитателей одиноких избушек и, в частности, Белоярского района, т.е. для тех, кто сохранил для нас хантыйский этнос, не было сделано абсолютно ничего. Даже приватизационные чеки, что причитаются гражданам России, Алексей Михайлович и Евдокия Кузьминична не получили. И ни в каких голосованиях они давно уже не участвуют: не станет же Белоярская или Казымская администрация из-за горстки людей тратить на вертолет!...

Ю Г Р Ы

Итак, некоторые средства на развитие коренных народов все-таки выделяются. Куда же они уходят? При создании различных представительных институтов коренных народов Ханты-Мансийского округа мыслилось, что они будут состоять из представителей этих народов и таким образом проблемы коренных этносов по различным направлениям будут решаться. На начальных этапах в комитеты Севера приходили не самые худшие наши люди. Однако, приобщаясь к государственной машине, человек становится зависимым, его личность подавляется, он должен «крутиться» в том же направлении и с такой же скоростью, что и вся государственная система. В итоге «винтики» из числа коренных народов сумели адаптироваться, чувство подавленности скомпенсировалось тем, что они принялись за «святыя святых»: за счет государственных средств выстраивать себе особняки, экипировать их, отправлять своих детей на лучшие заграничные курорты и т.д. Ну, а чтобы не утратить комфортного обывательского состояния, веру и правдой слушают вышестоящему начальству.

Теперь им, защищенным надежной броней государственной машины, уже не до того, что все также бредут по пыльной обочине жизни голодные, спившиеся соплеменники и все также люто ненавидят они свою безысходную жизнь: стреляются, вешаются, режутся... Находясь в Ханты-Ман-

Исполнительницы мансийских песен
И. П. Тасмаганова и О. Н. Тихонова

сийске, в отдалении от родного п. Юильск, наверное, можно привыкнуть к печальным вестям о том, что убили твоих бывших учеников Пяк Романа и Молданову Ксению, что нанес себе множество ножевых ранений и скончался Гриша Сенгепов, что повесились Тима Молданов и Андрей Каксин, что утопилась Римма Молданова и т.д. Все они были очень молоды и потому, как считают сородичи, их неприкаянные души не ушли в иной мир, а бродят по нашей земле в поисках своей непрожитой жизни и втягивают в свое невыносимо тягостное поле все новые и новые души.

А работникам комитетов Севера, сидящим рядом с госкормушкой, «жить красиво не запр-

тишь». Конечно же, «жить по-человечески» как будто нужно и можно. Но почему же так невыносимо щемит сердце при виде прекрасных, добротных коттеджей бывших и настоящих наших начальников: Лазарева, Каксина, Шульгина, Молоткова, Лозвина и гнилых избушек Алексея Михайловича и других пенсионеров, бывших оленеводов? Что-то здесь явно не так, контраст слишком выпуклый, ведь кормимся-то из одного кармана.

Обещанное жилье Алексей Михайлович не получил, приватизационный чек не выдался, в реестр фонда социальной защиты малочисленных народов Севера «Титул» забыли внести и т.д. Ну а если как-то прознают стойбищные жители, что их в очередной раз обошли и попытаются восстановить справедливость, то глава местной администрации, как и все начальники, на этот и другие случаи знает набор волшебных слов, например: «Время ушло. Нужно было раньше приезжать». Как же приехать? Вот в эту зиму у Евдокни Кузьминичны пенсия была чуть больше 100 тыс.руб., у Алексея Михайловича — 200 тыс., а билет от Юильска до Казыма стоит 120 тыс.

Что ж, не дают ничего — значит, не дают. Обитатели одинокой избушки долго об этом не думают, никому не жалуются, так как давно уже привыкли надеяться только на себя, на свой труд. Живут эти люди собственной лесной жизнью и неведомо им, что на волне привлечения внимания к проблемам малочисленных народов Севера было создано великое множество всевозможных фондов и иных структур с целью социальной защиты этих народов. Не знают они, что получив необходимые льготы на этапе своего становления, теперь эти фонды в спешном порядке сдирают со своих названий всякий намек о своем прошлом.

Итак, фонды не работают, бюджетных средств, которые выделяются Северному фонду, на всех не хватает, поэтому они и оседают в городах и больших поселках.

Екатеринбургские ученые, проводившие исследования в Ханты-Мансийском округе, пишут следующее: «... на данном этапе и в ближайшей перспективе возможна угроза существованию народов Севера как этноса.» (Татаркин А. И. Пахомов В. П. Концепция региональной политики социально-экономического развития малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе (на перспективу до 2004 года). Екатеринбург. 1995, с. 155). Значит, эра хантыйского человека приходит к концу? Значит, исчезнет с кукольным лицом божественный мир? Что же тогда останется? «В последние годы происходит разрыв этнического тождества национальных меньшинств, населяющих округ», — пишут те же авторы. По их данным, с 1989 г. численность коренных народов в округе возросла с 19,6 до 27,7 тыс. человек. Причем естественный прирост составил около 2 тыс., остальные 6 тыс. — это лица, поменявшие свою национальность.

Таким образом, в связи с некоторыми льготами начался искусственный рост численности народов Севера. Это часть населения, которая ранее не отождествляла себя с аборигенами Севера, но добравшаяся ныне до льгот, «потянула одеяло на себя», стала удовлетворять свои обывательские потребности. Понятно, что при острой нехватке средств до населения одиноких избушек вообще ничего не доходит. Но ведь у обывателя, независимо от того, кем он записался в паспорте, нет никаких специфических интересов, нет никакой самобытности, нет этнического самосознания, языка, культуры. А если это так, то к чему вся суета? Кого мы спасаем? Нужно признать, что жизнь хан-

...Все они были очень молоды и потому, как считают сородичи, их неприкаянные души не ушли в иной мир, а бродят по нашей земле в поисках своей непрожитой жизни и втягивают в свое невыносимо тягостное поле все новые и новые души.

...Таким образом, в связи с некоторыми льготами начался искусственный рост численности народов Севера. Это часть населения, которая ранее не отождествляла себя с аборигенами Севера, но добравшаяся ныне до льгот, «потянула одеяло на себя», стала удовлетворять свои обывательские потребности.

На медвежьем празднике
Фёло Анастолыя Пашуча (Тюмень)

*...Нужно
признать, что
жизнь
хантыйского
человека,
последние очаги
которого
догорают
в одиноких
избушках,
заканчивается.*

тыйского человека, последние очаги которого догорают в одиноких избушках, заканчивается.

Алексей Михайлович и Евдокия Кузьминична выживают за счет своих оленей. Детей у них пятеро, в прошлом году с ними жила дочь Настя. Сейчас они живут одни с внуком Алешей. У сыновей Григория и Михаила есть желание жить традиционной жизнью. И жены не против, браки у сыновей внутриэтнические. Два года назад Гриша начинал строить собственную избушку, но как заработать на муку, чай, сахар, на кое-какую одежду для семьи? Мясо, рыба, пушнина, дикоросы никому не нужны, никто их не вывозит, транспортные расходы дорогие, нужна дотация. Сейчас на уровне округа разрабатывается идея создания факторий, как заготовительно-закупочных пунктов, но для ее реализации опять-таки нужны небольшие средства. Найдутся ли?

В настоящее время у обитателей одинокой избушки более 100 оленей, к радости хозяина, стадо растет хорошо, пастбищ пока хватает. Но уже собираются грозные облака и над их землей, открыто Южно-Юильское месторождение нефти, разведовательные скважины в верховьях Айкуреха то и дело выплевывают черную кровь земли. И бродят, бродят упорные слухи, что сами окружные начальники хотят добывать нефть на священной земле Казымской богини. «Земля кошачьего локотка», «Земля соболиных коленей» — так называют в фольклоре земли, что расположены в верховьях реки Казым, потому что черная кошка и соболь — это священные облики Великой казымской женщины. Бродят, бродят слухи, да не верят им старики, сидящие на ласковых коленях Великой женщины, а верят они древней священной песне Богини: «Птенчики, мои птенчики!... Если

невыновисмо тяжелое время наступит, помолись мне... и (тогда) возьму я своей могучей рукой богатырский меч и спасу, защищу всех вас...»

Тучи над Казымской землей сгущаются, как то приезжает из д. Юильск в г. Ханты-Мансийск Алеша Молданов — какой-то расстроженный, виноватый. Рассказывает:

— Недавно собрание что ли в Юильске было. Я только-только со стойбища приехал, прибежали ко мне с какой-то бумажкой: подпиши, да подпиши. Я как-то растерялся и подписал. Люди говорят, что по этой бумажке нам что-то обещают... А мне теперь вспоминается, что там как будто про вышки на Айкурехе что-то написано было, хорошо-то я не прочитал...

Борьба за сохранение земель, за сохранность оленьих пастбищ — доминирующее направление в деятельности ассоциации «Спасение Югры» и вновь созданного Союза оленеводов-частников. В свое время буквально слезами наших женщин был выплакан на уровне округа так называемый «Статус родовых угодий», согласно которому за людьми, ведущими традиционный образ жизни, должны закрепляться определенные угодья с правом пользования. При изъятии этих земель под промышленное освоение необходимо согласие владельца этих угодий.

В Сургутском, Нижне-Вартовском, Нефтеюганском районах, где проблема земли в связи с нефтяными разработками была крайне актуальной, комитеты Севера вели серьезную работу по закреплению угодий. Ну, а в силу того, что всякая палка о двух концах, и здесь не обошлось без изъянов. Родовые угодья, например, стали закрепляться не только за теми, кто живет в лесу и ведет традиционный образ жизни, но и за теми, кто про-

ЮГРЫ

живает в городе, имеет работу и так или иначе социально защищен. В итоге получилось, что иные земли стали закрепляться не для того, чтобы сохранить их, чтобы проживать на них, а для того, чтобы выгодно продать.

Тем не менее, «Статус родовых угодий» — это огромное достижение, существенный шаг вперед. Ведь прежде с коренными жителями вообще никто не считался.

— Раньше нам говорили: уходите отсюда, это земля государственная, твоя земля будет метр на два, когда умрешь, — рассказывает А. С. Мултанов. — А теперь вот угодили дали.

Людей, которых подобно Афанасию Сергеевичу вытеснили с родных мест, а затем многократно выгоняли с других обжитых земель, великое множество. Это практически все коренные жители нефтедобывающих районов округа. Статус хоть как-то остановил произвол.

Однако, если грянет нефтяная беда над Казымской землей, защитит ли «Статус» обитателей нашей одинокой избушки? На наш взгляд, нет. Сегодня сыновья Алексея Михайловича пытаются помочь ему оформить документы на родовое угодье, волокиты много, но есть надежда, что какой-либо клочок территории все-таки закрепят за ним. Но ведь вокруг земли, уже принадлежащие другим людям. А вдруг они не захотят жить традиционной жизнью, а вдруг польстятся на легкую жизнь и разрешат поставить на своей территории буровые? Беда в том, что решение о судьбе клочка земли принимает только глава родового угодья, исходя из личных интересов и желаний. А страдать от освоения будут все соседи, потому что вода и воздух не знают никаких границ.

Чистой, первозданной земли на всей планете осталось горстка, и ее при сегодняшних технологиях ни за какие деньги нельзя отдавать промышленности. Однажды осенью на озере Лунгкортопханлор, что расположено в пяти километрах от избушки Алексея Михайловича, мы наблюдали ошеломляющую картину. Казалось, что поверхность озера сплошь покрыта колышающимся белым покрывалом. Это были лебеди. На многие сотни километров вокруг уже нет ни одного чистого озера, и все лебеди, чьи гнездовья оказались в районах добычи нефти, теперь скопились возле летней избушки Молдановых. Перенаселение — жуткая вещь! Мы наблюдали, как эти белоснежные красавцы, воспетые в стольких российских песнях как символ верности и красоты, буквально озверели, уподобились хищникам и, борясь за собственное выживание, уничтожали друг друга.

«Статус родовых угодий» — это был первый шаг, теперь необходимо двигаться дальше. На наш взгляд, следующим шагом должен быть договор между коренными этносами округа и правительством по опыту, скажем, канадских инуитов. Инуиты также, как ханты, манси, лесные ненцы проживают на своей исторической родине. 18 тыс. человек рассредоточены на 3 млн. га территории. Что касается земельного вопроса, то в 1970-ых годах у них была ситуация, аналогичная нашей. Затем начался долгий путь наработки соглашения между правительством и инуитами. В итоге 18% земель, включая недра, стали их собственностью. Остальные 82%, хотя и продолжают являться государственной собственностью, тем не менее без ведома инуитов никаких промышленных разработок там не может быть. Если только малочисленные народы Севера нашей страны не смогут решить свой наиглавнейший вопрос — вопрос собственности на землю, то вынуждены будут вечно ходить с протянутой рукой и униженно ждать очередной подачи от тех

или иных властей всех уровней. С нищими никто и никогда считаться не будет.

Для того, чтобы приступить к наработке договора, необходимо иметь органы самоуправления коренных этносов округа. И сегодня у нас худо ли, бедно, но существуют свои органы управления: в комитетах Севера, Центрах национальных культур, НИИ Обско-угорских народов и т.д. Сформирован достаточно большой штат сотрудников, состоящий преимущественно из представителей коренных народов. Хотя в настоящее время и здесь стала наблюдаться явная тенденция к их вымыванию, но все-таки пока они существуют, т.е. в принципе интеллигенция способна управлять своим народом.

Отрадным фактом сегодня является некий прорыв, связанный с образованием. Небывало большое количество представителей коренных народов, причем тех, кто является носителем культуры, стремится получить высшее образование. Из пятерых детей Алексея Михайловича и Евдокии Кузьминичны, к примеру, четверо являются студентами высших учебных заведений. Большой вклад в дело высшего образования вносит филиал Нижне-Вартовского педагогического института, открытый благодаря усилиям к.ф.н. В. Н. Соловар. Здесь готовят преподавателей русского языка и литературы, родного языка и литературы — т.е. сегодня сами представители народов Севера начинают готовить специалистов с высшим образованием. Обучение затрагивает все слои народа: проходят учебу руководители национальных предприятий, учатся молодые мастера традиционного искусства, учатся дети в летних лагерях, так называемых «детских стойбищах» и т.д.

Достижением народов ханты и манси является и создание научно-исследовательского института Обско-угорских народов (директор — к.ф.н. Е. А. Немьсова), где представители коренных народов имеют возможность заниматься наукой, тем самым повышая общий интеллектуальный уровень своих народов.

Чтобы сохранить этносы, чтобы совершить решительный, качественный шаг вперед, нужны молодые, энергичные люди, обладающие необходимыми знаниями. И, как нам кажется, подготовка такого поколения началась. Несмотря на общее тяжелое положение народа, в его недрах начинают вызревать здоровые силы, идет процесс самоуглубления, самопознания, а это обязательно даст свои плоды. На наш взгляд, несмотря на мизерность внешних результатов и даже некоторый откат за последние годы, на данном этапе ассоциация «Спасение Югры» выполнила свою главную миссию. Она активизировала часть народа, пробудила активность молодого поколения.

*...Бродят,
бродят слухи, да
не верят им
старички, сидящие
на ласковых
коленях Великой
женщины, а верят
они древней
священной песне
Богини:
«Птенчики, мои
птенчики!... Если
невыновисто
тяжелое время
наступит,
помолитесь мне...
и (тогда) возьму я
своей могучей
рукой
богатырский меч и
спасу, защиту всех
вас...»*

На основе родовой формы СОБСТВЕННОСТИ

В этнографических очерках Н. В. Лукиной и Татьяны и Тимофея Молдановых подняты исключительно актуальные вопросы социально-экономического развития районов Крайнего Севера, сохранения родной природы и традиционных отраслей хозяйства коренных народов, возрождения древнейших национальных культур.

Более чем скромные успехи в решении этих вопросов обусловлены, на мой взгляд, двумя серьезными причинами: слабостью законодательной базы и практически полным отсутствием финансовых средств.

В районах Крайнего Севера действует Федеральный закон Российской Федерации «О национально-культурной автономии». Он предоставляет коренным народам возможность создавать общественные объединения граждан на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Каждая этническая общность вправе учредить только одно общественное объединение, выполняющее функции национально-культурной автономии. Это позволит упразднить многочисленные псевдонациональные организации, ограничив разбазаривание государственных средств.

Среди других федеральных актов, заслуживающих внимания, следует назвать постановление Правительства России о социально-экономическом развитии северных регионов. На его основе были разработаны целевые программы развития экономики и культуры малочисленных народов Севера. Однако их практическая реализация не приостановила негативные тенденции ни в экономике, ни в социальной сфере, ни в экологии, ни в жизни северян.

В последние годы появилось много региональных правовых актов, посвященных различным аспектам самоуправления и статусу национальных предприятий и хозяйственных организаций. Но их регулятивная и правозащитная роль незначительна, поскольку суды руководствуются только федеральным законодательством.

К сожалению, законодатели на федеральном уровне никак не могут принять «Основы правового статуса коренных малочисленных народов России», проект которых неоднократно рассматривался на местах.

В целях защиты социально-экономических и культурных интересов коренных народов Севера должны применяться и соответствующие современным условиям правовые средства. Прежде всего необходимо возродить родовую форму собственности на угодья. Всякие попытки распространить на районы Севера законодательство о фермерских хозяйствах и земельных паях ни к чему хорошему не приведут. Уже теперь появилась реальная опасность, что ради захвата нефтяных месторождений нынешних владельцев родовых угодий могут соблазнить «большими» деньгами, насильно ассимилировать, физически устранить.

На основе родовой формы собственности можно решить многие социально-экономические проблемы коренных народов Севера. Наглядным подтверждением тому служит опыт США, Канады и скандинавских стран, в законодательство кото-

рых уже внесены специальные статьи, закрепляющие права коренного населения Севера на природные ресурсы, оговорены условия выплаты крупных компенсаций за отчужденные земли и промысловые угодья.

Опираясь на существующие законоположения, ассоциации коренных жителей смогли заставить промышленные компании вести более рациональную и экологически грамотную эксплуатацию минерального сырья, проводить рекультивацию северных земель, обеспечивать охрану природной среды от техногенного загрязнения. Более того, удалось заблокировать ряд крупных промышленных проектов, губительных для северных экосистем. По экологическим соображениям были отменены: строительство плотины и электростанции на реке Юкон, программа «мирных» ядерных взрывов на севере Аляски, проект танкерной перевозки нефти через Беренгов пролив и многое другое. Все они исходили из сиюминутной хозяйственной выгоды или узко понимаемых на-

ЮГРЫ

циональных интересов. Время показало, что при нестабильности мировых цен на минеральное сырье и энергоносители удары, наносимые природе Севера и его коренному населению, оказываются бессмысленными и дорогостоящими.

Четкому определению статуса родовых угодий должно предшествовать решение проблемы о принадлежности человека к этнической общине. В настоящее время вопрос ставится так: может ли, например, хант по происхождению, переселившийся в город или поселок, претендовать на родовые угодья своих предков? Скорее всего, нет. В течение многих поколений у хантов формировалась своя уникальная культура, складывались свои обычаи и традиции природопользования и любой отказ от них должен восприниматься как разрыв со своим народом. Родовые угодья не могут передаваться в наследство отдельным лицам, особенно если те не собираются заниматься традиционными ремеслами и промыслами, а надеются обогатиться на прямых договорах с нефтяниками. Вместе с тем статус родовых угодий должен обеспечивать коренному северянину возможность возвращения к традиционному образу жизни своего народа.

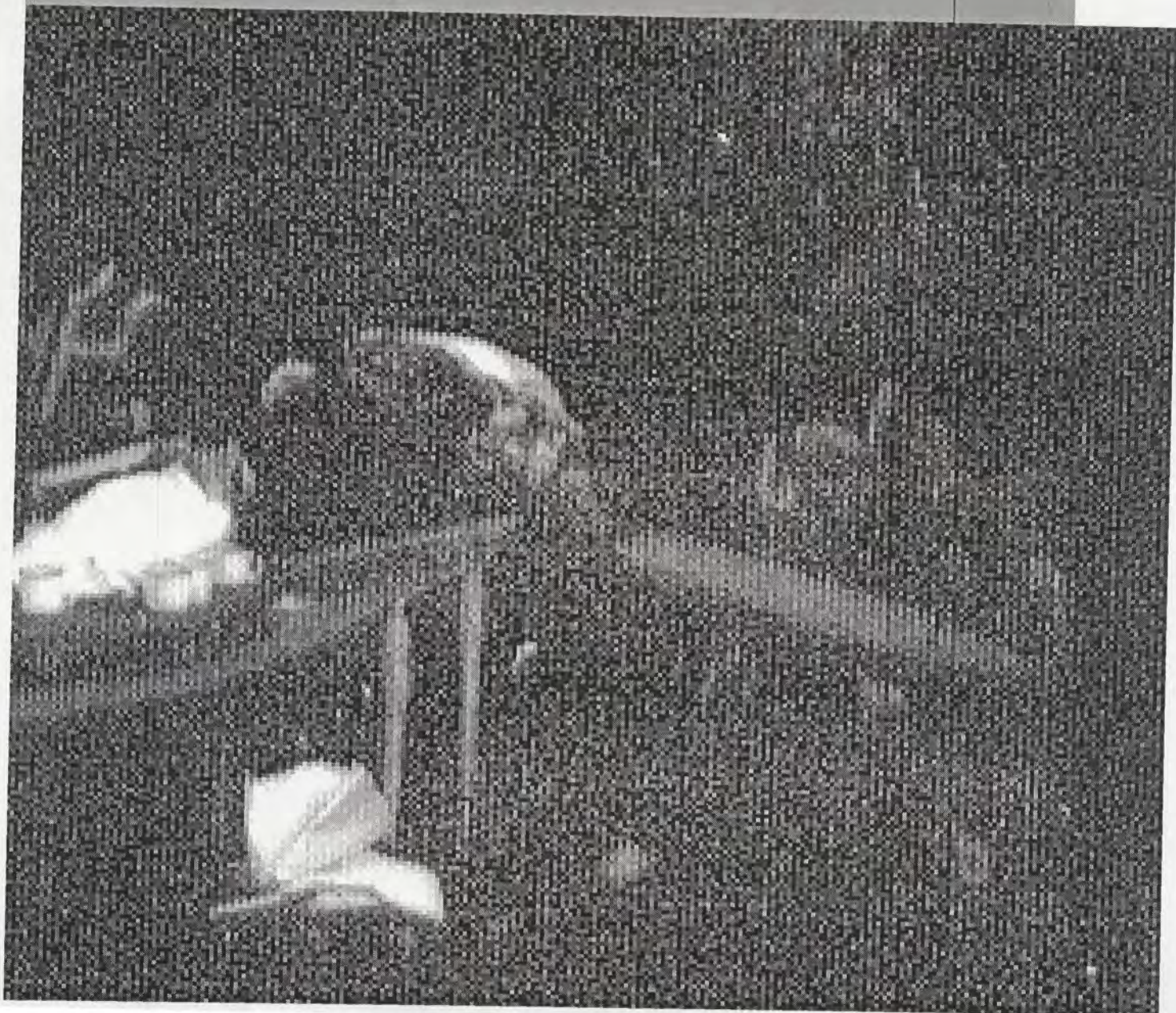
В настоящее время на единой законодательной основе, без учета национальных особенностей различных регионов России проводятся выборы органов местного самоуправления. Есте-

ственно, они не отвечают чаяниям коренных народов Севера. Из тундры все громче доносятся голоса, требующие восстановления забытых органов самоуправления — родовых, поселковых, общинных, национальных советов старейшин, землячества. Но эти голоса заглушаются наступательным ревом нефтяных и газовых ведомств, которым нужны карманные органы местного самоуправления, сформированные из покорителей недр.

Нуждаются в правовой охране также обычаи и традиции коренных народов Севера, в том числе регулирующие их взаимоотношения с окружающей природной средой. В законодательстве многих зарубежных стран они признаны интеллектуальной собственностью народа и подлежат защите от разрушительного влияния чуждой для этого народа культуры. Многолетний опыт хозяйственного освоения зарубежного Севера свидетельствует, что без всесторонней финансовой поддержки нельзя сохранить традиционные ремесла и промыслы коренных народов, а значит, их самобытную культуру. □

*А. И. Казанник,
доктор юридических наук,
профессор*

«Медвежий игрица»

ЗАГОВОРЫ — самый таинственный жанр устного поэтического творчества. Возникнув на заре человечества, заговоры продолжают жить в современном обществе. Это подтверждают записи, сделанные участниками комплексной фольклорно-этнографической экспедиции в Муромцевском районе Омской области, организованной Омским филиалом Объединенного института истории, философии и филологии СО РАН летом 1995 г.

В. А. Москвина

ТАЙНА ЗАГОВОРНОГО СЛОВА

Беседа во время экспедиции 1995 г.
Справа — профессор Т. Г. Леонова,
рядом — автор публикации
В. А. Москвина.

В разных селах Муромцевского района было зафиксировано около сорока текстов заговоров. Помимо этого, записаны различные способы лечения тех или иных болезней — как рациональные (траволечение, массаж), так и иррациональные (например, внушение).

Надо сказать, что собирать заговоры — дело достаточно сложное. Не каждый человек, знающий заговоры, позволит их записать, опасаясь разрушения магических свойств зафиксированного на бумаге текста. Некоторые сообщают заговоры под большим секретом, взяв с собирателя обещание никому эти записи не показывать.

Исследуя заговорную традицию в Муромцевском районе, нам приходилось действовать осторожно, начинать разговор с исполнителями издалека. Сейчас старушки очень любят поговорить о политике, об отличиях современной и прошлой жизни. В такой беседе удобно задать вопрос о том, была ли в селе больница, а если ее не было, то спросить, как раньше лечили недуги. Старушки, обычно, начинают называть различные способы лечения, давать советы, некоторые с удовольствием делятся знанием заговорных формул или рассказывают о знаменитых в своем селе знахарях.

Мы побывали в шести деревнях района, и в каждой нам называли лекарку, к которой чаще всего обращаются за помощью. Из пяти знахарок, с которыми мы познакомились, лишь одна с легкостью поделилась своими знаниями. Остальные свое искусство держат в секрете, особенно те из них, у кого в семье есть последователи (принято передавать заговоры дочерям или внучкам).

Лекарка М. (1914 г.р.), не имея наследников, которым она могла бы передать свои знания, была готова обучить меня, но только естественным (устным) путем, исключаяющим всякую запись. Зато ее односельчанка Е. (1905 г.р.), которую нам порекомендовали как хорошую песенницу, ответив на наши расспросы о вечерках, о забавах молодежи, неожиданно для нас стала рассказывать о том, как раньше, когда

была в силе, лечила грыжу, испуг, ушн, показала, как с помощью свиной челюсти лечить ангину, а с помощью рыбьей — зубы. При этом разрешила все подробно записать и продиктовала несколько заговоров.

Заговоры в Муромцевском районе — явление, широко распространенное. Среди женщин каждая вторая знает простейшие формулы от бессоницы, от зубной боли, от страха и т.п. Но представители молодого поколения, которым сейчас по 20 — 30 лет, не верят в заговоры, посмеиваются над своими бабушками. При этом, что интересно, в случае несчастья, избавить от которого, по мнению окружающих, могут только бабки-знахарки, молодые люди обращаются к помощи заговоров. Например, знахарка Д. из д. Костино рассказала о парнях, которые, уходя в армию, просят ее научить оберегу от пули. Мы также слышали множество рассказов о том, что к знахаркам обращаются люди, отчаявшиеся в надежде вылечиться у официальных врачей.

Что же заставляет верить в силу заговоров и почитать их как средство, способное исцелить, уберечь, помочь?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно понять глубинный смысл заговорной формулы и обряда, сопровождающего ее.

Чаще всего заговор при обычном прочтении не вызывает особой реакции. Совсем иное дело заговор, произносимый в соответствующей обстановке настоящим знахарем.

Что же происходит во время живого звучания? Некоторые исследователи считают звуковую оболочку заговоров главным средством воздействия. Например, В. И. Харитонова, говоря о звуковом оформлении заговора, отмечает особый ритм и интонацию, которые являются способом активизации собственной энергии знахаря. «Ритмико-интонационная основа заклинания способствует вхождению самого отправителя заговорно-заклинательного акта в определенную стадию гипнотического состояния», и «человек обретает способность направленного сброса энергии (...) на своего реципиента».¹

Но все-таки звуковая оболочка — лишь форма, которая непременно определяется содержанием, поэтому в заговоре изучение семантики текста имеет такое же значение, как и изучение внешней формы. Следует отметить, что обряды, сопровождающие заговоры, и атрибуты, используемые при этом, также являются формой, соответствующей смыслу слова.

Анализируя психологические основания возникновения заговоров, А. Ветухов высказал следующую мысль: «Слово — первичный источник сознательного мышления, источник самосознания, самоопределения и разумного творчества».² Человек выделяется из природы и начинает определять не только точки соприкосновения с ней, но и различия. Главным отличительным элементом, разъединяющим человека с природой, является слово. Слово становится духовным двойником человека, «наилучшим выразителем мысли и духовного «я» в человеке».³ Таким образом, слово приобретает в сознании людей могучую силу. Оно становится связующим звеном между миром человеческим и миром высших сил.

Заговорное слово — слово особое, с подтекстом, иначе говоря, это — символическое слово. Символ есть знак, за конкретностью внешней стороны которого открывается уходящая вглубь цепочка смыслов. К примеру, говоря о том, что берега символизируют девственность, мы лишь называем основное соотношение между двумя сторонами символа. Это соотношение может быть продолжено через многочисленные ассоциации, вызываемые данным символом, через обращение к традиции, то есть углубление в значение символа идет по принципу, сформулированному одним древним мудрецом: *per visibilia ad invisibilia* («через видимое к невидимому»). С. С. Аверинцев точно определил сущность символа: «Переходя в символ, образ становится «прозрачным», смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегкого «вхождения» в себя».⁴

Еще символы называют языком, понятным только своим. Наверное, поэтому символы являются неотъемлемой частью заговоров. Заговоры — тайные слова, имеющие огромную силу воздействия. И понятными они могут быть лишь избранным. Кроме того, заговоры имеют дело с тайными силами, которые нужно изгнать или к помощи которых нужно прибегнуть. А все тайное и непонятное вызывает неясные чувства и побуждения, которые невозможно выразить простыми словами. «С помощью символов люди искали способы сообщить друг другу нечто такое, что превосходит пределы и возможности языка».⁵ К последне-

¹ Харитонова В. И. Новые возможности в исследовании заговорно-заклинательной поэзии. — Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания. Ч. 1. — Тамбов: 1991. С. 7-76.

² Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. — Варшава: 1907. С. 42.

³ Там же. С. 49.

⁴ Аверинцев С. С. Символ. Краткая литературная энциклопедия. Т. 6, М.: 1964. С. 286.

му высказыванию можно добавить, что с помощью символов выражается и такое, что превосходит пределы и возможности не только языка, но и сознания. Символ обращен к бессознательному человека. А как утверждают психоаналитики, именно бессознательное определяет всю сознательную жизнь личности. Поэтому во время заговорно-заклинательного акта происходит активизация бессознательных процессов под воздействием символического смысла заговоров.

Можно предположить, что с помощью символического магического акта осуществляется соединение «личного бессознательного» с «коллективным бессознательным» (по терминологии К.-Г. Юнга). Думается, это нужно для того, чтобы человека и мир привести в соответствие друг другу. Как известно, во многих мифологических и религиозных системах человек и мир отождествляются. Согласно такому представлению, любое изменение в космосе должно повлечь за собой изменение в человеческой жизни и наоборот. Вспомним распространенный сказочный мотив: судьбу героя узнают по посаженному им растению (растение увядает, когда герой погибает, а цветение растения сопровождает воскрешение героя).

Замечательно описал А. Блок проникновенные человека в сокровенные тайны мира во время заговорного обряда: «Заклинатель всю свою силу сосредоточивает на желанин, становится как бы воплощением воли. Эта воля превращается в отдельную стихию, которая борется или вступает в дружественный договор с природой — другою стихией. Это — демонологическое слияние двух самостоятельных волений, две хаотические силы встречаются и смешиваются в злом объятии. Самое отношение к миру теряется, человек действует заодно и как одно с миром, сознание завлакивается туманом; час заклания становится часом оргии; на нашем маловыразительном языке мы могли бы назвать этот час — гениальным прозрением, в котором стерлись грани между песней, музыкой, словом и движением, жизнью, религией и поэзией. В этот миг, созданный сплетением стихий, в глухую ночь, не озаренную еще солнцем сознания, раскрывается, как ночной цветок, обреченный кутру на гибель, то странное явление, ко-

торого мы уже не можем представить себе: слово и дело становятся неразличимы и тождественны, субъект и объект, кудесник и природа испытывают сладость полного единства. Мировая кровь и мировая плоть празднуют брачную ночь, пока еще не снизошел на них злой и светлый дух, чтобы раздробить и разъединить их».⁶

Попробуем интерпретировать информацию, которая воспринимается человеком на бессознательном уровне через символику заговоров.

Большинство заговоров начинается с зачина: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота во чисто поле, в восточную сторону ко святому океяну-моря» и т.д. Этот зачин вводит нас в таинственный мир заговора. Смысловая нагрузка зачина тесно связана с его функцией (настройка на воспроизведение и восприятие заговора), а также с основной целью заговора, которая, думается, заключается в приведении мира в идеальное состояние, когда все элементы космоса находились бы на своих местах и действовали бы в соответствии с установленным во вселенной порядком: «тоска лежит под доской», «сухота сушит болота и топи», болезни сокрыты в «темных лесах, под пнями, под корнями», а здоровье — «в ручках, в ножках, во всех суставчиках», дождь идет вовремя, солнце светит «не жарко, не ярко» и т. д.

Зачин рисует вполне обыденную картину окружающего нас мира. Но этот мир и похож, и непохож на реальный. Казалось бы, что же особенного в том, что человек встает и выходит из дома в чистое поле с подобающими добром христианину ритуалами? Однако и благословение, и крестное знамение предопределяют дальнейший ход заговорного обряда. Прежде чем воздействовать на космос, знахарь должен войти в контакт с миром: он как бы растворяется в космосе и одновременно вбирает в себя всю вселенную (в некоторых заговорах в зачине звучит мотив чудесного одевания: «оболокусь оболочками, утычусь частыми звездами»). Идеей единства с миром наполнены все символические действия, описываемые в зачине заговора.

Благословение — это нисхождение на человека благой воли Бога, созидающей добро. Значение крестного знамения вытекает из общей символики креста. Графическое изображение креста в орнаментах, в вышивке, в деревянной резьбе означало четыре направления пространства, «весь белый свет».⁷ Кроме этого, исследователи считают крест геометризованным описанием мирового дерева и человека. В виде дерева крест является связующим центром трех миров: горнего, земного и нижнего. Как модель человека с распростертыми руками крест символизирует связь материального аспекта с духовным. Но крест — еще и знак смерти (распятие, кресты на могилах), объединяющий мир живых с миром мертвых. Таким образом, лишь в двух словах — «благословясь» и «перекрестясь» — выражается идея единства мира и человека: «встану, благословясь» — вберу в себя высшую волю, и «пойду, перекрестясь» — соединюсь с космосом.

Далее знахарь в заговоре «проходит» «из дверей в двери, из ворот в ворота». Выходя из дверей, мы переступаем через порог. Порог во многих верованиях является гранью между своим и не-своим. В своего движение идет изнутри, т.е. из дома, из своего мира. В некоторых заговорах знахарь сначала обращается к печке — символу домашнего очага, а потом уже «выходит из избы в двери». Можно предположить, что знахарь, пересекая порог, входит не просто в чужой (чуждый) мир, но в иной мир. Необычность иного мира проявляется в следующем: во-первых, в нем все гар-

⁵ Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — Новосибирск: 1992. Т. 1, с. 41.

⁶ Блок А. Поэзия заговоров и заклинаний // Блок А. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М.-Л.: 1962. С. 47.

⁷ Детальный анализ графического символа «белого света» дан в книге Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» — М.: 1994.

монично устроено, все находится на своих местах, неполадки быстро устраняются, например, Богородица встречает двенадцать лихорадок, которые идут мучить людей, и тут же отправляет их обратно в море и т. п.; во-вторых, здесь есть такие предметы, которых нет в нашем мире — камень Алатырь, церковь на дубе, остров Буян, золотой престол среди моря, столб от земли до неба и т.п.; в-третьих, как правило, человек сам идет к сверхъестественным помощникам в их мир, а не зовет их спуститься к нему. Итак, иной мир — это мифический, сверхъестественный мир.

Переступив порог (границу миров), знахарь попадает в чистое поле, преодолев которое, он выходит «на восточную сторону к океану-мору». Теперь ему нужно «подойти поближе и поклониться пониже» некоему сверхъестественному существу, восседающему на престоле (под деревом, на горе, в церкви, на острове, на камне и т. п.), который стоит посередине моря и является центром мира. Чистое поле и море-океан в заговорах исполняют роль преграды, охраняющей сакральность центра. Преодолевший эти преграды человек, становится иным: сильным и могущественным, способным пробудить силы, могущие исправить реальный мир.

Пройти по чистому полю не так просто: пространство для первобытного сознания всегда вещно, то есть состоит из конкретных предметов, отсутствие которых приводит к разрушению пространства, поэтому чистое поле можно назвать символом не-пространства, пустоты, обитания злых, разрушительных сил («чистое» — значит, незасеянное, необработанное; герои русских сказок и былин в чистом поле сражаются с чудовищами и врагами).

Далее на пути знахаря к центру раскинулось море-океан — водная преграда, отделяющая наш мир от мифического. Переход через океан (вообще через любое водное пространство) во многих мифологических системах символизирует преобразование, так как вода суть начало и конец всего, вода уничтожает, но она и возрождает к новой жизни на более высоком уровне (вспомним сказочные мотивы о живой и мертвой воде, о купании в трех водах и т. п.).

Так, в нескольких словах зачина происходит насторойка заклинателя на произнесение основной части заговора, в которой рассказывается о чудесах, творимых самим знахарем или сверхъестественными персонажами, выражается желание, приказ, просьба, рисуется картина идеального состояния мира, идеальных отношений и т. д.

Посредством произнесения заговора чудеса, которые происходят в центре мифического мира (бабушка Соломонида изгоняет испуг, Заря-Зоряница забирает «криксы-плаксы», «полунощниц и полуденниц», щука с медными щеками выгрызает грыжу, три девицы-сестрицы зашивают кровавые раны и унимают кровь, железный муж ограждает железными стенами от всяких бед, ангелы и архангелы булатными мечами и золотыми стрелами избавляют от злых сил и т.д.), и все изменения, вызываемые ими, проецируются на наш мир. Все события мифического мира являются как бы причиной событий в реальности. А связь между мирами как раз и поддерживает могущественный знахарь с помощью заговорно-заклинательного обряда.

Заговоры обычно оканчиваются так называемой закрепкой, в которой часто встречается образ ключа, замыкающего замок. Ключ бросается в море или кладется под бел-горюч камень Алатырь или под дерево. Море как символ вечности и безграничной первозданной стихии поглощает

этот ключ навсегда, обеспечивая тем надежность заговора. Алатырь и дерево, являясь центром мира, его осью, также под собой имеют только бескрайнюю бездну, в которой бесследно исчезает брошенный ключ.

Заговорный текст в целом и отдельные слова из него несут огромную информационную нагрузку. Заговоры, уходящие своими корнями вглубь доисторических эпох, сохранили для нас все ценное, что накоплено универсумом за время его существования. Расшифровка символики заговоров может дать ценнейшие сведения о жизни человека и космоса. Но магические слова бережно хранят свой глубинный смысл и не торопятся открывать своих тайн.

ОБЕРЕГ ОТ СГЛАЗА И ОТ КОЛДУНА

Встану благословясь,
Умоюсь перекрестясь,
Рудным* полотенцем утираюсь,
Иду я из дверей в двери,
Из ворот в ворота
Под вечернюю (или утреннюю — *ред.*) зарю,
Под ясное небо,
В чистое поле,
На три перехрестка.
На этом перехрестке
Стоит батюшка святой Николай,
Евангелие читает.
А я, раба Божья Ангелина,
Я подходила,
Батюшку святого Николая просила:
«Батюшка святой Николай,
Прости меня,
Спаси меня
От колдуна, от колдуницы,
От рода, от родины,
От парня-русака,
От девки от русалки,
От бабы от простоволоски,
От плохого часу,
От плохого глазу,
От черного, от голубого, от серого».
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

ЗАГОВОР ОТ ЛЮБОЙ БОЛЕЗНИ

Стою, перекрестясь,
Умываюсь, благословясь,
Иду из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
Во чистое поле к синему морю.
На синем море там стоит престол.
На этом престоле сидит
Матушка Пресвятая Богородица.
«Матушка царица, красная девица,
Спусти мою болезнь с крутых берегов
В синее море, в желтые пески.
Чтобы в желтых песках
Моя эта болезнь красовалась,
А раба Божья (имярек) поправлялась»
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

(Наговаривают три дня по три раза на воду, которую пьют, умываются ею, можно дверь обрызгать).

* Рудное — льняное (так объяснила исполнительница).

(Наговаривают на воду три дня по три раза).

Оба заговора записаны участниками комплексной фольклорно-этнографической экспедиции 1995 г. Т. Г. Леоновой и В. А. Москвиной в р/п Муромцево.

Н. А. Томилов

Осторожно: СЕПАРАТИЗМ!

В последние годы мы наблюдаем, как решительно активизировали свою антироссийскую деятельность в Сибири сепаратистские силы Татарстана. Стали распространяться, например, книги, брошюры и статьи, рассказывающие о насильственных деяниях русских войск на завоеванных и присоединенных к Русскому государству (позднее — к Российской империи) землях когда-то независимых государств, об угнетениях царским правительством татар Поволжья, о разгромах там волнений и выступлений татар-крестьян, о том, что татаро-монгольское иго — это никакое не иго, а игом было русское (российское) иго и т. п.

При этом делаются заявления, что сегодня Россия является колониальной державой, тюрью народов, а суверенные республики в составе Российской Федерации — это перелицованный имперский «тришкин кафтан», являющийся ... «очередной разновидностью политического трюка для усыпления бдительности нерусских народов России и для дезинформации мирового общества о якобы демократических преобразованиях в России» («Темные закоулки» Российской истории (Преступления империи). Набережные Челны, 1993)

Смысл этих публикаций откровенно ясен — рассорить татар и русских, вызвать межнациональные конфликты вплоть до вооруженных выступлений против российской государственности, добиваться выхода Татарстана и других республик из России, восстановить средневековое государство Золотую Орду, включая часть территорий Сибири, выдавить русских из тех республик, где они составляют большинство по сравнению с коренными народами и т. д.

Сразу отмечу, что речь идет не о политике руководства этих республик и основных партий, а об активных действиях сегодня пока малочисленных сил ярых сепаратистов и шовинистов, для которых доброжелательные отношения людей разных национальностей друг к другу — самое большое зло России, самое основное препятствие на пути прихода их или привода своих единомышленников к власти. А что это означает — приход к власти сепаратистов, какими страданиями людей, кровопролитиями, бесчисленными жертвами и моральными потрясениями он сопровождается, мы знаем теперь не только по сообщениям из разных уголков земного шара, где идут межнациональные войны, но, к нашему общему несчастью, и по сообщениям из ряда стран СНГ.

Так что же, в этих книгах и брошюрах содержатся неверные сведения? Я бы так не сказал, хотя и это имеет место. Часто приводятся ведь и статистические данные, почерпнутые из работ отечественных историков. Но объясняются эти сведения и исторические факты очень однобоко. А, с другой стороны, замалчиваются не менее выразительные факты, свидетельствующие против концепций вражды этих авторов. Например, когда говорится о подавлении крестьянских выступлений татар в Поволжье, то ведь не сообщается о том, что такие же крестьянские выступления и еще в гораздо больших масштабах против крепостного права, угнетения самодержавным строем и их подавление имели место и в русских деревнях. А часто татары и русские совместно объединялись для классовой и политической борьбы, были в одних политических партиях и т. д.

Другой пример. Эти авторы-поджигатели обозначают образование и расширение российского государства только терминами «агрессия», «оккупация», «колониальные войны» и т. п. Но они сегодня нарочито не вспоминают, что многие люди часто бежали из восточных деспотических стран в Россию, что представители многих государств и земель неоднократно обращались к русским (российским) властям с просьбой спасти их от опасности порабощения со стороны других враждебных государств и принять в подданство России, что поволжские татары царскими властями не считались инородцами (сельские жители были крестьянским сословием, как и население русских деревень), что в Российской империи татары часто занимали высшие военные и политические посты. Никто не собирается обелять шовинистические явления в действиях царских властей, но надо бы видеть разные стороны внутренней и внешней политики России.

Что же касается достоверности исследований этих авторов-разжигателей межнациональной вражды — скажу, что весьма часто в публикациях их приводятся искаженные факты. Не говорю уж о безмерном «расширении» территории Золотой Орды, за которым кроется, по сути, призыв восстановить ее границы. Но, например, и границы Сибирского ханства при Кучуме часто изображаются то охватывающими территории не только Западной Сибири, но и значительной части Казахстана и Урала, то включающими всю территорию Сибири и Дальнего Востока — «от отрогов Урала до берегов Тихого океана» (в кавычках — цитата из брошюры одного псевдочеловека). В то же время совершенно точно известно, что территория Сибирского ханства была значительна, но охватывала она все же только земли от бассейнов рек Туры и Тавды на западе, вклю-

чала районы среднего и нижнего течения Тобола, Ишима и Иртыша, а также часть Барабы (сегодня — Барабинская степь, в основном входит в территорию Новосибирской области).

Поразительно также и то, что, представляя Сибирское ханство всей Сибирью и Дальним Востоком, автор брошюры почему-то не сообщает, что кроме этого государственного объединения, здесь были и другие государства сибирских народов. А зачем ему об этом сообщать читателям? Важно ведь представить дело так, что татарам якобы принадлежала вся Сибирь «до берегов Тихого океана», а русские отобрали у них эту землю.

Авторы подобных публикаций пытаются и другие народы настроить на враждебную волну по отношению к России. Например, сообщается, что чудовищный план тотального насильственного крещения казахов с последующим образованием нового региона России — «Желтороссии» был сорван только началом первой мировой войны в 1914 г. Надо же до такого договориться! Конечно, как известно, в первой половине XVIII в. были попытки царских властей христианизировать народы России с другими религиями, в том числе и насильственными способами. Но вскоре от этой политики власти отказались. Мало того, в XIX — начале XX в. они поддерживали мусульманство и нередко выделяли деньги на строительство мечетей, зданий для медресе (духовные училища мусульман).

Относительно советского периода ученым предстоит еще исследовать явления геноцида и дискриминации по отношению к ряду народов, особенно в условиях сталинского режима. Но нельзя же не видеть того, что впервые проводилась политика создания внутренних национально-государственных и национально-территориальных образований в составе РСФСР и СССР. И это позволило тогда решать многие национально-культурные и национально-социальные проблемы, дать письменность на родных языках всем бесписьменным народам, в том числе татарам Сибири письменность на литературном татарском языке, спасти многие малочисленные народы от вырождения и т. д.

Отмечу и тот факт, что за годы советского и постсоветского периодов в нашем государстве не исчез ни один народ, а подавляющее (именно подавляющее) большинство их численно выросло в 2 и более раз. Например, численность татар в XX в. в России и СССР увеличилась с 2,5 млн. человек (1897 г.) до 6,9 млн. (1989 г.) Конечно, я не хочу представить дело таким образом, что не было негативов и преступлений в национальной политике в советскую эпоху. Наоборот, именно омские ученые (социологи, этнографы, историки, юристы) считают, что в первую очередь нужно избавиться от последствий политики национальной дискриминации и разрабатывать программы решения национально-культурных проблем и стабилизации в России межнациональных отношений.

Не приемлемы и искажения сибирской истории, которые прямо-таки внедряются в книги и брошюры, направленные против содружества и взаимодействия народов России. Так, включение Сибири в состав Русского государства изображается их авторами не иначе как оккупацией, колониальными войнами, сопровождающимися уничтожением коренных народов, морями крови, бесправием, нищетой и т. д. Но вот академик Анатолий Деревянко обратил внимание на такой факт: европейцам понадобилось более двухсот лет для завоевания Америки и при этом было, действительно, уничтожено несколько миллионов индейцев. А русские умудрились всего за пол-века пребывания в Сибири оккупировать на берегах Тихого океана (Семен Дежнев в 1648 г. достиг этой цели) и фактически присоединить всю Сибирь к России.

В чем же секрет такой быстроты? В чем причина того, что несмотря на имевшие место вооруженные сопротивления некоторых народов подчинению их Русскому государству, все же довольно быстро в Сибири возникла мирная обстановка, сохранившаяся затем 400 лет? Ученые считают, что сказались несколько факторов, в том числе политика русских (российских) властей по обустройству жизни народов и установлению с ними отношений нормального взаимодействия, стремление русских адаптироваться с помощью коренного населения к необычно суровым природным условиям Сибири. Здесь выжить и жить дальше можно было только вместе. Так где же, спрашивается, при колонизации или присоединении Сибири (под колонизацией вообще-то понимается заселение и хозяйственное освоение новых территорий) стратегия «выжженной земли»?

Именно взаимодействие в рамках России и мирные, а порой и дружеские отношения всех народов Сибири (в том числе и русских) друг с другом создавали условия для хозяйственного и культурного развития сибирского региона более быстрыми темпами, чем в дорусский период его истории.

Преступное дело затеяли авторы такого рода брошюр и книг, способствующих шовинистическому отравлению сознания российских граждан, в том числе не только татар, но и других народов, включая и русских. Фактически эта попытка заложить бомбу под мирную жизнь россиян, под наше государство. Наверное, нет острой необходимости в данном выступлении в печати говорить о том, что хорошего (и плохого тоже) дала нам и всем нашим народам совместная жизнь в России, СССР и снова в России. Но самое важное, как мне представляется, она дала нам всем возможность выжить, особенно в последнем безумном XX веке, породившем две мировые войны и сотни локальных войн, фактически приведших человечество к невиданной бойне, дала возможность сохраниться всем народам нашей страны, дала прочный запас нашей Родине для новых поисков в разрешении противоречий современного мира. И в этом — главная правда!

Галина Мысливцева

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ВРЕМЕНИ

Комментарий к общесибирской выставке портрета

История региональных художественных выставок в Сибири не очень велика. На крупных торгово-промышленных и сельскохозяйственных выставках, как, например, Западно-Сибирская 1911 г. в Омске, специальных художественных разделов не было, так что лишь архитекторы, монументалисты и кустари могли демонстрировать на них свое мастерство. Общества художников и любителей изящных искусств, появившиеся в начале века в разных городах, не затевали всесибирских выставок, ограничиваясь приглашением коллекционеров и художников из одного-двух соседних городов.

Известно, что крупная выставка картин сибирских художников состоялась в Иркутске в 1925 г. Но одной из самых грандиозных выставок тех лет была новосибирская «Новая Сибирь» (1927 г.). Пожалуй, она и стала прообразом зональных выставок «Сибирь социалистическая», начало проведения которых пришлось на 1960-е годы. Каждые четыре года художники, искусствоведы, музейные специалисты всей Сибири могли встречаться для профессионального общения.

Несмотря на то, что за рамками зональных смотров оставались художники, чье творчество не было признано официальным, значение этих встреч трудно переоценить. Прежде всего, они были источником информации, а информационный голод и сегодня — одна из самых главных бед провинции. Другое неоспоримое достоинство зональных выставок — живое общение в окружении произведений искусства: споры, сравнения, критические суждения, в результате которых определялись критерии мастерства. Последняя зональная выставка «Сибирь» состоялась в 1991 г. в Красноярске. Стех пор ни один город не решился взять на себя заботы и расходы по ее организации.

А потребность в общении существует. Об этом свидетельствует то воодушевление, с каким откликнулись на приглашение омичей принять участие в региональной выставке портрета «Человек в пространстве времени» художники и искусствоведы больших и малых городов Сибири.

Концепцию выставки разработал директор Городского музея «Искусство Омска» искусствовед В. Ф. Чирков, организаторы выставки — этот музей и Департамент культуры и искусства Администрации города. На выставке были представлены более 200 произведений 79 авторов из 11 городов Сибири. В экспозиции — живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство.

От традиционных зональных выставок этот проект отличался единым замыслом, в реализацию которого приняли участие искусствоведы, художники, философы, культурологи. Выставка-конференция соединила (а, может быть, и столкнула) в

своем пространстве основные силы, заинтересованные сегодня в анализе и оценке процессов, происходящих в человеке и обществе: художников, интуитивно, спонтанно или в результате глубоких размышлений создающих визуальный образ нашего современника, искусствоведов, находящихся вербальный эквивалент художественному образу, раскрывающих причины и механизмы его возникновения, художественных критиков, судящих о том, что созвучно сегодняшнему дню, а что устарело и «не работает», и, наконец, теоретиков, с глобальных философских позиций рассуждающих о месте человека в мире, исследующих «вечный» вопрос: «Что есть человек?»

Диапазон ответов оказался широким, как и то необъятное пространство от Москвы и Урала до Байкала и Улан-Удэ, откуда прибыли участники одноименной конференции и выставки. Перед зрителями развернулась многоплановая картина, изображающая современного человека не столько в его привычном целостном облике, сколько разъятым на части внутренними и внешними противоречиями, зажатым в тиски враждебного всему живому пространства, потерявшим свое лицо, но все же помнящим о красоте и блуждающим в поисках гармонии.

Несмотря на то, что на выставке экспонировались произведения, датированные только 1990-ми годами, оказалось, что в творчестве сибирских художников сильны традиции прошлых десятилетий, особенно в городах со сложившимися местными художественными школами.

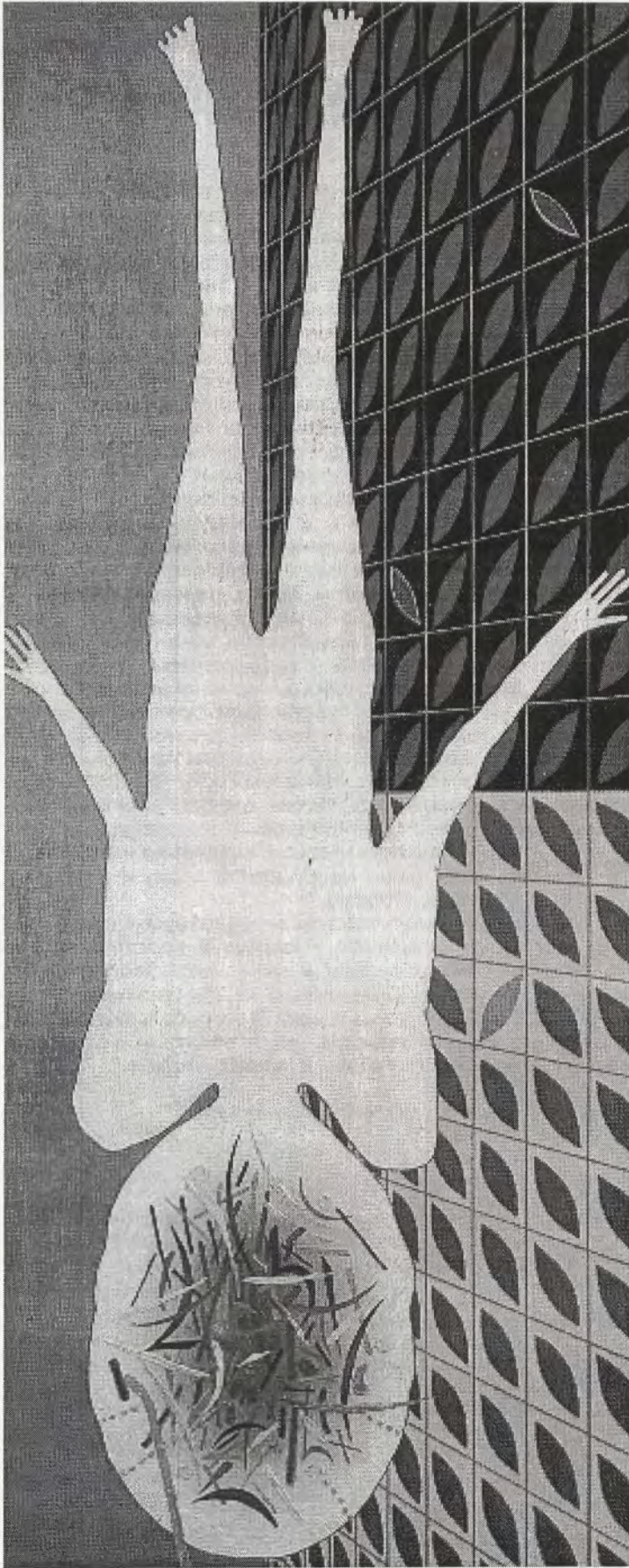
Пожалуй, самая сильная в регионе иркутская живописная традиция была представлена творчеством Николая Вершинина, Людмилы Статных, Геннадия Кузьмина, Анатолия Костовского.

Строгость рисунка и выверенность композиций в портретах Александра Покровского и Константина Войнова свидетельствовали о набирающей силу академической школе Красноярска.

Целый ряд экспонируемых на выставках портретов прямо апеллировал к стилистике социалистического реализма, «сурового» стиля, декоративным композициям прибалтов... Это позволило известному российскому искусствоведу и художественному критику Александру Морозову упрекнуть художников-традиционалистов в лености мышления, нежелании искать адекватные современности образы.

Однако для организаторов выставки включение в нее традиционного портрета было принципиальным, так как перед ними стояла задача показать не только то новое, что появилось в человеке и искусстве сегодня, но отразить реально существующие тенденции и их взаимодействие в культурном пространстве Сибири. Прямое наследование традиций — одна из таких тенденций, и она отчасти отражает действительную ориента-

1. А. В. Сулов (Новокузнецк)
Сфера исследования №1.
Из цикла «Исследования». Триптих 1992 г.
Х, м. 70x168

2. М. С. Омбыш-Кузнецов (Новосибирск).
Советская икона №3.
1991—1994 г. Х, м. 151x115

3. А. В. Самарин (Ангарск).
Женщина в ожидании счастья.
1994 г. Б. гуашь 64x48,5

Научно-информационный публицистический общесибирский журнал
«КУЛЬТУРА СИБИРИ»

644099, г. Омск,
ул. Ленина, 10, к.47.
Тел.: (3812) 25-83-23.
Подписной индекс в каталоге Роспечати — 78606.

Сергей МУРЗИН
«Священный Байкал»

В. М. Владимиров (Омск).
Без названия.
1996 г. Х. м. 100x81

цию сибиряков на стабильность, преемственность, сохранение профессионального ремесла.

Нельзя забывать и о том, что в традиционном портрете закреплено уважительное отношение к человеку, внимание к его облику и движениям души, несомненно заслуживающие сохранения. Тем более, что это лишь малый островок гармонии, ностальгии по прошлому, на котором можно найти минутный отдых от тревожной и беспощадной реальности и точки отсчета для суждений о человеке сегодняшнем.

Герой нашего времени далек от совершенства и от самолюбования, полон иронии и скепсиса, подавлен или агрессивен. Образ такого человека не только присутствовал, но и доминировал в экспозиции.

Триптих новокузнецкого художника Александра Сулова «Предмет исследования» (1992) стал композиционным и смысловым центром выставки. Два идентичных силуэта, белый и черный, распластаны в стерильно геометризованном пространстве. Непомерно увеличенные головы заполнены цветными точками, дугами, линиями. Они кажутся подвижными и светящимися среди застывшей геометрии фона. В центральной части триптиха нет ничего, кроме этого символа мозговой деятельности. Космос знаков в тщедушном тельце — образ современного интеллектуала, сделавшего себя предметом собственных исследований? Или безропотный объект социальных, экологических, психологических и прочих экспериментов?

Но жизнь еще заявляет о себе, подобно забавному розовому эмбриону, неизвестно как задержавшемуся в хаосе предметов, текстов и знаков в работе молодого художника из Омска Антона Сташевича «The Stashevich. Зеркало» (1994).

Искусствоведы справедливо говорят о кризисе портретного жанра. Один из его симптомов — исчезновение лица, замена его знаком, схемой, текстом, пустым силуэтом. Различные мотивы, приведшие художников к подобным решениям, диаметрально противоположно содержанию близких образов.

Если углубиться в историю искусства, то мы обнаружим не только отсутствие лиц у крестьян в картинах К. Малевича, но и знаково-символические изображения людей в архаических культурах.

Лишь с наступлением эпохи антропоцентризма человек в его индивидуальном облике стал героем портрета. Кризис портретного жанра — есть и кризис антропоцентризма. Может быть, есть смысл в том, что современный человек перестает ощущать себя вершиной мироздания и «мерой всех вещей»? Кто-то переживает это как драму, а кто-то, смеясь, расстается с очередной иллюзией.

«Автонаторморт» Дамира Муратова (Омск, 1995) — не лишенный сходства автопортрет, составленный из предметов столового сервиза. Не является ли он остроумной репликой художника на кредо неоромантиков: «Все во мне и я во всем»? Сибирские художники и сегодня не отказываются от сохранения романтической традиции.

Соотнося себя с космосом, художник находит космос в себе. В произведениях Ларисы Пастушковой (Барнаул), Татьяны Дашковой, Евгения Дорохова, Владимира Владимирова (Омск), Владимира Бычинского (Красноярск) человек вовсе не предстает ничтожной песчинкой, напротив, растворяясь во Вселенной, обретает ее масштабы.

Тема существования человека в мировом пространстве и в потоке времени находит яркое образное решение в живописно-пластических композициях Николая Рыбакова (Красноярск). Симфонии цвета, ритма, пластики поражают красотой. Тело, имеющее жесткие границы, переходящее. В живописи Н. Рыбакова таких границ нет. Величие его героев состоит в том, что они вышли из собственной телесной оболочки, вместили в себя все богатство и красоту мира.

Напротив, «Портрет одного чиновника» Георгия Кичигина (Омск, 1995) свидетельствует об абсолютной незаинтересованности внешним миром многократно тиражированного бюрократа. Отсутствие лица в этом портрете, замена его набором отдельных черт, проступающих на яйцоболванках, размещенных вокруг делового костюма, конечно, имеют социальную окраску.

«Человек и социум» — одна из важных тем выставки — нашла выражение в триптихе Михаила Омбыш-Кузнецова «Советская икона» (Новосибирск, 1991-1994). Трижды, последовательно увеличиваясь в размерах, повторяется супрематизированный рисунок скульптурной группы В. Музиной «Рабочий и колхозница». Плоскостность изображения и открытость цвета, конечно, напоминают об иконе, но главным является та функция, которую выполнял этот высокий по своим художественным достоинствам памятник в тоталитарном государстве. Символ вдохновенного порыва в светлое будущее стал знаком бездушного механизма, подавляющего всякое инакомыслие и индивидуальность.

Внутренние ощущения попавшего под его пресс человека нашли живописно-пластический эквивалент в экспрессивных полотнах Марины Усовой (Омск), Дмитрия Булыгина, Вадима Иванкина, Михаила Казаковцева (Новосибирск). Давящее, душное, мутное пространство поглощает и деформирует живое тело человека. Персонажи портретов Владимира Новосельцева (Омск), Анатолия Пурлика (Ангарск), Николая Горбунова (Омск) кажутся вышедшими из того же агрессивного пространства. Гротеск в решении лиц приобретает здесь несколько зловещий оттенок, поскольку свидетельствует о серьезной деформации души, буквально вывернутой художником наизнанку.

Еще более беспощадны к своим героям и зрителям Андрей Титов (Омск) и Алексей Волков (Иркутск). Проволока и волчьи зубы в коллажах А. Волкова «Портрет современника 1» и «Образ искусствоведа Тамары Драница» (1995), выкрашенные черным искусственные погребальные цветы, приши-

тые к холсту у А.Титова («Самое время поджигать волосы», 1995) усиливают впечатление гипертрофированной агрессивности и кровожадности, напоминающих поэтику «черного юмора».

Интенсивные цветовые контрасты, резкие контуры, острые формы в мифологизированных композициях Петра Гавриленко «Осенний поцелуй» (Томск, 1993) и «Автопортрет в колпаке» (1994) также выявляют агрессивное, зловещее начало, которое, благодаря жесткости формального решения холстов, прочно утверждает себя в духовном пространстве современности.

Герои монументально-графических портретов Игоря Бессонова (Новосибирск), напротив, ускользают с плоскости холста. «Писатель А. Трофимов», «Молодая моавитянка Руфь» (1993) — красивые образы, напоминающие о путешествиях и дальних странах. Они, хотя и пойманы художником в контур струящихся линий, кажутся зыбкими романтическими видениями.

То же происходит с едва проступающими сквозь фон, множасьими лицами в портретах Татьяны Бреславцевой (Сургут).

Что же может служить опорой для человека и художника в столь несовершенном мире? Да и так ли он безнадежно плох? Выставка показывает, что и сегодня в нем существуют общечеловеческие ценности, и художники — вовсе не отъявленные пессимисты или мизантропы.

Каждый персонаж серии портретов современников Петра Ончукова (Иркутск) вписан в узкую полосу холста, но не чувствует себя зажатым в его пространстве, не потерял индивидуальности, схваченной в позе, жесте, выражении лица, цвете, costume, атрибутах. Гротеск, присутствующий в трактовке образов, обусловлен не сарказмом, а дружески-ироническим отношением к своим собратьям-художникам: Борису Десяткину, Людмиле Кульгачевой («Людя из Барнаула», 1992), Яне Лисицыной, «нарисованной сквозь призму ее собственной графики».

В одном из ранних автопортретов омский художник Николай Молодцов спрятал свои глаза за радужными очками. И это не декорация, а жизненное кредо художника. Его мир полон цвета и света, а человек, изображенный с какой-то мудрой наивностью и по-детски непосредственно, вызывает ответную улыбку.

Пленительны детские и женские образы в находящихся на грани мифа и реальности живописных композициях Альбины Цыбиковой (Улан-Удэ). Красивы и возвышенны герои портретов замечательного живописца из Иркутска Николая Вершинина. Апелляция к Рембранту и Эль Греко в его «Продавце петуха» (1993) выразились не только в характере живописи, но и в своеобразной мифологизации автопортретного образа, соотношении себя и своего творчества с глубокими пластами мировой культуры.

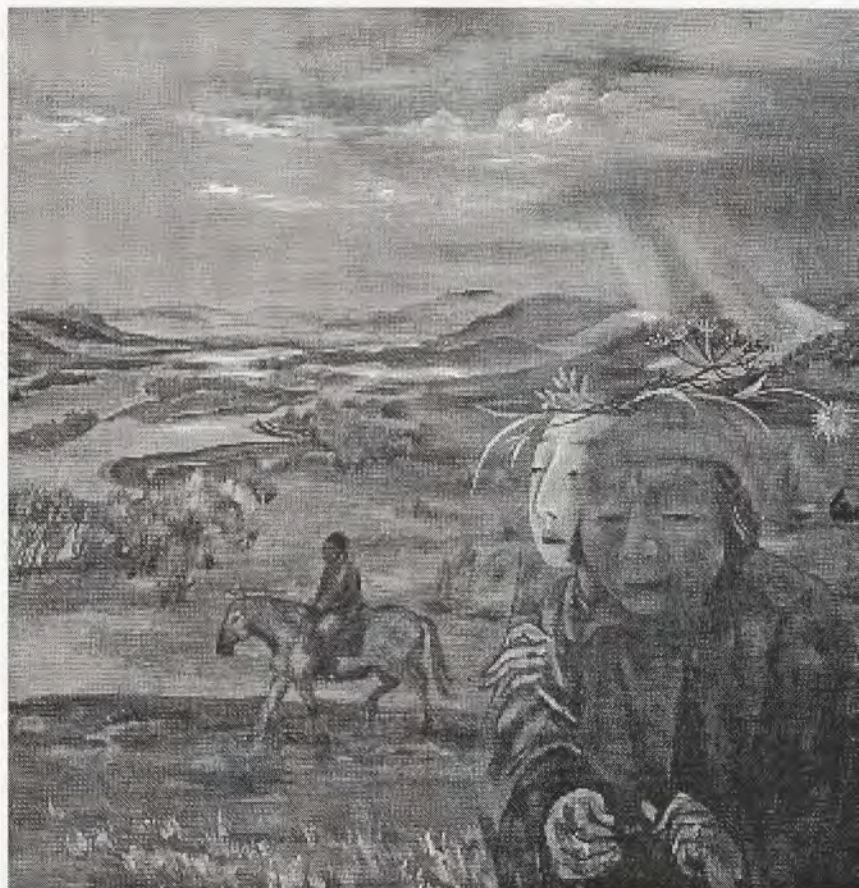
Это — одна из самых заметных тенденций современного искусства. В определенной степени она противостоит прямому наследованию форм и методов. И, если Галина Новикова и Людмила Статных (Иркутск) применяют себя к образам древнерусских икон и фресок, то в работах Марины Усовой (Омск), Даниила Меньшикова (Новосибирск), Александра Андрусенко (Барнаул) темы и образы Ветхого завета трансформируются до неузнаваемости, начиная самостоятельное бытие.

Фольклорные мотивы в творчестве Сергея Александрова (Омск) и Сергея Элояна (Иркутск) кажутся уже не стилизациями, а собственной речью художников. Андрей Титов (Омск) и Александр Шуриц (Новосибирск), каждый по-своему, интерпретируют незабвенную историю с ухом Ван Гога.

5. С. Г. Жилин (Иркутск).
Дама с птичкой.
1995 г. Х. м. 92x73

6. А. О. Цыбикова (Улан-Удэ).
Видение поддья.
1995 г. Х. м. 71x80

В ПРОСТРАНСТВЕ
ЧЕЛОВЕК ВРЕМЕНИ
СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТ
И СИБИРИ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА-КОНФЕРЕНЦИЯ

(Окончание на 4 стр. обложки)

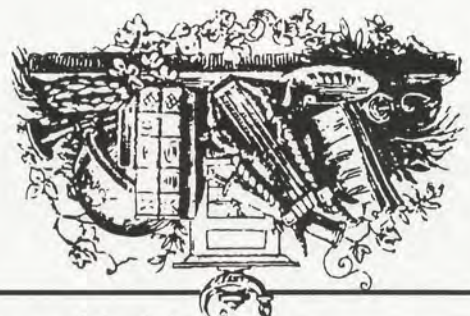
Николай Михайлович
Наседасто Сибирь,
«Литературное
Дарниче», Сан-Сиб,
во, Новосибирск, 1978, т. 4,
но: «АНС», том, страна.
«Восточное обозрение»,
общественной жизни,
1889, №2.

одина, безвременно любимая «спящая кра-
савица» Сибирь — чужбина? Была она и
такой, когда светлые порывы духа, выссо-
кие идеи, пламенные мечты о возрожде-
нии колоссальной колонии Российской Империи
сталивались в драматическом единоборстве с ре-
альной действительностью.
Дореформенный уклад, бесконотрольная
власть, чуждавшие злупотребления бюрокра-
тии, бесправный народ, отравленные алчными и
невежественными купцами Кондратами и Лит-ти-
тыгами. Присажив «ливияизаторы» и «генералы
водочного дела», расхищающие богатства края,
Аборигены Сибири «живияизаторы». Утоловная сылка
разлагала население нравственно. Общественная
и гражданская жизнь еще только зарожда-
лась. Печать прибрала к рукам предприниматель-
ские и аферисты-«ливияизаторы». Знакомые
герои сатиры Гоголя и Салтыкова-Щедрина наши
в Сибири «золотое дно».

Как просветитель-демократ Шеринцев сфор-
мировался в начале 60-х годов прошлого века, в ус-
ловиях общественной России. Уже в это
ранней публицистике — статья «По поводу сибир-
ского университетя», «Общественная жизнь в Си-
бири» и других крупным планом выражался его
просветительский максимализм, вера в знания, на-
кобые преобразовать людей и действительность.
Учен, литературно, искусство как мощные силы, спо-
собные преобразовать людей и действительность.
В библиографической рецензии «По поводу сибирско-
го университета» 20-летней публицистический утратил
талант не будет доступным странам без университетского
развития потому, что величайшим движителем всеи

...Из очерка
Н. М. Ядринцева «На чужбине».

«Нет! Тяжело, темно, душно, невнятно и, главное, нет и
не видно рассвета. Тяжело так, что можно умереть. Дно бы за
этим не стало. Но какнется вопрос... Умереть и уныть можно
без греха, без всякой пакости, не заложив зерна из области
нравственно-духовного существования не только в
человечестве, но и в собственном своем кругу, умереть без
сознания цели своего существования, когда мечтано жилось
принести хоть долю блага и счастья, сознать, что ты
остаешься непонятым, мятным и чуждым в своей родной семье...
Да может ли быть что-нибудь тяжелее?»

Обращаясь к ЯДРИНЦЕВУ

Анастасия Кандеева

Здесь почва тех тяжелых нравственных кри-
зисов, которые не раз переживал Н. М. Ядринцев,
закономерно вставали вопросы: так ли можно оста-
ваться верным?
Обращаясь к сибирскому обществу — раз-
дробленному, апатичному, погруженному в част-
ные интересы, публицист и хулиганский слова напо-
минал о высших ценностях жизни, об идеалах оте-
чественных мыслителей, стремившихся понять,
«образить», совершенствовать природу человека
и его внутренни мир. Сам Николай Михайлович
неустанно повторял «забыты», по определению
М. Е. Салтыкова-Щедрина, слова: добро, честь,
совесть, долг, красота, пытаясь возвысить и пре-
ставить земляков о ценности жизни и собствен-
ном предназначении и в ней.

человеческой истории было знание: «Без знания нет богатой страны, без знания нет свободной страны, без знания нет счастливой страны!». Поэтому одно из первых мест среди неотложных реформ в Сибири занимает «потребность в более совершенном образовании народа и развитии его духовных сил». И первый университет Сибири, где будут обучаться молодые люди всех национальностей края, «... станет новой золотой цепью, соединяющей Азию с Европой, вводящей целый континент в дружную и братскую мировую жизнь народов».³

Молодой научной и творческой интеллигенции многонациональной Сибири предстоит включиться во все сферы народной жизни. Из них область духовной, нравственной жизни народа — важнейшая. Пробуждение «гения народа», этого «богатыря с завязанными глазами», его воспитание как народа цивилизованного — задача науки, литературы, журналистики, периодической печати, искусства всех видов. Исторический оптимизм Ядринцева и здесь питался его нерушимой верой в народ: «Что сделал бы этот народ, если бы ему дали образование?». Имена Словцова, Менделеева, Ремизова, Сурикова, Щапова, Шашкова, Банзарова, Валиханова и других выдающихся деятелей науки и искусства были для Ядринцева неопровержимым свидетельством того, что сибирское общество может преодолеть свою отсталость и в общей культуре, внести свою лепту в общечеловеческий прогресс. Сибирь ждет свободы и света! «Не пора ли, наконец, дать свет этому краю?»

Вот почему он так горячо ратовал за всестороннее научное изучение необозримого и еще существующего неоткрытого края, считая, что «интерес к науке, пробуждающийся в обществе, есть первый признак сознательно-культурной жизни». Многочисленные музеи Сибири не только станут центрами научной жизни, но и объединят людей, приблизят их к высшим духовным ценностям, возвысят нравственно, откроют цели жизни, выходящие за пределы обыденности. В то же время: «Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс».⁴ Сибирская литература, являясь неотъемлемой частью литературы общерусской, но имеющая свой неповторимый сибирский колорит, выразит в эпических словесных полотнах историю края, жизнь его народа, «инородческих царств», его могучую, первозданную и прекрасную природу, — образ «спящей красавицы» — Сибири. «Нет! У нас должен быть поэт!». Сибирская литература может и должна стоять на уровне высших отечественных и мировых образцов! Такая литература и станет не только высокохудожественным отражением настоящего, она явится разумом общества, его «светильником», несущим духовность, пробуждающим мысль, высокие идеалы, способные преобразовать действительность.

И верил: сибиряки могут создать такую литературу, стоит им только, как Антеям, прикоснуться к родной почве, услышать ее зов, почувствовать ее мощь и творить, преображая своим творчеством духовный мир человека и общества в целом.

С высот достижений отечественной и мировой культуры Ядринцев смотрел и на задачи местной периодики, журналистики. Для него печатное слово — святая, а журналистика — высокая и благородная область деятельности. В статьях «Судьба печатного станка на Востоке», «Мысли о провинциальной печати», очерке «Жизнь первого журналиста» и многих других произведениях Ядринцев писал о том, какую огромную роль сыграло печатное слово в становлении мировой культуры. Это сила также преобразующая: «Дух и идея — вот что делает печатный станок

силою». Местная печать, в отличие от столичной, призвана ставить и содействовать решению бесчисленных проблем народной жизни в провинции прежде всего, связывая их при этом с интересами общегосударственными и более того — с «высочайшими интересами человечества — вот воспитательное значение провинциальной литературы».⁵

Особое значение в духовном преобразовании сибирского общества Ядринцев придавал чувству патриотизма, исключая из него национальную рознь — так, чтобы «любовь к отечеству была бы в гармонии к человечеству, не была бы враждебна к другим национальностям и не служила бы им во вред», — читаем в статье «Любовь к родине как главный деятель культурной и общественной жизни». Гражданин — патриот — деятель. Таким хотел видеть Ядринцев каждого сибиряка, где бы он ни жил. В очерке «В чужих землях» встречаем как будто высеченную резцом мысль: «Любить свой народ, свое племя, свое общество — значит, верить в его лучшее призвание и стремиться осуществить в своем месте общечеловеческий идеал».⁶

Публицист ставил, казалось бы, традиционные для философии, общественной мысли, искусства проблемы, к которым на протяжении столетий обращались деятели всех народов. Однако важно учитывать, кто, когда и как ставил эти проблемы. Какое влияние они оказывали на современность, на человека, на общество и, наконец, на все человечество. Непреходящее значение наследия Николая Михайловича состоит в том, что он ставил «вечные» проблемы бытия в необозримом регионе — полиэтнографическом, поликонфессиональном, в годы, когда идея его возрождения еще не проникла в самые глубины народной жизни и общественное сознание в целом.

Этот регион нуждался во внутреннем единстве, в великой объединяющей идее, тем более, что национальные отношения в нем складывались далеко не всегда гармонично. Пробуждению Сибири деятельно и вдохновенно содействовал наш «сибирский Герцен». Патриотизм самого Н. М. Ядринцева всеобъемлющ в том смысле, что он освещает, питает, одухотворяет каждую мысль, каждое слово, дело этого выдающегося человека и служит образцом служения своей родине, увиденной им во всемирно-исторических масштабах.

Одним из высших философско-этических идеалов Ядринцева была гармония человека с природой. В Сибири — «золотом дне» для метрополии, хищнической буржуазии, приезжих «цивилизаторов» и «ташкентцев» — эта гармония была грубо нарушена.

Признаки экологической катастрофы Ядринцев наблюдал сам, он объездил и исходил родную землю вдоль и поперек — от Урала до Тихого океана.

Свое восхищение первозданной и прекрасной природой родины он выразил в многочисленных художественно-словесных полотнах, блестящих богатством и яркостью красок. Но он видел, как эта редкостная природа гибла на глазах: на сотни верст выгорали ценнейшие леса и тайга — легкие всей планеты. Высыхали реки и озера. Вымирал животный и растительный мир, истреблялись, вывозились другие ценнейшие дары природы. И ученый-естествоиспытатель, публицист спрашивал: кто же мы, сибиряки? Как государство, все общество, каждый человек, наконец, распорядились несметными дарами сибирской природы? Ответ был однозначным: безответственно, преступно. При таком положении дел Сибирь будет

³ По поводу значения университета в Сибири. «Камско-Волжская газета», 1873, N128.

⁴ Сибирь перед судом русской литературы, «ЛНС», т. 4. С. 27.

⁵ Из письма к Г. Н. Потанину. 1873 г. Из бумаг сибирского патриота. «Восточное обозрение», 1902, N188.

⁶ В чужих краях. «Восточное обозрение», 1905, N238.

Редакция газеты «Восточное обозрение». Снимок 90-х годов XIX века, Иркутск. Слева направо: М. Л. Писарев, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, А. П. Нестеров.

КУЛЬТУРА — ЭТО НЕЧТО ВЫСШЕЕ, ОСТАЮЩЕЕСЯ В ГЛУБИНАХ ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ. ЭТО ТВОРЧЕСКИЙ ДУХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ.

неминуемо разорена и опустошена. Много суровых, гневных слов сказал своим землякам Ядринцев по этому поводу.

Природа — достояние общегосударственное, общенародное, она принадлежит и грядущим поколениям. Природа — не только «сырьевые ресурсы». Она пробуждает в человеке извечное чувство любви, привязанности к месту рождения и таким образом воспитывает его гражданственность, стремление служить своему краю. Природа — неисчерпаемый источник вдохновения, творчества, возвышающих и облагораживающих человека. Из кричащих противоречий жизни она возвращает человека в мир прекрасного, гармоничного, совершенного. Это — этически-культурологический аспект экологической проблемы, крайне тревожный уже тогда, в условиях отсталой окраины России, а тем более сегодня, когда природные ресурсы Сибири штурмует вся техническая мощь современности.

В строительстве новой Сибири Ядринцев закономерно опирался на достижения культур Востока и Запада. В 1885-1893 гг. ученый посетил Германию, Англию, Францию, Италию, Швейцарию, Финляндию, Америку, Монголию. Впечатления от этих поездок отразились в многочисленных путевых очерках, статьях и задуманных книгах. Особенно полно в очерках «Письма сибиряка из Европы», «По чужим и родным полям», «В чужих краях», «В Америку на Всемирную выставку в Чикаго» и других произведениях.

Сибирь он носил в себе и все, что видел, сравнивал с родиной, размышлял о ней, об ее месте в мире. «Житель тайги», «азиат», как называл себя Николай Михайлович, был восхищен многими западными «дивами и красотами». Но поразило главное: цивилизация и культура. Цивилизация, понятая как высокий уровень материального благосостояния, устойчивых традиций общественных отношений, созданных трудом, талантом многих народов: «Здесь Европа стоит в настоящую минуту на недостижимой высоте». Культура — понятие универсальное, всеобъемлющее, включающее в себя и цивилизацию, которая может изменяться.

Культура — это нечто высшее, остающееся в глубинах жизни и человеческого сознания. Это творческий Дух деятельности людей.

Поэтому Европа для «сибирского странника» прежде всего — колоссальный храм Духовности, пантеон гениев и учителей человечества, творивших великие произведения искусства, литературы; проповедников идей мира, свободы, брат-

ства, прогресса, добра, красоты. Урок состоял в одном: «Здесь цветущий мир, а у нас еще пустыня, и нам предстоит огромная работа».

Но для Ядринцева чрезвычайно важным был и другой вопрос: как взаимодействуют европейская и азиатская культуры, следы которой ученый находил как в этнических особенностях европейского населения, так и способах земледелия, мореплавания, произведения искусства восточных культур, «где лежало начало всего». И приходил к выводу: азиатской культуре еще предстоит сказать свое слово в будущем, она возродится и займет свое место в культуре всемирной. Вывод непосредственно касался и Сибири. Возникал вопрос: станет ли она когда-нибудь такими же центром международного духовного общения, каким в то время являлась Европа?

Азия притягивала Н. М. Ядринцева неотрапимо. Именно там ему суждено было совершить открытие мирового значения: он первым в науке установил местонахождение древней столицы Монгольской Империи — Кара-Корума. Так разрешилась загадка, вокруг которой шли научные споры на протяжении нескольких столетий.

Вместе с тем в статьях «Идея мира в верованиях древних народов Азии», «Россия и Азия», «Угрожает ли Европе буддизм?» и других ученый приходил к выводу, что в верованиях, сказаниях, психологии восточных народов, на которые европейцы смотрели как на силы воинственные и разрушительные, были, напротив, сильны идеи мира, протест против войн и вражды. Мифы восточных народов Ядринцев аранжировал в одном из самых крупных и ярких произведений — очерках «Падшие царства и исчезнувшие народы», идейная и эстетическая ценность которых понимается только при непосредственном чтении этих шедевров.

Таким образом, азиатская культура, как и европейская становилась для Ядринцева в лучших ее образцах одним из краеугольных камней в строительстве цивилизованной Сибири. Тем более, что она генетически была близка аборигенам края, способным воспринимать высокие достижения культуры сопредельных восточных стран.

Но ведь и в самой Сибири, в положительных традициях народной среды, как русской, так и «инородческой», были свои несомненные ценности. Открыть их, заглянуть в сокровища пракультуры, древние письмена, памятники архитектуры, этнические традиции, фольклор — и откроются богатства, способные поразить воображение.

Ученый развивает эту мысль в статьях «Первобытная музыка в связи с историей музыкальной культуры», «Физическое воспитание детей у разных народов в связи с историей культуры», в научно-художественном труде «Алтай и его инородческое царство». Он обнаружил в первобытной культуре «инородцев» здоровые нравственно-духовные ценности, которые, бесспорно, сохраняли свое непреходящее значение и должны были лечь в основу строительства культуры в Сибири.

Та же мысль выражалась и в связи с исследованием культурных традиций русского населения Сибири. Сохранить, сберечь их, обогащая более высоким духовным опытом Востока и Запада, — вот он, устойчивый фундамент для строительства культуры будущего при условии мирного и братского сосуществования и взаимодействия всех народов Сибири. Культура — через мир, мир — через культуру! Только так поднимется вся Сибирь — Евразия — и войдет в общечеловеческую цивилизацию, в общую эволюцию рода человеческого.

Последняя поездка Ядринцева в США произвела сильное впечатление уровнем материальной культуры, промышленностью, техникой, достигнутым здесь в кратчайшие исторические сроки. Высоко оценил автор книги «Сибирь как колония» и энергию, трудолюбие американцев — истинное богатство страны. Гражданские свободы, свобода слова, печати — это были нужные, полезные «уроки».

Однако технократический характер американской цивилизации, власть денег, корпораций, банков, черты расизма, колониализма, прагматизм людей — весь этот социальный дарвинизм оттолкнул Н. М. Ядринцева. В американском обществе ему не доставало духовности, гуманности, высших человеческих идеалов. Нет! В Сибири должна быть создана цивилизация и культура более высокого типа. Только — когда?..

Сибирь — Европа — Азия — Америка — Сибирь. В этот гигантский круг, опоясывающий весь земной шар, Николай Михайлович Ядринцев вписал свою родину и судьбы ее народов. И только в таком планетарном измерении можно понять феноменальность личности «сибирского Герцена» и непреходящее значение его наследия в целом.

Феномен Ядринцева многогранен: в 30-летнем самоотверженном, подвижническом служении родной земле, которой он отдал свою редкую и разностороннюю одаренность как энциклопедист-просветитель, ученый, публицист, журналист, художник слова, литературный критик, поэт. В пламенном горении, святости, бескорыстности его патриотизма, исключительные масштабы которого понимали уже наиболее чуткие и вдумчивые современники — Острогорский, Михайловский, Потанин, Попов и другие. Среди них Ядринцев был идеологом и лидером самого крупного общественного движения в Сибири 60-80-х гг. XIX в. — сибирского областничества, сыгравшего большую роль в истории и культуре нашего края.

«Идея управляет — чувство двигает», — говорил Ядринцев. В этом афоризме выразился он сам. А также — в бессмертии многих идей наследия, которые предстоит осмысливать и воплощать в жизнь еще не одному поколению сибиряков и всех россиян. В жизнеутверждении, в горячем призыве к неустанному преобразованию жизни, в протесте против апатии, равнодушия и бездельности. В гуманизме, в идее братства народов, протесте против войн и вражды. В неиссякаемой вере в будущее, в многонациональный народ Сибири. В неустанном ратовании за просвещение сибирского населения, за его духовность и общую культуру, за рост его сознания и самосознания как части России и всего человечества.

По мысли Ядринцева, человек «...есть часть целого, атом, или клеточка огромного социального организма, как ум, живущий мировую жизнью, он есть часть целого; как человек идеи, как идея он бессмертен и останется в человечестве». Вот почему, чтобы встретить неизбежный конец спокойно и найти утешение в жизни будущего, куда и его часть будет вложена, «... человек должен отдать все силы души, весь труд свой, всю любовь свою человечеству».⁷

Идеи, которым служил человек, именно высокие общечеловеческие идеи, по мысли Ядринцева, бессмертны. Такой идеей он считал и возрождение своей родины — континента будущего, где человечество в своей эволюции найдет плодотворную почву. Обращаясь к будущим поколениям, Ядринцев выражал непреходящее значение мысли о расцвете Сибири:

*«Мысль передам своему потомку,
Верю, взойдет она вновь.
Но передам ли горячее сердце?
Как передам я любовь?»*

Вот только над чем человек может задуматься? Он верил, что по вечным законам Духа, во времени, протяженном до бесконечности, останутся следы горячего труда, глубоких дум, неистребимой веры, «связывающих в одно мировое существование прошлое и будущее».

Обращение к наследию Николая Михайловича Ядринцева восстанавливает нашу историческую память, служит жизнеутверждающим источником обновления в настоящем и временах грядущих. □

О Т А В Т О Р А

Занимаясь в течение многих лет исследованием творчества Н. М. Ядринцева, я с особой признательностью встретила намерения нового (и долгожданного) журнала «Культура Сибири» (1995 г. №1) содействовать восстановлению исторического мышления сибиряков, а также высказывание председателя Совета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» Л. К. Полежаева о том, что истинная цивилизованность — «это прежде всего глубокое знание истории собственного народа, его культуры, традиций и роли в общемировой культуре». А начать, по моему, нужно с того, что безотлагательно восстановить прерванную связь времен в преемственности общественной мысли Сибири путем издания трудов ее выдающихся представителей уровня Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Ч. Ч. Валиханова, А. П. Щапова и других. Причем издать тиражом, вполне достаточным для удовлетворения общественного спроса, в том числе для обеспечения учебного процесса в сибирских школах, техникумах и вузах. Поэтому, пользуясь случаем, **прошу внести предложение через журнал в разрабатываемую Федеральную программу «Сибирь» предусмотреть в подпрограмме «Культура Сибири» развитие издательского дела, а в нем прежде всего — издание трудов классиков общественной мысли Сибири.**

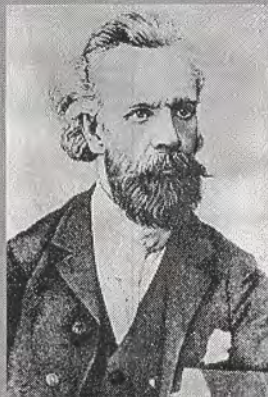
Кандидат филологических наук А. Г. Кандеева

Николай Ядринцев

Падшие царства и исчезнувшие народы (фрагмент)

ХАНША

Николай Михайлович Ядринцев

Мы стояли на берегу Орхона в версте от развалин Хороболгосуна — предполагаемого Корокорума. Вдали чернели валы и загадочная башня разрушенного дворца. Посещенные нами только что развалины огромного города (до 14 верст в окружности), разные памятники, гранитные обломки, все это, неожиданно представшее перед глазами, наполняло ум и вооб-

ражение целым рядом мыслей и картин из прошлого. Эта долина оглашалась когда-то ржанием боевых коней, воинственными криками, пестрелой всадниками; теперь она была безмолвна. Кругом стояли кое-где юрты, да бродили пастухи. Убога и жалка была теперь обстановка монгола-кочевника.

Была бурная и дождливая ночь, когда мы сидели в юрте, наполненной дымом и толпившимися около нас мокрыми ягнятами, которых, жалостливые к овцам, монголы впустили в юрту. Кругом было грязно, неприветно; хозяева — монгол и монголка — смотрели угрюмо, но вот согрели чай и угостили хозяев. Огонек вспыхнул веселее и мокрые бараны спокойно улеглись в стороне. Я старался вызвать хозяев на откровенность и выпытать какую-либо легенду о развалинах. Но это было весьма трудно. Хозяин монгол был молчалив и угрюм. Жена монгола была словоохотливее. Она говорила, что во дворце жил когда-то большой хан, много воевавший и составивший себе славу; там, за горой, в долине жила его любимая ханша — Тойтен; она была красавица и привезена откуда-то издалека, иного облика и иной веры, чем монголы; ей завидовали другие жены, и хан ее отделил от них. Она была добрая и покровительствовала пленным; сам хан слушал ее и отдыхал в ее замке после неприятностей. Когда она умерла еще молодая, все благословляли ее, а хан велел сделать большую насыпь на том месте, где был ее дворец. Эта могила и теперь цела; там много цветной красивой черепицы, которая украшала ее жилище, — прибавила рассказчица.

Давно замолкла монголка, давно потух огонь, с тревожным шорохом иногда вскакивали ягнята от шума бури. Только расхолодившийся Орхон кипел и волновался. А мне грезился в эту ночь отошедший в вечность мир монголов и ужасы войны, которые сменяли оргии в дворцах и лагерях; сюда везли награбленные сокровища, тысячи пленников и рабов сгонялись сюда, толпы теней и жертв наполняли, кажется, сегодня стопами орхонскую долину. И вдруг на этом темном фоне выступил какой-то светлый образ несчастной женщины, который был в этом прошлом странным контрастом, сияя кротостью среди ужасов и войн.

На другой день я ехал к могиле ханши! Вот долина и путь по ней от города к дворцу царицы. Степь ровная и конь по ней бежит спокойно и бойко. Так когда-то хан, вероятно, спешил этой дорогой к своей любимице. Вот холм, где расположен был ее дворец, а у подошвы тянутся озера, обильные дичью. Здесь, конечно, хан тешился охотой, а затем приезжал на отдых к ханше. Там на холме, меж гор, открывалась обшир-

ная перспектива всей долины, где виднелся дальний замок столицы, а по другую сторону тонули в синеве вершины дальних гор. Вот и мопла — холм, забросанный камнями и давно заросший травой. Кругом — остатки каких-то зданий и легких, подобно бельведерам или беседкам, строений, где видны еще следы колоннад. Кой-где стояли гранитные столбы, как украшения здания, кругом валялась черепица и изразцы со следами нежной глазури; они украшали крышу и капители летних зданий. Здесь можно было видеть еще след роскоши и незнакомого монголам вкуса, как будто чья-то посторонняя фантазия, чей-то тонкий вкус хотел здесь, среди бесплодной долины и суровых гор, создать хоть тень, подобие изящества и красоты. Безмолвная, спокойная могила хранила теперь здесь тайну погибшей жизни. Скажи, кто ты была, несчастная царица? Какой цветок был занесен сюда? Кто окружал тебя? Как ты страдала здесь и как увяла? Раскроешь ли все это, печальная могила?... А между тем, вечерний закат догорал и осветил последним пламенем и горы, и озера, и долину. Припомнил я теперь предание и вдруг понял все: мне стала ясна история несчастной ханши, и сразу картины за картинами из этой драмы нарисовались передо мной.

1. ОСАДА ГОРОДА

Я вижу, как вторгнувшееся войско монголов, оставляя за собою кровавый след и зарево пожаров, стремясь на запад, в Туркестан, к владениям сельджуков, осаждает какой-то город, богатую столицу тюрков. Давно шла осада; истощены жители, а жажда мести и гнев у монголов все больше разгорался. Воинственный потомок Чингиз-хана достойно довершал здесь подвиги отца. Наконец, монгольский полководец повел войска на приступ, вот подвезли катапульты, пустили тучи стрел из крепости, ломаются ворота, и победители вторгнулись в город. Их охватила ярость. Полгорода горит, по улицам идет кровавая резня, пощады нет ни бросившим оружие, ни дряхлым, ни женщинам, ни детям. Повсюду стоит вопль. Воины влекут добычу и гонят трепещущих пленников рядом с отбитым скотом. За городом на возвышении ставки хана. Сюда несут добычу, золото, сосуды, ткани и складывают в груды. Хан делает распоряжение, какие сокровища отправить в его дворец в казенные сокровищницы, а все остальное приказывает разделить войскам и подчиненным. И вот, среди хаоса в этот лагерь влечет татарин пленницу, в шелковой одежде с разорванной нитью жемчуга на шее, и в золотых украшениях, как бы свидетельствах ее знатного происхождения. Она, как видно, заслужила особое внимание красотой и юностью, на вид ей 14 лет, пышные косы ее разметались, большие глаза испуганно озираются кругом, и в них отражается ужас и страх. Ее отец, начальник города, был убит в грозной битве, убит был брат, мать и сестра пред нею зарезаны, и только ее, как самую красивую из пленниц, татарин-воин решил взять в добычу. Она пробует сопротивляться, но могучая и сильная рука воина влечет ее. Возможно ли сопротивление тому, кто в си-

лах тащить на чембуре строптивого коня, а не только девушку.

Татарин с пленницей устатки хана покорно ждет одобренья, ждет очереди, когда великий их монарх удостоит его взором. Между тем хан обводит рассеянным и гордым взглядом толпу людей, животных и сокровищ, поверженных к его ногам. Скользнул мгновенно его взгляд, едва остановившись на пленнице, и также перешел поспешно к другим сокровищам. Ее он оценил, как дорогой сосуд, как ожерелье в самоцветных камнях и знаком приказал отвести ее к своим сокровищам, а того — кто доставил эту добычу — он даже не удостоил взглядом. И моментально пленницу отвели за лагерь, где толпилось множество женщин, сопровождавших армию.

«Сибирский сборник». 1891, №1

На стр. 50, 51 — рисунки Сергея Варбунова

Развалины дворца и могила ханши находится в 15 вер. от Хоробологусуна над озером Тойтен-Цагон-Нор.

Иван Петров

К Я Х Т А

*Опять меня забросил рок
К тебе, заглохший городок.
И вновь с толпой воспоминаний,
Как встарь, вечернею порой
Брожу по улицам...
Как все в тебе переменялось!*
«Воспоминания о Кяхте».

Давно и верно замечено, что города, как люди, — у каждого своя судьба. В этом смысле особенно наглядна история Кяхты. Вот уж поистине судьба, не схожая ни с каким другим городом страны. «Песчаная Венеция», «Чайная столица», «Забалуй городок» — как только ее не называли в прошлом! И для этого было более чем достаточно оснований. Маленькая окраинная Кяхта имела такие обширные зарубежные связи, какие не снились многим даже и крупнейшим городам России. А сколько замечательных имен с ней связано с самых первых дней существования.

Начать хотя бы с того, что основателем Кяхты был широко известный в нашей истории и литературе Савва Лукич Владиславич-Рагузинский. Тот самый иллирийский граф, дипломат и коммерсант Рагузинский, который в 1706 г. привез из Турции мальчика-арапченка, ставшего в последствии видным русским инженером-фортификатором, крестником и любимцем царя Петра Великого. Впрочем Абрам Петрович Ганнибал более известен у нас как прадед великого А. С. Пушкина.

Спустя двадцать два года судьбе угодно было, чтобы они — Рагузинский и Ганнибал встретились вновь, на этот раз на далекой монгольской границе. Произошло это в год основания Кяхты. Первый из них был в роли полномочного посла России, прибывшего на восточную окранию для разграничения здешней территории с представителями Китая, а второй — в роли опального инженера, присланного, а вернее сказать, посланного для строительства Селенгинской крепости.

Это было время, когда начавшееся хозяйственное освоение сибирских пространств все более и все настойчивее вызывало стремление России завязать здесь дружественные отношения с пограничными государствами, установить с ними дипломатические отношения, наладить торговый обмен, чтобы жить в мире и согласии, как надлежит добрым соседям.

Пожалуй, никто ранее в России не вглядывался так внимательно в сторону востока, как Петр I. Его интересовало здесь все: и полезные ископаемые сибирских недр, и тихоокеанское побережье, и соседи. Прорубая «окно в Европу», он снаряжал экспедицию геодезистов И. Евреинова и Ф. Лукина, а затем и экспедицию В. Беринга и А. Чирикова для исследования и описания восточных морских границ. Много сил и внимания он уделял также налаживанию торговли с Китаем. С 1689 по 1725 г.г. им было направлено в эту страну одиннадцать торговых караванов. В это время существовала даже «Русско-Китайская торговая компания», организованная по его личному указу.

Дело, начатое Петром I, продолжалось и после его смерти. Однако успешному развитию взаимовыгодной торговли мешали неурядицы в пограничных делах, так как граница с Китаем в Забайкалье была не размежевана. Эта неопределенность в пограничных вопросах продолжалась, пока сюда не был послан с чрезвычайными полномочиями из Петербурга состоявший на русской службе упомянутый Савва Владиславич-Рагузинский.

Переговоры с китайцами велись вначале на границе, потом в Пекине, затем снова на русско-китайской границе и благополучно закончились

в августе 1727 г. подписанием Буринского (на реке Буре), а затем и Кяхтинского (на Кяхтинке) в октябре того же года договоров.

В результате все спорные вопросы были успешно разрешены, граница согласована, подтверждено обоюдное стремление наладить и углубить постоянные торговые отношения.

Тут надо упомянуть еще об одной исторической личности, знакомой многим сибирякам, в особенности жителям Прииртышья — об Иване Дмитриевиче Бухольце — основателе Омска. Как известно, после неудачного похода на поиски «яркетского золота» он, на обратном пути, заложил в устье Оми Омскую крепость и, будучи вызванным в Петербург, держал отчет перед Сенатом о причинах неудачи похода. Оправданный по всем статьям, он был назначен комендантом Нарвы, а затем командиром Якутского полка и одновременно комендантом Селенгинской крепости в Забайкалье.

С приездом Саввы Рагузинского Бухольц поступил в его непосредственное подчинение. А уезжая, Рагузинский оставил «Инструкцию», в которой говорилось: «Дана по Указу Его Императорского Величества из походной канцелярии китайской экспедиции Благородному полковнику Ивану Дмитриевичу Бухольцу... Быть тебе при границах Генеральным пограничным управлением... и по своему благоразумию, подданнейшей верности всю силу ума своего прилагать и труды свои простирать во исполнение ниже писанных пунктов» (всего их было 30).

Тут же были указаны и пограничные пункты, через которые предлагалось осуществлять торговые сношения. Ими были избраны Кяхта и Цурухайту. Слобода Цурухайтуйская строилась медленно. Место там оказалось неудобное, малонаселенное, так что особого развития она не получила. Иная судьба выпала Кяхте.

Место для последней выбирали сам Владиславич-Рагузинский и И. Д. Бухольц. Она была заложена на реке Кяхтинке, недалеко от Селенгинска — административного центра провинции. Строительство поручалось капитану Княгинкину с 350 солдатами Якутского полка (которыми командовал Бухольц) и 30 удинскими казаками.

Не прошло и года, а И. Д. Бухольц уже доносил в Коллегию иностранных дел о том, что торг в Кяхте открыт, и первые гости, как с той, так и с другой стороны уже посетили гостинный двор.

В 1728 г. для защиты торговой слободы в четырех верстах к северо-западу началось строительство крепости. Она была заложена в Троицин день по приказу все того же Саввы Рагузинского, отчето и получила наименование Троицкосавск. Жизнь Кяхты и соседней крепости с первых дней своего существования были настолько тесно связаны водоедино, что порою вообще невозможно ее разделить. Троицкосавск, возведенный для защиты торговой слободы, всецело жил интересами последней, и потому, как топоним, очень часто растворялся в Кяхте, куда более известной не только в России, но и далеко за пределами. Позднее он вообще исчез с географической карты, хотя по населению всегда был больше своей знаменитой соседки.

Итак, Кяхта очень быстро приобрела широкую известность, чему главным образом способствовало то обстоятельство, что она была заложена на старом караванном пути.

Чем же она торговала? Из Китая в Россию шли шелковые и иные ткани — знаменитые китайки, даба, бархат, а также шелк-сырец, сахар-песок,

сахар-леденец и многие другие товары. Главную же статью кутайской торговли с Россией, однако, составляли не они, а чай — разные его сорта: байховый и кирпичный, черный и зеленый. Караваны тяжело навьюченных верблюдов доставляли его сюда через всю Монголию и пустыню Гоби, через Пекин и Тяньцзинь из районов Ханькоу и Шанхая.

Из России в Китай везли главным образом сибирские меха — соболей, куниц, горностаев, а также металлические, кожаные, суконные и мануфактурные изделия, пользовавшиеся на востоке большим спросом. Шли десятилетия, кяхтинская торговля расширялась все более. К началу XIX в. она играла уже довольно заметную роль в стране, втягивая в свою орбиту не только новые торговые фирмы, но и многие промышленные заведения. Еще большую роль Кяхта стала играть к середине века. В это время на нее работало несколько московских и владимирских суконных и хлопчатобумажных фабрик, а также множество сибирских кожаных предприятий.

Изделия из кожи поставлялись в Кяхту не только для продажи их китайцам, но и русским купцам в качестве тары для скупаемых ими чайных грузов. Для сохранения ароматических веществ чая его принято было перевозить в кожаных мешках. На сортировке и упаковке чаев (так называемой шировке) в Китае были заняты многие сотни рабочих. Здесь существовали целые артели по приемке караванов, их разгрузке, перевеске чаев и первичной их переработке.

О месте кяхтинской торговли в общем товарообороте России с Востоком говорит тот факт, что шестьдесят семь процентов всей торговли страны с азиатскими государствами в это время приходилось на Кяхту. Но кяхтинские товарообороты были значительны не только для России. Место Кяхты было заметно и в мировой торговле. Неслучайно К. Маркс упоминает этот город в своей работе «К критике политической экономии». Здесь постоянно находились представители пятидесяти четырех крупных отечественных и зарубежных фирм.

В Кяхте (вместе с Троицкосавском) в начале XIX в. разворачивается каменное строительство. Возводятся купеческие дома, питейные заведения, церкви, соборы, сооружаются большой гостинный двор, торговые ряды, таможня. Отдельные постройки отличались необыкновенной роскошью. Среди них особенно выделялся Троицкий собор, сооруженный в 1817 г. Для его строительства кяхтинские миллионеры пригласили итальянцев (в пику великой северной столице, знай-де наших!). Те приехали и, отхватив изрядный куш, построили в милом их сердцу романском стиле. Южная и северная стороны собора напоминали собой роскошные итальянские палаццо, с вытянутыми полукруглыми узкими окнами, с дорическими колоннами нарядных порталов. Над всем этим великолепием царствовала увенчанная двумя ярусами двоянных полуколонн коринфского ордера и вытянутым шпилем устремленная в небо колокольня.

Местный летописец утверждал, что другого такого храма не было ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке. Внутреннее же убранство его, уверял он, не уступало самым лучшим столичным соборам. Интересной особенностью его было то, что один из куполов был выполнен в форме глобуса (читай: Кяхта — один из центров мировой торговли). К сожалению, ныне собор полуразрушен. В стиле классицизма, со множеством колонн были соору-

жены Воскресенская церковь и гостинный двор, сохранившиеся до наших дней.

Расцвет Кяхты был отмечен не только широкими торговыми связями, а и заметным оживлением общественной жизни, связями города со многими замечательными людьми. Здесь бывал будущий видный декабрист инженер Сибирского округа путей сообщения Г. С. Батеньков, принимавший участие в составлении плана городских построек. Здесь в 1830-1831 г.г. работала русская дипломатическая, торговая и научная экспедиция члена-корреспондента Академии Наук П. Л. Шиллинга и крупнейшего китаеведа Н. Бичурина. Именно здесь П. Л. Шиллингом были выполнены основные работы по изобретению электромагнитного телеграфа.

В число сотрудников этой экспедиции стремился попасть А. С. Пушкин. Но шеф жандармов Бенкендорф отказал ему в просьбе, опасаясь, что великий поэт, оказавшись в Сибири, будет искать встречи со ссыльными декабристами. А сюда и в самом деле неоднократно наезжали сосланные в соседний Селенгинск декабристы — братья Михаил и Николай Бестужевы. Здесь бывали И. И. Горбачевский, С. П. Трубецкой, дочь которого Александра Сергеевна, родившаяся в Сибири, была замужем за кяхтинским градоначальником Р. Н. Ребиндером.

Кяхта была первым городом в Забайкалье, где выходила своя газета «Кяхтинский листок». Один из жителей города миллионер и меценат А. М. Лушников (ученик Н. Бестужева) имел свою типографию, выпускал газету «Байкал», выписывал из Лондона герценовские «Колокол» и «Полярную звезду», открыл картинную галерею. Здесь держали литературный салон будущие известные в стране книгоиздатели Сабашниковы. На кяхтинских литературных вечерах Н. Бестужевым однажды был прочитан в лицах «Ревизор» Гоголя.

Забегая несколько вперед, скажем, что дневник и папка с сочинениями самого Николая Бестужева, умершего в 1855 г., были переданы братом его Михаилом при отъезде своем в Россию в 1867 г. А. М. Лушникову с условием вскрыть ее через пятьдесят лет. Этот срок пришелся на 1917 г. После революции Лушниковых постигла судьба всех богатых людей России. И что стало с теми бумагами и где они находятся сейчас, не знает никто.

Здание бывшей кяхтинской таможни

Вернемся, однако, к судьбе самой Кяхты. Мы видим, что город жил не одними только коммерческими интересами. Но дни расцвета его уже были сочтены...

Первый удар процветанию Кяхты был нанесен открытием Суэцкого канала, благодаря которому морские торговые пути, ведущие из Европы в Китай, стали короче. В результате главный объект торгового обмена — чай — пошел морем. Это оказалось не только быстрее, но и дешевле. Хотя чай, привезенный морем, считался хуже по сравнению с доставленными караванами (морской воздух и сырость, якобы, ухудшали качество и аромат ценного груза), однако такие преимущества, как дешевизна и более скорая доставка заставляли отдавать предпочтение именно этому виду транспортировки.

Разница в стоимости доставки была значительной. Так, например, пуд чая, привезенного морским путем из Шанхая до Нижнего Новгорода через Одессу, обходился двенадцать рублей шестьдесят копеек, а при сухопутной доставке от Ханькоу через Кяхту — по восемнадцать рублей шестьдесят копеек за пуд.

Для кяхтинской торговли наступили трудные времена. Поток грузов резко сократился. Торговые обороты свертывались. Караванами теперь шло только то количество чая, которое требовалось для удовлетворения спроса жителей Восточной Сибири.

Тогда кяхтинские купцы обратились к правительству с просьбой принять меры, которые предотвратили бы их полнейшее разорение. Такие меры правительством были приняты. Они диктовались не столько заботой о благополучии кяхтинских купцов, сколько необходимостью сохранить армию извозчиков, обслуживающих Московско-Сибирский тракт, имевший, как известно, не только торговое, но стратегическое значение. Перевозка до поры обеспечивала их занятость, а когда необходимо было перевозить правительственные грузы, извозчиков всегда можно было легко и просто переключить на них.

Цены на чай, доставленные морем, были подняты до цен караванных. Тем самым положение на некоторое время стабилизировалось. Но не полностью. Морская доставка, благодаря скорости, по-прежнему отвлекала на себя огромное количество чайных грузов.

Окончательный удар кяхтинской торговле был нанесен строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД. Все грузы с востока пошли по Транссибу, минуя Кяхту. Торговая столица Забайкалья захирела окончательно. Как с грустью писал о Кяхте местный поэт:

*Попа золотая миновала,
Как бы в волшебный сон она
Стоит теперь погружена.*

С 1880-х годов Кяхта становится отправным пунктом многих экспедиций в Центральную Азию, Монголию, Китай, Тибет, возглавлявшихся знаменитыми русскими

путешественниками — Н. М. Пржевальским, Г. Н. Потаниным, П. К. Козловым, В. А. Обручевым и другими учеными. Об этих славных делах напоминает в Кяхте памятник Александре Викторовне Потаниной — первой русской женщине-путешественнице, исследовательнице Центральной Азии.

Она была женой и помощником широко известного ученого-путешественника Г. Н. Потанина. Но не только женой и помощником, а и самостоятельным исследователем, автором нескольких ученых трудов. Все свои путешествия они совершали вместе. Разлучила их только смерть Александры Викторовны, последовавшая в 1893 г., во время их четвертой экспедиции. На этот раз они добрались до труднодоступных районов Восточного Тибета. Оба были захвачены работой. Никто и предположить не мог, что сравнительно еще молодая, полная энергии женщина может оказаться парализованной. Случилось это около города Джар-Хуа. Через несколько дней Александра Викторовна скончалась. Григорий Николаевич не захотел хоронить ее на чужбине. Гроб с ее останками был доставлен в Кяхту, где и предан родной земле.

Много интересных материалов содержится в местном краеведческом музее. Там хранится, например, богатейшая коллекция минералов, подаренная городу академиком В. А. Обручевым. Надо отдать должное, кяхтинский музей необыкновенно богат. Содержание его коллекций выходит далеко за рамки местного краеведения. Множество экспонатов привезено сюда из самых неожиданных мест мира. Богатейшая коллекция бабочек, называемая «Порхающие цветы» и занимающая целых три стенда, содержит экземпляры, добытые в Бразилии, Африке, Австралии и на других континентах. Огромная коллекция жуков собрана также из разных стран. Тут можно видеть, например, привезенного из Камеруна жука «Голиафа» величественной толще спичечного коробка. Имеется большая коллекция чаев разных народов и стран.

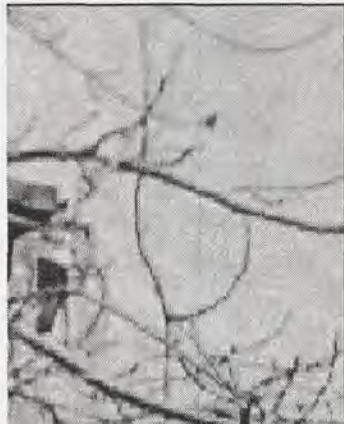
Особое место здесь занимают материалы, посвященные декабристам, в том числе их личные вещи и предметы, как например, бюро и легкий тарантас-сидейка, изготовленные собственноручно М. А. Бестужевым, портреты, писанные его братом Н. А. Бестужевым. Есть тут и портреты С. Л. Владиславича-Рагузинского, Н. Бичурина и многие другие интересные материалы.

Здесь вам расскажут легенду о том, что вместе с Рагузинским и Абрам Петрович Ганнибал ступал на землю Кяхты при ее закладке. Насколько она верна, сказать затруднительно, ибо известно, что прибыв в Селенгинск, он от строительства крепости отказался, пытался бежать, но был перехвачен, арестован и препровожден в Томск.

Сегодня Кяхта — районный центр в составе Республики Бурятия. В городе работают трикотажная фабрика, предприятия пищевой промышленности, комбинат бытового обслуживания, имеется медицинское училище.

Нынешнее поколение кяхтинцев гордится замечательным прошлым своего города, а также тем, что он дал стране основоположника агрономической химии Героя Социалистического Труда академика Д. Н. Прянишникова и Героя Советского Союза космонавта Н. Н. Рукавишников.

Что касается старого торгового духа, то нельзя сказать, что он живет лишь в воспоминаниях старожиллов. Через Кяхту и сегодня ведется межгосударственная торговля с Монголией и Китаем. Здесь, как и раньше, находится большая таможня.

Жена А. В. Потаниной в Кяхте

Ребенок смотрит ЧЕРЕЗ ОБЪЕКТИВ

Н.Ф. Хилько

Исследования интересов и творческих способностей школьников 70-х годов,^{1,2} достаточно убедительно доказали, что художественная фотография и кинематограф занимали значительное место в системе их ориентаций. Различные формы фотолюбительства — фотокружки, фотостудии, фотошколы — имели огромный общественный резонанс в России той поры. Однако в последнее время произошел довольно резкий спад фотолюбительства не только в Сибири, но и по всей стране. По данным Всероссийского фотофестиваля «Юность России-96», сегодня насчитывается лишь 40 фотостудий (около трети из них — в Сибири). Это почти в 2 раза меньше, скажем, чем в начале 80-х годов (Журнал «Советское фото», 1984., N12).

Фотолюбительство, как и другие формы художественного творчества, связанные с материальными затратами, находится сегодня в состоянии кризиса. Значительно снижается интерес подростков и молодежи к творческой фотографии, заменяемой суррогатами массовой культуры и видеопродукции. Уменьшается численность фотобъединений, ослабла их материальная база, решению многих проблем и координации деятельности мешает ведомственная разобщенность и отсутствие научно-методического руководства фотосамодеятельностью на общероссийском и на региональном уровнях.

Вот почему старания энтузиастов, приобщающих молодое поколение к современной визуальной культуре через фотографию, требуют особого внимания и поддержки. Выживающие в столь трудных условиях фотошколы, фотоцентры, фотостудии повышают уровень своей творческой деятельности, активизируют работу по организации фотофестивалей, фотоконкурсов и вернисажей, показывают образцы высокой визуальной одаренности среди детей от 6 до 17 лет. И это движение сегодня находится под угрозой катастрофы. Чрезвычайно опасно затягивается решение таких проблем как своевременная оценка одаренности юных фотохудожников, педагогическая коррекция тематики съемок и выставочных работ фотолюбителей, повышение квалификации руководителей, оставшихся без возможности не только получить высшее образование по фотопедагогике, но и совершенствовать свой профессионализм в системе народного образования или культуры.

Обращает на себя внимание также проблема организации деятельности семейного фотолюбительства и привлечения к организованной деятельности и общению фотолюбителей, самостоятельно реализующих свои художественные пристрастия. Давно назрела необходимость создания собственного музея детского фототворчества — например, на базе музеев искусства или музеев истории образования в Сибири, одному из которых кстати, в 1995 г. была подарена коллекция фотохудожественных работ школы омского фотопедаго-

га Б. В. Чигишева. Немало интересных фототрадиций может оказаться и в Кемерове, где институт культуры подготовил многих мастеров художественной фотографии, а также в Иркутске и в других культурных центрах Сибири. На страницах печати, кроме того, уже не раз поднимался вопрос об открытии в институтах культуры, а также в сибирских педуниверситетах специальных курсов по подготовке руководителей-фотопедагогов.

Любительство в художественной фотографии как массовое явление получило распространение на рубеже 19-20 веков. Это было вызвано обилием дешевой, специально предназначенной для неискушенных в фототехнике аппаратуры. Немало способствовала этому и деятельность первых общественных объединений фотографов-любителей 1890 г., объединения фотопедогогов при Обществе распространения технических знаний (1872 г.), фотографического отдела при Русском техническом обществе, отделения которых были и в Сибири⁴. Выходивший до революции журнал «Светопись» отмечал, что создание общественных организаций значительно способствовало стремлению любителей к объединению творческих сил. Местные сибирские фотографические общества и кружки организовали творческую среду и имели все возможности для активизации деятельности успешно работавших фотохудожников. Уже в этот период проходили бурные дискуссии по различным проблемам художественной фотографии⁵, создавались комиссии по устройству фотоконкурсов, включая международные, решался целый ряд вопросов по изданию фотографических журналов «Вестник фотографического общества», «Фотограф-любитель», организации музея и других.

На занятиях — воспитанники фотостудии «Перспектива» Омской областной станции Юных техников (руководители Г. С. Саркеев и В. П. Ложников).

¹ Исследования художественных интересов школьников М. 1974.

² Роль искусства в развитии способностей школьников. М. Педагогика. 1985. Под ред. Е. К. Чухман.

⁴ Фототворчество России. М. Планета. 1990, с. 6.

⁵ А. В. Луначарский. Фотография и искусство // Советское фото, 1926, N1.

Окончание. Начало подборки «Иркутский ренессанс» на стр. 16

— У нас, в ИРКУТСКЕ!..

(рассказывает Марк СЕРГЕЕВ)

Творческий диапазон этого человека трудно преувеличить: замечательный иркутский поэт (надеемся в одном из номеров «КС» порадовать читателя его стихами), известный прозаик (вспомним о «Жизни и злоключениях Абрама Петрова — арапа Петра Великого»), популярный детский писатель, драматург, киносценарист, глубокий исследователь сибирского периода жизни и деятельности декабристов, историк и

литературовед, один из инициаторов создания первого в России мемориального декабристского комплекса в Иркутске, декабристских музеев в Чите, Селенгинске, Петровск-Забайкальске, а также выпуска в свет уникальной серии книг Восточно-Сибирского книжного издательства «Полярная звезда» — вот лишь неполный обзор его литературных и общественных пристрастий. Но мы сегодня представляем его в необычном жанре — в жанре короткого, почти репортажного сообщения. Таков итог нашей мимолетной встречи в Иркутске. Мимолетной, но уже незабываемой, в чем, надеемся, убедится и читатель.

Итак, о некоторых событиях в культурной жизни Иркутска рассказывает один из создателей ее, Почетный гражданин этого города Марк Давидович СЕРГЕЕВ

ЛЕТОПИСЬ

Вы спрашиваете о книгах по истории Иркутска и области. Но труды по истории — это сама по себе занимательная история. И начинается она, пожалуй, с того, что в прошлом веке в Иркутске жили два местных краеведа — Пежемский и Кротов. Они собирали каждый по-своему летописные материалы и публиковали их на страницах иркутской газеты «Губернские ведомости», а затем довольно большие фрагменты этих публикаций увидели свет в петербургском журнале «Отечественные записки». В 1911 году Русское Географическое общество выпустило эту летопись Иркутска с 1652 года, когда было построено первое зимовье на острове против нашего правого берега Ангары, который назывался тогда Верхоленинским берегом.

А в 1913 году вышла летопись еще одного удивительно-го человека, который всю жизнь посвятил книге. Он не женился, не имел детей, он жил в библиотеке, и редкостные фонды двух наших замечательных библиотек — Иркутской областной и Иркутской научной — созданы этим человеком, Нитом Степановичем Романовым (он скончался в 1942 году). Так вот, первая летопись Пежемского и Кротова была доведена до 1857 года, а летопись Романова — до 1880-го. Но в рукописях у него осталось очень много уже подготовленных материалов, и наша иркутянка, заведующая хранением литературных редкостей научной библиотеки Иркутского университета Надежда Васильевна Куликаускаене представила их в Восточно-Сибирское книжное издательство, которое выпустило в свет продолжение этой летописи по 1921 год.

А сейчас, по инициативе Иркутской городской администрации и мэра нашего города Бориса Александровича Говорина, делается летопись текущая, летопись каждого года. Скажем, летопись за 1995-й уже готова к изданию, на следующий год — за 1996-й — собирается. Один из наших ученых Юрий Петрович Колмаков готовит «Иркутскую летопись XX века».

Таким образом, Иркутск станет единственным городом в стране, который будет иметь свою летопись с момента его первого заселения в 1652 году и по очередной уходящий год. Восточно-Сибирское издательство, кстати, выпустило в свет отдельный том летописных материалов, собранных старожилками Иркутска еще до краеведов Пежемского и Кротова. А сегодня подготовкой к изданию Иркутской летописи занимается группа научных сотрудников и краеведов с участием городской библиотечной системы при городской Администрации. Возглавляет группу профессор-историк Александр Всеволодович Дулов, в состав ее входит и ваш покорный слуга. Мы намерены выдержать все последующие тома в оформительском стиле самых первых изданий, чтобы вся иркутская Летопись представляла собой своеобразную библиотеку.

ГОРОДСКОЙ МУЗЕЙ

Так получается, что в Иркутске скопилось много музеев. Есть прекрасный областной Краеведческий музей, созданный еще при Иркутской гимназии. Во времена Екатерины II он стал городским музеем, то есть по возрасту он следующий после петровской Кунст-камеры. Позднее из него стали выделяться другие музеи, в том числе и расположенный в двух домах Волконских и Трубецких музей декабристов. Это живой, очень привлекательный музей, где встречаются любители отечественной истории, проходят уже традиционные праздники «Вечера у Трубецких» и «В салоне у Волконских». Там бываю театральные действа, ставятся водевиль, музыкальные номера и те самые вокальные вещи, которые пела у себя, скажем, Мария Николаевна Волконская, снова звучат под кровлей ее дома.

Есть в Иркутске музей природы, выделился архитектурно-этнографический музей под открытым небом «Тальцы». Еще в 30-е годы нашего века обособился Художественный музей, возникший на базе личной картинной галереи бывшего городского головы Владимира Платоновича Сукачева, который при отъезде в Петербург подарил ее городу. В фондах нашего Художественного музея — коллекции русского искусства XVIII века, иконы, деревянная церковная скульптура, полотна классиков отечественной живописи — Репина, Левитана, Кипренского, Шишкина, Маковского, да и вообще все русское и советское искусство представлено очень широко. Но, кроме того, в нем есть большие коллекции древней японской гравюры, китайского фарфора и много других удивительных экспонатов.

Однако во всех этих музеях очень мало места отведено самому городу Иркутску. И это естественно, потому что областной музей выполняет другие функции. И вот в прошлом году мэрия Иркутска задумала создание Городского музея. Было выделено помещение, а иркутский Фонд культуры, который я имею честь возглавлять, в свое время создал музей фотографии. Два наших энтузиаста — Иван Козлов и Гарольд Берсенев — собрали огромное количество интереснейших старинных фотографий, фотоаппаратов и прочих фотопринадлежностей и предложили Фонду культуры открыть музей. Мы открыли, а затем одним из отделов только что созданного Городского музея стал этот музей фотографии.

Но когда объявили о создании Городского музея и был определен его научно-общественный совет, а в директоры выдвинут кандидат исторических наук Вадим Петрович Шахеров, то горожане вдруг начали нести в музей свои семейные реликвии. Похоже, что город воспринял музей как средоточие своей овеществленной памяти. Не обошлось и без курьезов. Однажды ребяташки притащили старинное серебряное блюдо, их отправили за родителями, чтобы избежать экспроприации домашних ценностей.

РЕНЕССАНС

Люди передали в музей старые вещи, пластинки, открытки... Один из иркутян И. Петров предложил в него списанные магнитофонные пленки из радиокомитета, поскольку их там негде хранить, и таким образом был создан отдел звукозаписи с уникальными выступлениями людей, которых уже нет в живых.

Художник Сергей Элоян, в свою очередь, вместе с группой других художников придумал очень интересное оформление этого музея. Здание обыкновенное, постройки 50-х годов. Но теперь, когда войдешь в него, такое впечатление, что с улицы вышел на улицу, только на улице былых времен. На входе распахнуты как бы Московские ворота, которые простояли на берегу Ангары с 1811 года. Далее открываются три диорамы, показывающие Иркутск XVII, XVIII и XIX веков в разные времена года с длинными предметами обихода на переднем плане. Составляется галерея портретов Почетных граждан города — не только современных, но и былых времен. Пока, правда, обнаружены не все портреты, однако придуман такой ритуал: в случае восстановления очередного портрета в городе объявляется праздник этого Почетного иркутянина.

Уже сейчас музей вызывает большой интерес населения, потому что люди увидели сами себя в течение времен. Средства на создание музея выделили городская и районные администрации. И, конечно, — горожане. Именно они, буквально за несколько месяцев наполнили экспонатами интереснейший, большой фонд музея. И причем — совершенно бесplatно!

В ТВОРЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

Иркутск — единственный город в России, который регулярно проводит молодежные конференции всех творческих союзов одновременно. Началась эта традиция еще в середине 60-х, когда мне довелось быть секретарем организации Союза писателей Иркутской области (с 1965 по 1979 годы) и когда в литературу вошли такие известные впоследствии писатели как Валентин Распутин, Александр Вампилов, Дмитрий Сергеев, Вячеслав Шугаев, Геннадий Машкин и другие. Творческая молодежь различных специальностей собирается на конференции, где открывается выставка художников, кинематографисты показывают свои фильмы, театралы — свои спектакли, мастера художественной фотографии — свои чудные работы, писатели проводят свой семинар — все вместе.

Чем это хорошо? Идет, скажем, концерт одного стихотворения. А в зале — те, кто фотографирует и кто снимает кино, и кто сочиняет музыку и те, кто поет. Композитор знакомится с поэтом и получается песня, художник — с детским писателем и получается книга, здесь же нередко находят друг друга сценарист, кинорежиссер, композитор и актеры, драматург и театральный режиссер и так далее. А самое главное, по-моему, что в городе и области возникает единая творческая среда, та своеобразная аура, которая духовно и психологически поддерживает таланты. Не случайно ведь все наши творческие союзы — а их в Иркутске девять! — такие дружные между собой. Потому что мастера различных профилей росли и развивались вместе, они все друг для друга — персонажи собственных профессиональных биографий. В таком вот творческом общении встает, как говорится, на крыло и нынешняя молодежь.

КАК ВЫУЧИТЬСЯ НА ПУШКИНА?

ВИркутской области стремятся с детства приобщить население к литературному творчеству. Раз в год Главное управление народного образования (ГУНО) совместно с Союзом писателей проводят фестиваль-семинар пишущих детей. Юные таланты собираются со всех районов области, даже из тех, откуда «только самолетом можно долететь». К тому же семинар проводится всякий раз на новом месте — в самом Иркутске, в Усолье, Ангарске, Железногорске... Участников семинара делим по возрастам. Ребята постарше занимаются с профессиональными писателями, которые владеют навыками общения с детьми и воспитали уже немало начинающих литераторов. Важно ведь очень деликатно оценивать первые опыты творческой души, чтобы не обидеть, не оттолкнуть новичка. И поэтому мы всегда говорим: «Дорогой мой! Если даже из тебя не получится ни Пушкина, ни Льва Толстого, но ты будешь любить литературу, ты сможешь

маме подарить на праздник стихотворение или рассказ, и вообще у тебя разовьется вкус, так слава Богу, все хорошо!» А с малышами — тем более особый разговор. У нас бывают ученики начальной школы, весьма прилично для своего возраста пишущие стихи и прозу.

В итоге такой вот периодической учебы во многих городах и селах области появились местные литературные объединения, которые начали выпускать на компьютерах свои детские книжки. Есть литобъединение в Братске, которое называется «Маленький принц» и выпускает очень аккуратные, красивые книжечки своих маленьких поэтов и прозаиков. То же самое делают в Ангарске, а в Ербогачоне — на границе с Якутией издают и книжечки, и даже небольшой детский журналчик. И это замечательно! Человек увидел свою книжку и тотчас же ощутил свое место в мире, точку приложения своих творческих сил. Разве этого мало? И для юного дарования, и для общества?

ФОНД имени

Александра ВАМПИЛОВА.

В августе 1997 г. исполняется 60 лет со дня рождения и 25 лет со дня трагической гибели драматурга Александра Вампилова.

Иркутск — город его взросления, юношеских и зрелых творческих лет, город, где были написа-

ны его рассказы и очерки. Но театр в пору газетной работы становится первостепенной страстью Вампилова. И потому Иркутск — по праву его духовная и драматургическая родина. Здесь работает драматический театр им. Н. Охлопкова, поставивший в разное время все его пьесы, а спектакль «Старший сын» создавался при жизни автора режиссером Владимиром Симаковским, он шел на сцене на протяжении 13 лет! Уже много лет иркутский театр юного зрителя носит имя великого земляка. В очерке «Прогулки по Кутулицу» (Кутулик — районный центр под Иркутском, родина Вампилова) Александр писал: «Среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьет, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, и значит, каждый может спросить самого себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?... Да, задать себе такой вопрос — не шутка, ответить на него труднее, потому что в этом случае уже надо понимать, что хорошо и что плохо. Но какая сила нужна, чтобы от ответов и вопросов перейти к действию. Какая для этого нужна совесть, какая вера в лучшее, какое чувство справедливости».

Вампилов в своем творчестве исповедовал мечту о духовном братстве людей, утверждение гражданской активности и ответственности человека, беспощадное осуждение бездуховности. Иркутск помнит своего сына, чтит его память. Но все же, наверное, когда именинника любят по-настоящему, о нем вспоминают не только по крутым датам.

И доказательством любви иркутян к своему великому земляку должен стать Фонд имени Александра Вампилова, созданный 31 июля 1996 г. Основными задачами Фонда мы видим создание музея А. Вампилова в Иркутске, организацию и проведение Вампиловских дней, работу режиссерской лаборатории, проведение конкурсов молодых драматургов, оказание методической помощи театрам в работе над вампиловским репертуаром. Наш Фонд должен стать истинным центром популяризации, хранения наследия Вампилова, центром нашей любви к своему великому земляку. □

Председатель правления Фонда им. А. Вампилова
Почетный гражданин Иркутска **Виталий Венгер**

→ ЖУРНАЛ

СИБИРЯЧОК

Это литературно-художественный детский журнал, отмечающий нынче свое пятилетие. Каждый номер его по-своему изобретается редакцией совместно с большой группой художников под началом заслуженного художника России Александра Муравьева. Начиная журнал с того, что мы придумали его постоянных героев. Прежде всего — это сам Сибирячок, маленький мальчик, который родился из огромной, единственной на кедре шишки.

Накануне из города прилетела Ворона, она стащила где-то и прикрепила на кедре объявление «Не стой под грузом!», — для того, чтобы при падении шишки никто из лесных малышей не пострадал. Но все обошлось благополучно: после падения шишки раскрылась, из нее вышел

Сибирячок

Это главный герой, который как бы олицетворяет собой всю Сибирь, ее природу и само сибирское детство. Его окружают верные друзья, но есть и недруги. Скажем, такой браконьер по имени Шито-Крыто-Замазано-Зарыто, который то пытается подстрелить на солонцах оленя, то разорить кладовую бурундука, а Сибирячок и его друзья отважно и находчиво заступаются за лесных жителей.

Второй очень интересный персонаж — боцман Сарма. Сарма — так называется самая сильная буря на Байкале. Капитан, на котором плыли его родители, пристал к острову, чтобы переждать ее. Но тут родился мальчик и сразу перекричал сарму, в честь чего получил это имя, за свой боцманский голос. Ну а теперь он уже взрослый, много плавал, много видел и каждый раз, собирая к себе ребятнишек, рассказывает им

всякие прибаутки. Они имеют морской характер, но с хитростью. В них все перепутано, а в конце задается вопрос: где же правда? Дети, отвечая на него, изучают природу, реки, моря и так далее.

Кроме того, у нас есть леший Кеша — тоже большой хитрец. Он часто перепутывает валенки, которые носит и зимой и летом: левый надевает на правую ногу, правый — на левую. От этого происходит много забавных событий в его жизни. От имени лешего Кешы мы ведем природоведческие материалы. Это рассказы о животных Сибири, об экологических особенностях края. В журнале сотрудничает замечательный ученый, байкаловед, а теперь благодаря «Сибирячку» он стал и детским писателем — Семен Устинов, который так увлекательно рассказывает о животных — о кабарге, медвежонке, лисенке — что дети читают с восторгом эти сочинения, они после «Сибирячка» превратились уже в книжечки.

Есть у нас еще аптекарь Анти-Ох. Ну, почему он Анти-Ох? Потому что лечит любые болезни с помощью шуток и за-

бав. Отгадаешь две загадки — и практически здоров! У него — загадки, шутки, веселые стихи, различного рода путешествия, как и у боцмана Сармы, но уже в мире растений, природы и в мире юмора.

Вот основные действующие лица каждого номера, включая Ворону. Чтобы избежать однообразия, мы всякий раз придумываем что-нибудь новенькое. Например, Волшебный глобус. Достаточно нажать на любую географическую точку на нем, чтобы очутиться в этом месте. Ворона как-то клонула наугад, и наши герои оказались ... в Париже! А там их французская Ворона встречает, всем досаждают языковой барьер, а Вороны свободно общаются на вороньем языке.

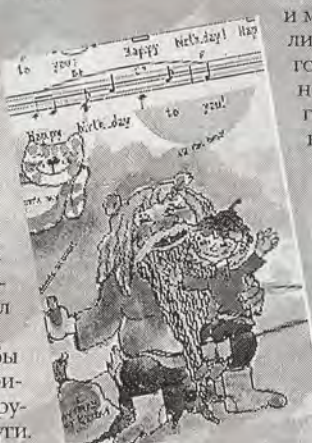
Это путешествие во Францию мы совершили вместе с французским факультетом нашего Института иностранных языков. Номер очень понравился читателям, и мы таким образом уже «побывали» в Англии, Германии, а совсем недавно — в Монголии. Главный редактор журнала Светлана Николаевна Асламова ездила в прошлом году на праздник детей монголоязычных народов. Там собрались ребяташки из Калмыкии, Бурятии, Тувы ну и, конечно, — оказались герои «Сибирячка». Номер, по-моему, очень удался.

Нередко к нам приходит письма от детей: «Сибирячок! Пришли, пожалуйста, куклу Барби»... Я отношусь очень сложно к этой проблеме, наша обыкновенная кукла, по-моему, гораздо душевнее иностранной. Но и она не всегда доступна малышам из-за нынешних цен. Но почему бы не постараться, чтобы дети сами смогли делать для себя и куклы, и прочие забавные вещи?

Так мы стали выпускать игровые номера «Сибирячка» — два из шести номеров в год. Это различные игры на бумажных полях, головоломки, вырезалки, склеивалки, есть даже космодром, который обновляется из номера в номер. И, конечно, — куклы, которых можно смастерить самостоятельно, раскрасить и нарядить как угодно.

Таким образом, у нас журнал непрерывно меняется, в то же время оставаясь самим собой. Контакт с читателями, с детворой у редакции самый непосредственный, живой. Во-первых, это письма, которые идут «Сибирячку» даже из-за границы, из европейской России, не говоря уже о Сибири, а тем более — Иркутской области. Кроме того, сотрудники «Сибирячка» то и дело встречаются с детской аудиторией. А в этом году, к пятилетнему юбилею журнала, мне, как члену редколлегии, посчастливилось написать пьесу «Колыбельная леса, или День рождения Сибирячка». Ее напечатали, и теперь играют в школах. А кукольный театр поставил развлекательный спектакль, сделал разборные декорации, и все лето наши славные персонажи гастролировали по сценическим площадкам лагерей детского отдыха. Так что популярность у журнала пока не падает.

Вы, конечно, спросите, каково финансовое положение журнала? Скажу сразу: он не окупается. И не может окупаться. Это цветной, затейливо иллюстрированный журнал. Гонорары в нем весьма скромные, но с учетом типографских расходов себестоимость экземпляра обходится около 20 тысяч рублей. А продаем мы его в четыре раза дешевле, потому что наши покупатели — дети! Естественно, что основная нагрузка по финансированию приходится на издателя журнала — то есть на Комитет по культуре Администрации Иркутской области, который оказывает журналу всяческую поддержку. И все же главная награда редколлегии, естественно, в том, что когда на общешкольной встрече спрашиваешь: «Кто из вас читает «Сибирячок»?», — в зале дружно взмываются руки.

660017, Иркутск
 ул. Дзержинских Советов, 102
 ДК профсоюз. К. 47.
 Сибирячок.

ВОЗРОЖДЕНИЕ: первый опыт

*Л. А. Сырцова, директор областного
Центра народного творчества и досуга
Комитета по культуре Администрации
Иркутской области.*

В апреле уходящего года в Иркутске состоялась научно-практическая конференция по реализации областной комплексной программы «Возрождение, сохранение и развитие традиционной народной культуры в Иркутской области, 1991-1995 гг.»

Эта конференция не была рядовым явлением в нашей работе и в нашей жизни. Прежде всего, надо сказать, что сама инициатива Комитета по культуре областной Администрации, его председателя В. М. Лапенкова — подготовить и провести такое ответственное мероприятие в масштабах региона в столь нестабильное в экономическом плане время — была не из простых. Более 200 человек участвовало в работе трех секций конференции, подготовлено около 60 выступлений по самым разным направлениям обсуждаемой темы, проведено несколько экскурсий по музеям и памятным историческим местам Иркутска.

Мы же, кроме всего, определяем эту конференцию для себя как значительный этап на пути мучительных поисков обновления, творческого осмысления новых, более эффективных форм культурно-досуговой деятельности, сохранения великого духовного наследия и рационального его использования. Это сегодня, по прошествии уже нескольких лет, мы осмеливаемся говорить о принятой Комитетом программе как документе, надолго определившим приоритеты государственной политики в культурно-досуговой деятельности. А тогда, в начале 90-х годов, мы, как, наверное, и все наши коллеги, может быть, впервые за многие времена задумались над вопросом: если должна быть иная государственная культурная политика, то каким образом стать ее достойными проводниками, как научиться улавливать чувства, настроение людей, их понятия и представления о жизни, чтобы строить свою работу, свою «политику» точно в русле решения проблем соотношения прошлого, настоящего и будущего.

Как-то незаметно, сами собой в нашем обиходе появились такие понятия, как «целевые программы», «комплексные исследования», «изучение проблемы»... Жизнь подвела учреждения культуры и досуга к порогу, за которым уже стоит серьезная наука. Без научных исследований, прогнозирования, глубокого обоснования каждого нового шага двигаться дальше стало невозможно. Мы это поняли и, как бы это порой ни воспринималось в штыки (ведь труднее всего «переломить» себя, свою психологию), сказали науке: «Добро пожаловать!»

НАЧАЛО

Теперь мы уже с улыбкой вспоминаем наши первые научные (социологические, этнографические) исследования, что проводили в районах области собственными силами (1990-91 гг.). Цель их была проста: изучение, выявление реальных интересов и потребностей людей в тех или иных видах досуговой деятельности. Руководил этой новой для нас работой талантливый человек, философ, ставший ведущим научным сотрудником нашего Центра А. И. Уваров (к сожалению, недавно безвременно ушедший из жизни). Сфера культурно-просветительной и досуговой деятельности прежде не была предметом его научных изысканий. Но как ученый он понимал, что уровень развития культуры, науки и образования в целом — это и есть главный показатель тех фундаментальных ценностей, которые всеми путями общество должно сохранить. А народное творчество, промыслы, ремесла, мудрость, старинные обряды, праздники — все это неотъемлемая часть великой культуры любого народа. И уже первые результаты проведенных опросов в поселках, деревнях, селах показывали: реальные интересы и потребности людей в минуту свободного времени склонялись именно к добрым деревенским традициям, к посиделкам, где звучит старинная протяжная песня или душу радует веселая частушка.

Первые исследования... Много с той поры воды утекло. Шаг за шагом — от изучения интересов населения к реорганизации всей клубной системы, от определения уровня квалификации работников учреждений культуры к разработке профессиограмм клубного специалиста, от определения объема и характера деятельности каждого клубного учреждения и его работников к формированию комплексных программ развития культуры района или города, от региональных программ к созданию областной комплексной программы «Возрождение, сохранение и развитие народной традиционной культуры в Иркутской области в 1991-1995 гг.» — таков путь наших поисков, удач и трудностей.

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Надо сказать, что методика разработки этой Областной комплексной программы принципиально отличалась от предыдущих. Она не представляла собой, как это бывало раньше, готовый, исходящий «сверху» и предназначенный к несомнительному исполнению на местах документ. Наоборот, она рождалась из тщательного анализа районных комплексных программ, из предложений с мест по поводу конкретных проектов, их исполнителей и источников финансирования. Это в корне меняло ожидаемый эффект: ведь к реализации предлагались вполне конкретные, глубоко обоснованные и экономически подкрепленные программы.

Перед Комитетом по культуре и областной Центром народного творчества встали совершенно новые задачи по разработке, научно-методическому обеспечению этих программ, по организации практической помощи клубным учреждениям, отделам культуры. Теперь при Центре вполне сформировалась научно-исследовательская группа, с которой сотрудничают фольклористы, социологи, историки. Областной Центр как бы аккумулирует научные силы Иркутска, в том числе коллектива фольклористов кафедры литературы Иркутского пединститута. Экспедиции теперь носят комплексный характер: в них социологи и этнографы ставят перед собой одну задачу — вести планомерные, систематические наблюдения над живым творческим процессом, чтобы предопределять тенденции его развития на будущее.

Надо отметить, что педагогический институт приступил к систематическим исследованиям устного народного творчества Восточной Сибири еще в 60-х годах под руководством известного фольклориста профессора Е. И. Шатиной, а в 80-х они были продолжены ее ученицей Г. В. Афанасьевой-Медведевой. Предистория же их лежит в исследованиях фольклориста, литературоведа, этнографа и историка Сибири М. К. Азадовского.

Одновременно научная деятельность направлялась на разработку совершенно новых решений в определении характера деятельности культурно-досуговых учреждений. Наши рекомендации по изменению структуры клубной системы и пересмотру критериев оценки профессиональных качеств специалистов легли в основу многих районных программ. Так, первым районом, который воспринял рекомендации положительно, был Зиминский — один из тех, где не утрачена полностью традиционная сибирская культура. Совместно с администрацией районный отдел культуры разработал комплексную программу «От истоков — к будущему» (это было в самом начале 90-х годов). Программа была представлена на обсуждение участников областного семинара руководителей городских и районных отделов культуры. Она была принята, утверждена и стала успешно реализовываться. На базе этого района уже несколько лет проводятся стажировки специалистов, ярмарки, праздники. Там открыты и действуют Дома народного творчества, фольклорные, этнографические комнаты, в которых сосредоточен богатый материал по национальной культуре — русской, чувашской, украинской, т. к. в районе компактно проживают люди этих национальностей. Район стал своеобразной лабораторией для учебы работников культуры.

Кстати, многое за это время пришлось перестроить и в процессе учебы кадров клубных работников. От специалистов потребовались новые знания, иные профессиональные качества. Все труднее и труднее стало работать людям безинициативным, слабо подготовленным, нетворческим. Время и новые задачи потребовали специалистов грамотных, способных к творческому труду, а главное — умеющих самостоятельно ориентироваться в возникающих проблемах и находить нужные решения. И такие уже есть. Многие

сегодня уже сами могут организовать у себя исследовательскую работу, активно войти в контакт с населением, четко представляют, что требуется от них для интересной, плодотворной работы.

Тщательный анализ деятельности клубных учреждений, библиотек, музеев показывает, что в их программах все больше находит себе место тема возрождения традиционной культуры. Опыт в организации массовых мероприятий, праздников, обрядов с фольклорной окраской накоплен уже значительный. Однако серьезное опасение вызывает заштампованность этих праздников. «Масленицы», «Троицы» выглядят зачастую одинаково везде, без учета местных особенностей. И новая задача, которую следует решать постоянно и на которую должны быть направлены основные усилия специалистов областного Центра народного творчества, — изучать историю праздника, учитывать местную специфику прежде, чем что-то воссоздавать.

Немало сделано и в сфере сохранения традиционных народных ремесел, художественных промыслов. Выставки прикладного искусства стали заметным явлением в современном культурном процессе в области и районах. Некоторые наши мастера получили признание не только здесь, в Сибири, но и за ее пределами, за рубежом. Однако и в этом направлении мы видим проблемы. Нередко самобытное творчество отходит на второй план, а главным становится копирование известных образцов изделий (дымковских, жостковских и т. п.), хотя рядом живет и работает настоящий мастер, который в своем творчестве несет традиции именно своего края, своей истории.

За последние пять лет нами разработано и издано более 20 методических материалов и рекомендаций: «Как провести социологические исследования?», «В помощь начинающему фольклористу», «Братский эксперимент» и др. С 1993 г. ежеквартально издается «Информационные сборники». Прежде всего пытаемся систематизировать и издавать материалы фольклорных экспедиций. На сегодня в редакционно-издательском отделе создан компьютерный банк данных, в котором накоплен значительный фольклорный материал, заведена научная картотека. Гордостью нашей являются собранные за последние годы видео- и аудиотеки. Там можно найти, просмотреть или прослушать записи сибирских праздников, воспроизведенных старинных обрядов с костюмами, местной кухней, старинными песнями. Это все представляет богатый учебный материал. И что очень важно, пополнение наших фондов ведут с большим интересом молодые специалисты, недавние выпускники учебных заведений. На базе экспедиций создан фольклорный ансамбль «Красная горка», руководит которым также молодой специалист по фольклору А. Харитонов. Много материалов исследователей экспедиций публикуется в серийных сборниках «Фольклор Иркутской области».

ОСМЫСЛИТЬ СОБСТВЕННУЮ СТАРИНУ...

Пять лет прошло с момента принятия Областной комплексной программы. Настало время всесторонне проанализировать все, что накоплено за эти годы в сложном процессе возрождения тради-

ционной народной культуры. И вот в апреле на научно-практическую конференцию собрались историки, этнографы, фольклористы иркутских вузов и школ, работники музеев и библиотек, специалисты культурно-досуговых учреждений, преподаватели и студенты училища культуры, чтобы с разных позиций (от ученых-теоретиков до специалистов-практиков) рассмотреть вопрос о реставрации нашей исторической памяти, о творческих преобразованиях культурных ценностей прошлого. Разговор получился весьма интересным, глубоким (основные материалы конференции вошли в сборник «Традиционная культура земли Иркутской»). В разработанных рекомендациях было отмечено, что принятая Программа надолго определила приоритеты государственной политики на сохранение культурного наследия и традиций народов, населяющих Иркутскую область. А если конкретнее, то реализация Программы позволила объединить усилия и средства различных ведомств и организаций, в основном сохранить существующую сеть учреждений культуры, создать новые типы клубных и библиотечных учреждений, открыть новые музеи, выставочные залы, галереи, этнографические комнаты. Возрос уровень исполнительского мастерства творческих коллективов.

Опыт работы над Программой показывает, что сегодня сформировался совершенно новый подход к организации культурно-досуговой деятельности. И определилось основное направление в работе специалистов областного Центра — возрождение всех жанров народного творчества. Мы провели 15 областных фольклорных фестивалей «Сибирские родники», два детских фольклорных фестиваля, которые способствовали не только увеличению количества творческих коллективов, групп, но и возрождению истинного песенного и хореографического творчества. Сегодня в области плодотворно работают около 100 самодетельных коллективов, удостоенных звания «народных». Из них 9 — национальных.

Уже сформировалось новое поколение профессионалов, относящихся с почтением к основам народной культуры. А это так немало!

И в завершение хотелось бы через журнал «Культура Сибири» обратить внимание на большие возможности, которыми располагает, на наш взгляд, Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» (МАСС) по координации процессов национально-культурного возрождения. *Во-первых, необходимы хотя бы раз в пять лет общесибирские научно-практические конференции по обмену опытом и рассмотрению фундаментальных проблем на эту тему. Во-вторых, весьма полезным оказались бы межрегиональные гастроли лучших сценических коллективов с фольклорно-этнографическим репертуаром, передвижные выставки-распродажи изделий мастеров художественного промысла. И, наконец, почему бы не скооперироваться под кровлей МАСС для решения сугубо материальных проблем? Мы знаем, например, что всем досаждают дефицит сценической обуви. Но ведь можно специализировать на производство ее одну из обувных фабрик по Сибири? Впрочем, диапазон сотрудничества, нам кажется, неисчерпаем...* ☒

А в коврике — тайна!..

В доме жительницы п. Рудногорск Нижнеилимского района З. Л. Потехиной ковры и картины висят сплошным полотном, вызывая ощущение «райского сада», наполненного светом. Техника аппликации, на первый взгляд, чрезвычайно проста. Основа ковра сшита из мешковины размером 3 х 4 м, а дальше вся работа нанесения рисунка производится шерстяной нитью, вручную.

— Рука сама вырабатывает этот стиль шага иглы, при старании получается как будто машинный шов, — рассказывает Зинаида Лукинична.

В этом ковре мастерица отразила изумительное спокойствие природы, единение с фантастическими героями, где никто никому не мешает. А ведь З. Л. Потехина не рисует эскизов, она, как и многие художники, создает произведение «набело».

— Пусть люди видят, — продолжает художница — эти белые, желтые кувшинки, а по берегам — лесных зверюшек. Еще ребяташки верят, что у нас на заливе есть русалка. Когда создавала рисунок ковра, мысленно находилась с Богом. А знаете, что в этом коврике — тайна? Лебеди уносятся по водичке все плохое — порчи, сглаз, все смывается водой, все невзгоды, на душе становится легче... ☒

(Из статьи методиста-исследователя по фольклору ЦНТиД Иркутской области А. А. Харитоновой)
Фото А. Сырцова

РЕБЕНОК СМОТРИТ ЧЕРЕЗ ОБЪЕКТИВ

ла, Томска, Кемерово и Омска экспонировали свои работы в июне 1996 г. на Всероссийской фотовыставке «Юность России — 96» в г. Дзержинске Нижегородской области. Впечатляет подборка работ алтайских фотолюбителей, сочетание юмористических сюжетов («Чертик», «Подсолнечный бой», «Давай, познакомимся», «Алтайский ковбой») с лирическими мотивами в образах родной природы свойственно работам фотостудии Дома юного техника (руководитель — Н. Н. Данилов) и фотостудии «Сюжет» (А. Е. Мосин). Старшие школьники (Халецкая Оксана, Васильева Лариса, Зайкова Аня) уверенно осваивают философскую тематику на снимках «Преданность», «Образ» и др.

Много лет отдает работе с детьми неутомимый энтузиаст-фотолюбитель из Кемерово В. Л. Гулик. Его воспитанники — члены фотостудии «Время» Николай Холодулин и дочь Лена Гулик представили на выставку оригинальные по композиции и динамике снимки «Дружок» и «Купание сямского кота». Заметна серьезная работа авторов над сюжетом, тщательная выверенность деталей, фактуры снимков.

Среди омских фотоколлективов представили свои работы фотостудии «Перспектива» областной станции Юных техников (руководители — С. С. Сарсекеев и В. П. Ложников), городского Дворца творчества и клуба Юных техников Центрального района. Обращают на себя внимание фотосюжеты Славы Прозоровского «Мольба», Ани Мещеряковой «Загадка». Социальная заостренность

Продолжение.
Начало на стр. 55

⁶ А. В. Луначарский.
Собрание сочинений. М.
1968, с. 461.

⁷ Б. В. Чигишев. Этот
прекрасный мир. Омск,
1988.

Ноктюрн

Двадцатые годы внесли в фотолюбительство общественную направленность, усиление тяги к документализму. «Фотография хлынула в иллюстрированные журналы и даже газеты и уже этим неимоверно расширила глаз человеческий, ставший теперь наблюдателем мировой жизни»⁶. Постепенно фотолюбительство получает признание как явление культуры и общественной жизни. На первой Всероссийской выставке фотоискусства, проходившей в 1937 г., в музее изящных искусств им. Пушкина, любители получили самостоятельный раздел, а на отдельном стенде появились снимки юных авторов.

В 60-е годы фотолюбительское движение принимает уже массовый характер. Межлюбные выставки, круговой обмен фотоколлекциями, возрождение традиций фотофестивалей привлекло внимание общественности к детскому фотолюбительству как явлению художественной культуры. Будучи достаточно популярным занятием подростков и юношества 80-х, фототворчество служило богатым источником иллюстраций для газет и журналов и, с другой стороны, средством художественно-эстетического развития подрастающего поколения⁷.

Последнее время в детском фотолюбительстве Сибири явно ощущается тенденция к индивидуализации фототворчества, о чем свидетельствует появление целых выставок авторских коллекций. Ориентация не на массовость, а на творческую результативность позволяет делать целостные экспозиции — «Семь лет до конца века» (1993 г., Омск), «Ступеньки к храму» и другие. Мы видим, что юных фотохудожников привлекает духовный мир человека, милосердие, отношение к вере и непреходящим ценностям, мир искусства в урбанизированной среде и т. д. По-прежнему впечатляет тема так называемых «озорных фотосюжетов», когда маленькому фотохудожнику удастся застичь врасплох необычайные мгновения быстро текущей реальности. На региональной выставке «Красота Сибирского края» с участием фотолюбителей из Барнаула, Новосибирска, Красноярска и Кемерово сибирская природа показана через детское восприятие изящных и хрупких форм, тонко реагирующих на вмешательство человека. Коллективы фотохудожников из Барнаула

Оксана. Фото Олега Соколовского.

«Матрёшка». Фото Славы Глухова.

Милосердие. Фото Саши Ергасова.

ощущается в снимке Васи Тарасова «Дворовые рокеры». Заметный вклад в выставочную коллекцию внесли также и фотолюбители из Томской фотостудии «Ракурс» (руководитель — Л. А. Горбачева).

В целом сибирские фотолюбители осваивают прежде всего пейзажную и лирическую тематику. За нею следуют серии работ о детстве, друзьях, забавные сюжеты, необычные фотоухищрения. Однако такой перевес юмористической и развлекающей направленности просматривается и по всей выставке. Очень редкими, к сожалению, стали темы, обладающие большим педагогическим потенциалом: «Материнство», «Творчество», «Память», «Экология», «Школьные друзья»...

Исчезновение творческого интереса к ним — весьма тревожный симптом как в состоянии самой фотопедагогике на сегодня, так и в нравственном состоянии общества. Исследования показывают, например, что подростки 90-х годов к числу непристязных относят целый ряд занятий, связанных с духовно-творческим выражением личности, включая литературное творчество, танцы, техническое моделирование, фото⁸. Несмотря на сохраняющиеся гуманные отношения, среди молодежи нарастают прагматизм, ориентация на легкое отношение к жизни, стремление к личному благополучию как главной ценности жизни.

Введение во многих культурно-досуговых центрах Сибири платы за обучение, разрушение системы выбора интересующих видов деятельности, развитие «престижных» форм досуга (культуризм, рок, восточные единоборства) приводят к одностороннему развитию подростков, не реализуя духовно-нравственный и социально-творческий потенциал личности. Хозрасчетные отношения далеко не всегда являются лучшей формой стимулирования самодельности и инициативы клубов. Способствуя внедрению «престижных» форм массового досуга, коммерческий подход к его организации не оставляет места для творчества. При этом значимость и ценность приобре-

тают лишь платежеспособность семей, а не их творческий потенциал, наличие одаренных и талантливых детей. Это очень опасная тенденция для общества. Ведь исключительно слаборазвитые государства не делают ставки на реализацию творческих способностей своего народа.

Необходима система цивилизованной организации свободного времени подростков, включающая и создание новых организационных форм фотолюбительства, выполняющего как культурные, так и социально-воспитательные функции. Почему бы местным инициаторам не задаться целью организовать в ряде школ гуманитарно-технического профиля уникальный не только в Сибири, но и в России фотолиней с набором соответствующих дисциплин и штатом квалифицированных фотопедагогов? Ведь действует же в одной из московских школ кинолиней, работающий по программе НИИ художественного воспитания и концепции визуальной грамотности, разработанной Ю. Н. Усовым.

⁸ С. Цымбаленко, С. Щеглова. Какие они — подростки 90-х? // Воспитание школьников. 1996, №1, с. 2.

Проблемы фотолобительства в последнее время перестали находить отражение в центральной и местной прессе, средствах массовой информации. Нужен свой орган, который был бы более заинтересован в решении назревших творческих, педагогических, организационных задач. Финансирование и обеспечение фотостудий материалами и фотооборудованием практически сведены на нет, поставив большинство кружков перед проблемой самовывживания. В этих условиях остро необходим координирующий центр по материальному обеспечению и финансированию фотообъединений, который изыскал бы средства, спонсоров, заинтересованные организации, другие источники укрепления материальной базы.

Фотографию к тому же всегда обходят стороной, когда речь заходит о проблемах художественного воспитания. Отчего-то соответствующий НИИ РАО, НИИ общей педагогики РАО занимаются исследованием только кинолюбительства. Российский институт культурологии (сектор народной художественной культуры) также мало внимания уделяет исследованию спектра проблем взрослого и детского фотолобительства. В то же время ценнейший опыт таких объединений, как фотоцентра «Ракурс» из Орла или фотоклуба «Зоркий» из Саратова, а также школы фотодизайна из г. Сыктывкара или фотошкол из Коврова и Твери остается тайной за семью печатями.

Семейное фототворчество — одна из довольно перспективных форм развития фотолобительства. Где же, как не в семье, как справедливо пишет С. Пожарская⁹, происходит приобщение к этому тончайшему из искусств. Родители-фотографы могут существенно повлиять на

фотографическое мышление своих детей, на выбор тем и сюжетов их произведений. Цивилизовать семейное фотолобительство — значит, создать такие условия, чтобы снимки выходили за рамки семейного фотоальбома.

И в этом семье должен помочь опять же фотоцентр как интегрированное учреждение досуга. Необходимы формы привлечения неорганизованного фотолобительства к художественной фотографии через существовавшие ранее фотоконкурсы на телевидении, в газетах, журналах, пунктах по обслуживанию фотолобителей. Организация этой деятельности также могла бы войти в сферу деятельности фотоцентров. Неотъемлемой заботой этих органов должна бы стать и разработка положений о фототворчествах, конкурсах, распространение их среди всех фотостудий и фотолобителей.

Необходимо изыскать средства и для того, чтобы создать систему повышения квалификации фотопедогогов, требующую довольно сложного отбора преподавателей. И руководство такой системой могло бы возникнуть в педуниверситетах и курсах повышения квалификации работников культуры на совместных началах.

Требует к себе внимания и проблема поддержки талантливых детей, занимающихся в фотостудиях. Пока что юные мастера создают свои «фотополотна» из фотоматериалов, приобретенных с великим трудом. Здесь речь должна идти не столько о возмещении затрат, сколько о создании режима творческого благоприятствования для детей с исключительными художественно-техническими способностями.

Предстоит преодолеть и ведомственную разобщенность, которая усложняет и затрудняет творческую деятельность фотоколлективов. И здесь также координирующую роль должен внести фотоцентр (областного, краевого, регионального уровня).

Нерешенной остается проблема преемственности и взаимной поддержки взрослого и детского фотолобительства. Не секрет, что организации взрослого фотолобительства в настоящее время просто не существуют. Многие фотолобители, окончив школу, еще некоторое время, пока есть возможность, посещают юношеские фотокружки. А как быть людям постарше? Нужны фототворческие объединения для взрослых. Организацию таких фотообъединений также мог бы взять на себя фотоцентр, который в этом случае стал бы центром фотографической культуры Сибири.

И, наконец, обращает на себя внимание слабое развитие фотолобительства в сельских районах, районных центрах и малых городах Сибири. Здесь, видимо, сказывается отсутствие фотопропаганды, передвижных фотовыставок, кольцевого обмена, которые также не возникнут сами по себе без фотоцентра.

Создание творческой атмосферы и широких возможностей для разнообразного общения, в том числе и при помощи языка фотоискусства, является необходимым условием дальнейшего совершенствования современных фотолобителей Сибири. Отстаивая приоритет воспитания школьников средствами технического искусства, мы позволяем им выражать свое мироощущение и идеи средствами художественной фотографии.

⁹ С. Пожарская. Семейное творчество// Фотография. 1995, №1, с. 8.

Лето, Фото Славы Кириева

Фоат Валеев

Расстреляны по лимиту

(к истории сибирских татар, репрессированных в 1937 и 1938 гг.)

ФОАТ ТАЧ-АХМЕТОВИЧ ВАЛЕЕВ родился в 1918 г. в селении Яланкуль (Еланлы) Большеереченского района Омской области. Доктор исторических наук, профессор Казанской Архитектурно-строительной Академии, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан. Участник Великой Отечественной войны. За образцовое выполнение боевых заданий командования награжден тремя орденами Отечественной войны I-II степеней и многими медалями. Исследованием сибирских татар начал заниматься с середины 1930-х годов. По теме своего исследования и по другим научным проблемам опубликовал более 100 работ, получивших высокую оценку научной общественности, в том числе три монографии: «Западно-сибирские татары» (1989), «Сибирские татары» (1992 и 1993 гг.), «Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения». Российская Академия наук, институт Этнографии и антропологии. (В соавторстве с С. М. Исхаковой) Москва, 1996 и др.

Наверно, нет ни одного народа, проживающего на территории бывшего СССР, представители которого не пострадали бы от массовых репрессий 30-х годов. Репрессии не обошли и моих земляков, коренных сибирских татар, проживающих в своих небольших аулах, расположенных в сибирской глубинке. В предлагаемых записках речь пойдет о трагедии, постигшей в 1937 и 1938 гг. жителей моей родной деревни Еланлы (Яланкуль) Большеереченского района Омской области и двух соседних селений (Аубаткан и Кумыслы), входивших в состав Яланкульского сельского совета. В указанных селениях издавна проживают потомки узбеков, таджиков и некоторых других среднеазиатских народов, переселившихся в Сибирь в XVI-XVII вв. Они известны под обобщающим названием бухарцев (сартов).

Я долго вынашивал мысль написать о своих земляках, ставших жертвами репрессий 30-х годов. Более того, считал себя обязанным рассказать об этом, так как хорошо знал каждого из них, вырос, учился с их детьми, а когда началась Великая Отечественная война, вместе с их детьми уходил защищать нашу Родину от немецко-фашистских захватчиков. Однако я также долго не мог взяться за перо, потому что о людях, о которых собирался написать, длительное время не располагал никакими сведениями, исходящими из официальных государственных, судебных органов. Только в условиях коренных демократических изменений в стране мне удалось ознакомиться с этими материалами.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Ныне все, о ком ведется речь в моих записках, реабилитированы. Реабилитация — это пересмотр дела новым составом суда относительно предполагаемой вины человека. Реабилитация невиновного человека, как справедливо отмечал юрист Флер Багаутдинов в своей работе «По закону 1934 года», опубликованной в 1990 г. в Казани, — это возвращение его честного имени и в то же время своеобразное очищение совести общества перед своими жестоко и несправедливо пострадавшими гражданами. К сожалению, официальные сведения о реабилитации пострадавших от репрессий жителей Яланкуля дошли до их родных и близких слишком поздно, только через четверть века и позже. Сыновья и братья многих репрессированных погибли на фронтах Великой Отечественной войны, а жены, родные, близкие старшего поколения ушли из жизни, так и не дождавшись о них никаких известий.

В основу моих записей положены документальные материалы, хранящиеся в фондах архивов: 1) МГБ СССР. Омский филиал центрального архива. Общий следственный фонд. Архив № ВФ П.6558 (в ссылках: Архивный № ВФ П.6558). 2) Управления КГБ СССР по Омской обл. Архивный № П.342 (в ссылках: Архивный № П.342). 3) Министерства ГБ СССР, Омский филиал Центрального Архива. Общий следственный фонд. Архивный № П-123 (в ссылках: Архивный № П-123). Кроме архивных документальных материалов, были использованы полевые материалы автора о жертвах репрессий 30-х годов, собранные среди жителей старшего поколения, проживавших в те годы в татарских селениях Большеереченского района Омской области.

Судя по материалам следствия, произведенного сотрудниками Большеереченского районного отдела НКВД, допросы обвиняемых осуществлялись тенденциозно. Каждый из них называется «кулаком», «религиозником», состоявшим в контр-

революционной повстанческой организации, ставившей перед собой задачу свержения советской власти путем вооруженного восстания. Другими словами, следователи стремились подвести дело каждого подсудимого под пункты ст.58 Уголовного кодекса РСФСР, по которым обвиняемые приговаривались к высшей мере наказания — расстрелу, а в лучшем случае — к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, откуда редко кто возвращался живым и здоровым.

Прологом драматических событий, разразившихся в Яланкуле в 1937-1938 гг., явилась история одного из жителей Х. Н. Шихова, репрессированного еще в 1930 г. Хасан-Баба Нугуманович Шихов родился в 1868 г. в заимке Куртаил (Куртайлы) близ Яланкуля. Его отец занимался земледелием, скотоводством и мелкой торговлей. В последние десятилетия перед Октябрьской революцией Хасан-Баба занимался обычным крестьянским трудом, сочтя его с кожевным производством, охотой и мелкой торговлей. В 1915 г. он служил управляющим паровой мельницей томского мещанина Феодосия Чернова по доверенности. В период НЭПа открыл мастерскую по обработке кож, в которой вместе с ним работали его сыновья и нанятый им русский мастер Василий Кузнецов. В 1923-1924 гг. Хасан-Баба был председателем промыслово-кооперативного товарищества союза охотников в Яланкуле. В период коллективизации Хасан-Баба Шихов, как бывший владелец паровой мельницы и кожзавода, был лишен избирательных прав и раскулачен. (Тарский филиал Госархива Омской области. Далее — ТФГАОО, Ф.223, оп.1, д.126, л.19.), более того, органами ОГПУ был обвинен в причастности к контрреволюционной организации «Повстанцы».

22 сентября 1930 г. Хасан-Баба Шихов Омским оперинспектором ОГПУ был арестован, а 3 января 1931 г. Особой тройкой ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю по пп. 2, 11 ст.58 Уголовного кодекса РСФСР приговорен к расстрелу. При-

говор был приведен в исполнение в ночь с 15 на 16 января 1931 г. в Омске (МГБ СССР, Омский филиал центрального архива ВФ П. 6558, л. 919). Х.-Б. Н. Шихов реабилитирован 25 ноября 1957 г. президиумом Омского областного суда. Постановление Особой тройки при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 3 января 1931 г. в отношении его было отменено с прекращением дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления. Такова краткая история одного из жителей Яланкуля, ставшего первой жертвой репрессий 30-х годов, Хасан-Бабы Шихова.

ДВЕ ВОЛНЫ

Репрессии 1937-1938 гг. обрушились на Яланкуль двумя волнами. Первая из них накрылась 2 ноября 1937 г. В этот хмурым осенний день сюда прибыли начальник Большереченского районного отдела НКВД Омской области лейтенант госбезопасности Стариков и оперуполномоченный Харчиков, которые произвели обыски в домах у шести местных жителей и самих их арестовали. За решеткой оказались рядовые колхозники колхоза «Кызыл юл» Х. А. Шихов, Н. У. Бахтияров, А. К. Зайнитдинов, У. Я. Зайнитдинов, житель д. Кумыслы С. Шихов, а немного раньше, 10 октября был арестован объездчик колхоза «Кызыл юл» А. А. Шихов. Все арестованные проходили по следственному делу N 7059.

Среди них был Хасан Абдулмукуменович Шихов, рождения 1884 г. Из-за ранней смерти отца Хасану с десятилетнего возраста пришлось работать наравне со взрослыми, чтобы помочь матери, которая осталась вдовой с четырьмя детьми. Большую поддержку Хасану оказал его дядя (брат отца) Наджметдин Шихов. Став взрослым, благодаря природной смекалке и уму, Хасан пользовался уважением и авторитетом среди односельчан. Об этом свидетельствует избрание его жителями Яланкуля доверенным и председателем маслодельной артели, организованной там в 1923 г. (ТФ ГАОО. Ф. 97, оп. 1, д. 13, л. 1-2). В 1925-1926 гг. Хасан Шихов был одним из инициаторов организации в Яланкуле машинного товарищества и товарищества по совместной обработке земли. В 1933-1934 гг. он принимает активное участие в строительстве в Яланкуле здания неполной средней школы. В период коллективизации он вступает в организованный в Яланкуле колхоз «Кызыл юл» («Красный путь»), где работал до своего ареста.

Будучи арестованным по ордеру N 74 от 2.11.37, Хасан Шихов подвергался допросам 2 и 3 ноября 1937 г. оперуполномоченным Большереченского районного отдела НКВД Харчиковым. Как видно из протокола допроса, Харчиков на основе доносов местных «активистов» совершенно извращенно интерпретирует подлинные факты из биографии обвиняемого. Так, по воле Харчикова, Хасан Шихов из лица, исполняющего выборную должность в маслодельной артели, превращается во владельца частного маслозавода, на котором работали 3-4 наемных рабочих. Арестованный обвинялся в чтении Корана и пропаганде ислама среди колхозников в антисоветских целях. На первых допросах от 2 и 3 ноября 1937 г. на вопрос следователя, признает ли он свой призыв к населению о вооруженной борьбе с советской властью, Хасан Шихов ответил: «Это я категорически отрицаю!» На допросе от 3 ноября он также отвергает обвинение следователя об использовании им «учения Мухаммеда в контрреволюционных целях».

Следующий из обвиняемых — Абдулмуталиб Мухамедгалиевич Зайнитдинов рождения 1874 г., уроженец д. Яланкуль. Он проходил по делу под прозвищем «Моты», данным ему родителями в детстве. Энергичный, работающий человек А. М. Зайнитдинов в годы НЭПа считался крепким середняком (ТФ ГАОО. Ф. 97, оп. 1, д. 11, л. 11), в его хозяйстве, кроме него, работали жена, трое взрослых детей. По словам старожиллов Яланкуля, он до коллективизации всегда стоял за справедливое деление пахотных земель и сенокосных угодий между жителями аула. Решительно выступал против местных богатеев, стремившихся захватить лучшие земельные участки, расположенные вблизи от Яланкуля, оставляя на

доло бедняков пахотные земли и сенокосные угодья в отдаленных местах. Поэтому он пользовался уважением среди бедноты. Неслучайно ондосельчане в 1925 г. избрали его членом финансово-налоговой комиссии, а в 1927 г. — народным заместителем Яланкульского сельсовета. В момент ареста А. М. Зайнитдинов был рядовым колхозником. На допросах, которым он подвергался 4 и 6 ноября 1937 г., говорил, что как верующий человек принимал участие в коллективном чтении Корана вместе с другими верующими, но решительно отрицал обвинение в контрреволюционной агитации против советской власти с использованием положений Корана в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г. «Я говорю правду, — заявил он следователю, — другого сказать не могу».

Предъявленные обвинения в контрреволюционной деятельности отрицали и другие арестованные по следственному делу N 7059 — колхозники Ниязмухаммед Уразмухаммедович Бахтияров рождения 1878 г. и Абдул-Маннаф Абдул-Ахатович Шихов (1891 г.). 8 ноября 1937 г. Н. Бахтияров заявил, что он вообще отказывается давать какие-либо показания следователю.

Последними двумя арестованными по этому делу были пожилые колхозники У. Я. Зайнитдинов из д. Аубаткан и С. Шихов из д. Кумыслы Яланкульского сельсовета. Уразмухаммед Якубович Зайнитдинов родился в 1872 г. в д. Аубаткан Бухарской волости. Окончил среднее мусульманское учебное заведение (медресе) и с 1905 по 1919 г. был официальным указным имамом. Но в связи с потерей правого глаза в результате несчастного случая ему пришлось оставить свою официальную духовную деятельность. Однако вплоть до своего ареста он продолжал неформально исполнять обязанности священнослужителя при наречении имени новорожденных, бракосочетаниях и на похоронах. После принятия конституции (1936 г.) У. Зайнитдинов подал заявление в сельский совет с просьбой об утверждении его штатным муллой и ходатайствовал об открытии в Яланкуле мечети.

Арест У. Зайнитдинова придает делу о «контрреволюционной повстанческой» организации на территории Яланкульского сельсовета еще и религиозную окраску, так как руководителем организации рассматривалось духовное лицо. У. Зайнитдинов подвергался допросам 3 и 5 ноября 1937 г. и, судя по протоколу, составленному лейтенантом госбезопасности Стариковым, арестованный уже 5 ноября «признал себя виновным» в участии в антисоветской, контрреволюционной организации.

Что касается последнего, шестого арестованного Сиражитдина Шихова, то о нем известно, что он родился в 1857 г. в д. Кумыслы, из крестьян, еще в 70-х годах XIX в. окончил медресе, с 1898 г. по 1914 г. был имамом в Кумыслинской мечети. В 1937 г. он был уже тяжело больным, глухим стариком, которому шел 81 год. Возможно, поэтому о С. Шихове мало что сказано в записках следователей за исключением общих стереотипных обвинений в том, что он «кулак, активный религиозник, контрреволюционер» и т.п.

8 ноября 1937 г. лейтенантом Стариковым по делу указанных выше шестерых арестованных было составлено обвинительное заключение, утвержденное начальником опергруппы НКВД старшим лейтенантом госбезопасности Пешковым. В этом заключении совершенно бездоказательно утверждается, что на территории «нацменских» (татарских — Ф. В.) сельсоветов Большереченского района мулла Кошкульской мечети Ахунов Сафа¹ с начала 1936 г. начал организовывать «контрреволюционные повстанческие группы, состоящие из кулаков, мулл, а также лиц, озлобленных на советскую власть». В Яланкульском сельсовете, как отмечается в этом документе, деятельность по сколачиванию контрреволюционной группы возглавил кулак и мулла Уразмухаммед Зайнитдинов.

«Кулаки, — говорится в нем, — являясь колхозниками, обрабатывали колхозные массы в духе ненависти к советской власти, доказывая о неминуемой гибели коммунистов», что контрреволюционная активность участников группы особенно ярко проявилась с момента начала развертывания кампании по выборам в Верховный Совет СССР (1937 г.). Следственное дело N 7059 по обвинению шестерых яланкульцев было направлено на рассмотрение «тройки» УНКВД по Омской

области. Постановлением 42-го заседания этой «тройки» все шесть арестованных яланкульцев: Уразмухаммед Зайнитдинов, Сиражи Шихов, Ниязмухаммед Бахтияров, Хасан Шихов, Абдул-Маннаф Шихов, Абдул-Муталлиб («Мотый») Зайнитдинов были обвинены по пунктам 10-11, 58 ст. Уголовного кодекса РСФСР и приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 ноября 1937 г. в г. Омске.

Вторая волна репрессий на яланкульцев обрушилась в январе 1938 г. На этот раз жертвами репрессий оказались колхозники З. А. Каримов, Н. А. Каримов, Х. Т. Ахтичанов, А. М. Бахтияров, учитель Х. Н. Билалов, счетные работники Ш. Д. Назыров, Ш. Х. Шихов. Всем им также, как репрессированным осенью 1937 г. жителям Яланкуля, были предъявлены обвинения по пунктам той же 58 статьи Уголовного кодекса РСФСР. Все они обвинялись в принадлежности к мифической контрреволюционной повстанческой организации. Однако в отличие от расстрелянных 16 ноября 1937 г. репрессированных в январе 1938 г. обвиняли еще в принадлежности к контрреволюционной военной организации «Милли Шура», ставившей своей задачей также свержение советской власти путем вооруженного восстания.

Не вдаваясь в подробности, отметим: термин «Милли Шура» восходит к военнополитическим событиям в регионе Волги-Урала после Февральской революции 1917 г. В июле 1917 г. в Казани проходили съезды ряда национальных движений. На II съезде мусульман избирается «Милли Шура» («Национальный совет») под руководством члена ЦК партии кадетов Садритдина Максудова. «Национальный конгресс» («Милли Меджлис») мусульман, работавший в конце 1917 — начале 1918 гг. в Уфе, провозгласил создание буржуазно-парламентарной республики под названием «Идел-Урал штаты» («Волжско-Уральская республика»). Еще летом 1917 г. в Казани состоялся всероссийский мусульманский военный съезд, на котором был выбран исполнительный орган — всероссийский мусульманский военный совет («Харби Шура»), который должен был заниматься организацией тюрко-татарских полков для подготавливаемой к созданию республики в Волго-Уральском регионе. Такие полки действительно были орга-

низованы и в 1918 г. приняли участие в боевых действиях против Красной Армии на Восточном фронте. Поэтому в официальных партийных государственных документах и советской литературе, посвященной периоду гражданской войны, «Милли Шура» («Национальный Совет»), «Харби Шура» («Военный Совет») рассматривались как контрреволюционные, антисоветские организации и принадлежность к ним расценивалась как тягчайшее государственное преступление. Неслучайно поэтому преобладающему большинству репрессированных в 1938 г. представителям сибирских татар, кроме прочих обвинений, автоматически инкриминировалась и принадлежность к указанным организациям, хотя обвиняемые не имели к ним никакого отношения.

ПОТОМУ, ЧТО УЧИЛИСЬ В МЕДРЕСЕ

Однако вернемся к жертвам периода «второй волны» репрессий яланкульцев. Арестованные в январе 1938 г. проходили по следственному делу N 8547. 25 января 1938 г. был взят под стражу Зулькарнай Абдуллович Каримов (по следственным материалам — Карней Абдуллович). Он родился в 1868 г. в бедной крестьянской семье, еще в 80-х годах прошлого века обучался в мусульманской средней школе (медресе) и поэтому в Яланкуле его звали Зулькарнай-мулла (мулла Зулькарнай). Кстати, по обычаям тюрков-мусульман, к именам людей, обучавшихся в медресе, в знак уважения прибавляли слово «мулла» независимо от того, исполнял он или нет официально обязанности имама, т.е. указного муллы определенной мечети (прихода). Зулькарнай отличался красноречием, его память хранила много интересных событий из истории сибирских бухарцев — давних переселенцев из Средней Азии. В конце 1920-х — начале 30-х годов автору этих строк вместе с другими жителями Яланкуля приходилось слушать занимательные рассказы Зулькарнай на разные темы, пересыпаемые им крылатыми фразами из богатого фольклора сибирских татар. По словам ровесников Зулькарнай, в молодости он обладал хорошим голосом, и ни одна свадьба, ни один праздник в ауле не обходились без исполнения им старинных песен сибирских татар.

Зулькарнай Каримов еще до коллективизации принимал активное участие в общественной жизни Яланкуля. Как видно из архивных документов, в 1925-1926 гг. односельчане избирали его председателем школьного совета, членом сельского Совета, а с 1928 г. он некоторое время исполнял обязанности председателя сельского Совета. Зулькарнай одним из первых вступил в машинное товарищество, организованное в Яланкуле, а во время коллективизации вступил в колхоз. Вместе с ним работали в колхозе его три сына и дочь. В 1938 г. в момент своего ареста, ему было уже 69 лет, но он по мере сил продолжал трудиться в колхозе «Кызыл юл». Зулькарнай был обвинен в том, что будучи враждебно настроенным к советской власти, входил в контрреволюционную повстанческую националистическую организацию «Милли Шура», в систематическом проведении среди населения контрреволюционной повстанческой агитации, а также агитации против предстоящих (1937 г.) выборов в Верховный Совет СССР (Архивный N П-123, л.173).

Среди репрессированных в 1938 г. яланкульцев был Худжат Назирович Билалов рождения 1890 г., уроженец д.Аубаткан Яланкульского сельсовета. В 1912-1914 гг. он учился в Уфе в медресе «Гусмания», после окончания которого возвратился в Аубаткан, работал учителем, а с июня 1917 г. по июль 1924 г. был имамом (указным муллою) в соборной мечети д. Аубаткан. Под влиянием революционных преобразований в стране летом 1924 г. Х. Билалов добровольно отказался от должности имама, заявив об этом на страницах печати. В 1924-1934 гг. работал учителем начальной школы, а с 1934 г. до своего ареста — ликвидатором неграмотности в Яланкульском сельсовете.

В последнее десятилетие перед арестом Худжат Назирович был активным сельским корреспондентом западно-

сибирской краевой газеты «Азат Себер» («Освобожденная Сибирь») и газеты «Сталин юлы» («Сталинский путь»), издававшихся на татарском языке в Новосибирске и в Омске. В своих коротких, написанных простым языком заметках он писал о первых успехах молодых колхозов Яланкульского сельсовета, о достижениях в области постановки народного образования. Вместе с тем он критиковал нерадивых председателей сельских советов, колхозов и секретарей партийных организаций. От него, как селькора доставалось и некоторым руководящим работникам районного масштаба, что вызывало чувство ненависти к нему со стороны критикуемых им лиц. В результате пошли на него доносы от местных (низовых) партийно-советских работников, в которых Х. Бидалов обвинялся, якобы, в контрреволюционной, антисоветской деятельности.

Среди репрессированных в январе 1938 г. жителей Яланкуля были и такие глубокие старики, как Халим Тильмаметович Ахтичанов рождения 1859 г., Ниязмухаммед Абдулкаримович Каримов (1861 г.) и Алим Мурзич Бахтияров (1870 г.), которые всю жизнь провели в Яланкуле, занимаясь нелегким крестьянским трудом. Эти люди, как и все остальные репрессированные, были обвинены в контрреволюционной деятельности лишь потому, что они еще в 70-х — 80-х годах прошлого века, в свои детские и юношеские годы, обучались в начальных мусульманских школах. На всех допросах Халим Ахтичанов и Алим Бахтияров, к их чести, решительно отвергали предъявленные им обвинения. Однако это не помогло им избежать самого строгого наказания. Сурово был наказан также Шаих Шихов рождения 1896 г. только за то, что его отец Хасан-Баба Шихов был репрессирован органами ГПУ еще в 1930 г., о чем говорилось выше.

Шараф Джаалилович Назыров, также проходивший по следственному делу № 8547, не являлся коренным жителем Яланкуля. По происхождению из приуральских татар, он родился в 1892 г. в Павлодаре (ныне областной центр Казахстана) в семье зажиточных родителей. После окончания начальной школы Шараф обучался в мусульманской учительской семинарии г. Оренбурга. Но в 1912 г., по его показаниям, за участие в нелегальной националистической организации учащихся старших классов он был исключен из семинарии и через некоторое время поступил учиться в медресе Оренбурга. После окончания медресе Шараф возвратился в Павлодар, где сначала работал учителем в мусульманской начальной школе, а с 1915 по 1917 гг. — конторщиком у павлодарского купца Хабибулина. В Тарском уезде он появился в июне 1918 г. Первое время работал учителем в татарских селениях Каракуль, Уленкуль, устанавливая деловые связи с имамами Уленкульской соборной мечети Лукманом Башировым, Яланкульской соборной мечети Набием Амировым и тарским мухтасибом Нурмухаммедом Сафарматовым, а также с рядом представителей местной татарской интеллигенции.

В июле 1924 г. муфтием Духовного управления мусульман России и Сибири он был назначен имамом соборной мечети д.Аубаткан, после добровольного отказа от исполнения обязанностей имама в этой мечети Худжата Бидалова. Но новому имаму не пришлось долго исполнять свои обязанности, с началом коллективизации все мечети в Большереченском районе, в том числе Аубатканская были закрыты. И Ш. Назырову в течение последующих лет довелось служить счетным работником.

Он был арестован 12 января 1938 г. в селе Кирсановка Большереченского района, где работал бухгалтером местного сельского потребительского общества. В отличие от некоторых других яланкульцев, репрессированных по следственному делу № 8547, Шараф на первых же допросах признал предъявленные ему обвинения. В своем письменном объяснении от 15 января 1938 г. следователю Шуликову он показал: «В процессе следствия по моему делу я убедился, что органы НКВД имеют все материалы о моей контрреволюционной деятельности. Поэтому решил следователю говорить правду, изложив подробно все моменты моей борьбы против советской власти за период с 1918 г. по день своего ареста» (архивный № П-123, л. 56). Аналогично вел себя на допросах и Х. Н. Бидалов. Подобные факты, т.е. полное или частичное признание подсудимыми предъявленных им обвинений несомнен-

но объяснялись тактическими приемами следователей органов НКВД на допросах (обещание смягчения наказания или применение насилия на допросах). Как известно, физическое воздействие на репрессированных в целях достижения признания ими предъявленных обвинений официально санкционировалось высшими партийными и государственными инстанциями. Об этом свидетельствует, например, шифровка И. В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД от 21.07.37 г. (См. «Совершенно секретно». 1993, №7).

Дела яланкульцев, репрессированных в январе 1938 г., рассматривались на заседании «тройки» Управления НКВД по Омской области 14 марта 1938 г. Приговором этого внесудебного органа из семи арестованных пятеро: Ш. Д. Назыров, З. А. Каримов, Н. А. Каримов, Х. Т. Ахтичанов, А. М. Бахтияров были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор в отношении их был приведен в исполнение в 20-х числах марта 1938 г. в г. Омске. Х. Н. Бидалов и Ш. Х. Шихов были приговорены к заключению в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) сроком на десять лет, считая срок с 25 января 1938 г. По сообщению УВД при Омском облисполкоме от 7 февраля 1962 г., Шаих Шихов умер 6 декабря 1938 г. в Свердловском лагере МВД СССР (Архив № П-123, Т.1, л.235), а судьба Х. Н. Бидалова до сего времени неизвестна его родственникам.

СУДЬБА ПАЛАЧЕЙ

Возникает вопрос: кто виноват в столь жестоком, несправедливом наказании простых советских людей? Кто виноват в насильственном лишении их естественного права на жизнь? Кто виноват в моральных и физических страданиях их родных и близких, носивших в течение многих лет ярлык членов семьи «врагов народа»?

Конечно, виновата в этом гигантская система насилия и репрессий, существовавшая тогда в нашей стране. В ней были созданы так называемые «тройки» и даже «двойки», особые совещания при НКВД, «коллегии ОГПУ» — то есть внесу-

дебные органы, которые чинили беззакония. В составе «тройки» УНКВД по Омской области в 1937 г. палачами тысяч невинных ее граждан, в том числе моих земляков из Яланкуля, были: председатель — начальник УНКВД СССР по Омской области капитан госбезопасности Константин Валухин, члены «тройки» — секретарь Омского обкома ВКП(б) Зиновий Симонович и и. о. председателя облисполкома Сергей Евстигнеев. В 1938 г. «тройку» УНКВД по Омской области по-прежнему возглавлял К. Валухин, а членами были секретарь обкома ВКП(б) Федор Наумов и тот же С. Евстигнеев, но уже в качестве председателя Омского облисполкома.

Судьба некоторых из них сложилась не менее трагично, чем у их многочисленных невинных жертв. Так, К. Н. Валухин 9.05.49 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-16 к расстрелу, а еще раньше, 20.09.38 г., этой мерой наказания был пожалован бывший секретарь Омского обкома ВКП(б) З. Г. Симонович. Что касается двух других членов «тройки» УНКВД по Омской области — секретаря обкома партии Ф. Наумова и председателя облисполкома С. Евстигнеева — то первый в конце 1938 г. был снят с занимаемой им высокой должности, по-видимому, за его недостаточную твердость в вынесении смертных приговоров к репрессированным, а Евстигнеев выбыл из Омска в феврале 1941 г.

Выступали палачами невинных людей и сотрудники Большереченского РО НКВД Стариков, Харчиков, Шуликов, Плеханов, Кормилин, хотя и в качестве «винтиков» гигантской системы насилия и репрессий. Они разными методами обвиняли простых, часто малограмотных и совершенно лишенных юридической защиты людей в совершении тягчайших преступлений, подлежащих расстрелу или заключению их на долгие годы в ИТЛ. Палачами репрессированных из Яланкульского сельсовета были и местные сельские «активисты», которые писали на обвиняемых заведомо ложные доносы. Особую активность в этом плане проявляли члены ВКП(б) Шаймардан Губайдуллин, Хамид Мавлютов, Якуб Абдуллин, работник Большереченского райотдела дорожного строительства Гумеров и др. Они составляли и подписывали характеристики на негодных им лиц, называя их «кулаками», «религиозниками», состоящими в антисоветской, повстанческой организации (архивный № П-123, л. 19-20, 27 и об., 34 и об.).

В трагической судьбе репрессированных граждан из Яланкуля в 1937-38 гг. зловещую роль сыграли и некоторые рядовые яланкульцы, оказавшиеся преданными исполнителями воли местных руководящих работников сельского и районного звеньев. С омерзением читаешь написанные ими клеветнические заявления на своих земляков, ничем не запятнавших себя перед народом, обществом и государством. Своими доносами на простых и честных людей они подводили их под категорию лиц, подлежащих расстрелу по лимиту. По предположению НКВД СССР, Политбюро ЦК 31 января 1938 г. утвердило конкретный план мероприятий по расширению репрессий антисоветских элементов. По этому лимиту только в Омской области предполагалось репрессировать по 1-й категории (расстрел) 3000 человек, по 2-й категории — 2000. Кроме того, Политбюро ЦК 10 мая 1938 г. приняло решение об удовлетворении просьбы (!) Омского обкома ВКП(б) об увеличении дополнительного лимита по первой категории на 1000 человек (см. «Совершенно секретно» 1993. №7). На основе этих лимитов были расстрелянные и репрессированные из Яланкуля.

Некоторые из упомянутых выше клеветников, получивших в народе название «стукачей», «драконов», в 1962 г. были передпрошены по поводу сделанных ими заявлений в 1937 и 1938 гг. И, конечно, отказались от своих письменных показаний тех лет, как от «вымышленных»...

ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

68 **М**ною были просмотрены следственные дела лишь 126 репрессированных в 1937 и 1938 гг. татар из Омской и Томской областей. Социальный состав их характеризуется следующими данными: крестьян (колхозников) — 78 человек, рабочих — 13, учителей — 3, священнослужителей (имамов) — 8, кустарей — 4, ломовых

извозчиков — 3, студентов, военнослужащих и лиц без определенных занятий — 9. Из общего количества арестованных (126) расстреляны 92, осуждены к лишению свободы на длительные сроки с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях 31, освобождены из-под ареста 3 человека.

Приведенные данные свидетельствуют, что основную массу пострадавших от репрессий татар региона составляли крестьяне. Это объясняется тем обстоятельством, что в 30-х годах большинство татарского населения Сибири проживало в сельских местностях. Таким образом, встречающееся иногда мнение о том, что городское население больше пострадало от репрессий, применительно к сибирским татарам не подтверждается.

Среди репрессированных сибирских татар значительную часть составляли люди, обучавшиеся в дореволюционный период в мусульманских средних школах (медресе). Этой категории репрессированных, кроме стереотипного обвинения в «контрреволюционной, антисоветской деятельности», автоматически инкриминировалось и обвинение в использовании положений ислама в целях контрреволюционной агитации против советской власти среди татарского населения. Что касается количества руководящих работников — руководителей предприятий, учреждений, партийно-советских работников — то их среди репрессированных было мало.

Многие из пострадавших обвинялись в принадлежности к таким якобы действующим в Сибири в то время контрреволюционным организациям, как «Милли Шура» («Национальный совет»), «Харби Шура» («Военный совет»). Но арестованные в 1937 и 1938 гг. сибирские татары не имели к ним никакого отношения. А татары, взятые под арест на территории Томской области, искусственно включались в сфальцифицированные контрреволюционные организации под разными названиями.

Завершая свои записки, хочется выразить надежду, что они являются лишь первым шагом в изучении истории сибирских татар, репрессированных в 30-х, 40-х и начале 50-х годов. Исследователей, в особенности сибиристов-тюркологов, ожидают документальные материалы в сибирских филиалах центрального архива НКВД и КГБ СССР. Актуальными задачами татарских общественных организаций (Ассоциаций сибирских татар, татарских культурных центров в сибирских городах и т.п.) являются поиски и установление мест захоронений расстрелянных и умерших в ГУЛаге татар; добиваться признания этих мест со стороны административных органов власти официальными кладбищами, установления там стелл, мусульманских символов и памятников; через архивы бывших органов НКВД и КГБ оказать содействие родным и близким осужденных в выяснении подлинных причин их смерти. Со стороны соответствующих государственных учреждений и общественных организаций должна быть обеспечена постоянная забота о повседневных нуждах ныне здравствующих старых, одиноких, больных, близких и родных, пострадавших от репрессий 30-х, 40-х и начала 50-х годов.

Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность ответственным работникам Омского филиала центрального архива Министерства государственной безопасности Российской Федерации В. М. Суптелю, Л. Н. Шуклину и начальнику Центра общественных связей КГБ Республики Татарстан Р. А. Кашапову за помощь, оказанную мне в поиске архивных документальных материалов о моих земляках, представителях сибирских татар, расстрелянных по лимиту в 1937 и 1938 годах.

¹ Ахунов Ахмет-Сафа Абдулагимович рождения 1879 г., уроженец татарской деревни Кусатау (Козатово) Большереченского района Омской области, был арестован Большереченским РО НКВД 10 июня 1937 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской националистической организации, ставившей своей целью свержение советской власти вооруженным путем. По постановлению тройки УНКВД Омской обл. от 17 ноября 1937 г. расстрелян. (Управление КГБ СССР по Омской обл., № П-342, л. 112-113). Реабилитирован Омским областным судом в 1957 и 1960 г. вместе с другими репрессированными в 1937 г.

Антикультура

Те специалисты, кого терминологически смутило название нашего отдела «Антикультура» («КС» №1, 1995), будут совершенно правы, предполагая в нем скорее оценочное, нежели научно-корректное значение. Да, мы откровенно выразили в нем позицию журнала относительно всего, что осложняет реализацию доброго начала в развитии человеческой культуры. То есть для нас культура и добро в принципиальном значении — синонимы. Зло человеческое, увы, тоже имеет культуру своего выражения, зло само по себе — противоположность добру (антоним), зло — это антидобро. Отсюда вся культура его проявления — это антикультура, если смотреть, повторяю, с оценочной, принципиальной позиции.

Но мы должны быть беспристрастны в исследовании объекта нашего внимания. И поэтому методологически намерены придерживаться тезиса о том, что вся человеческая культура неоднородна. Более того, по замечанию известного философа П. Гуревича, внутри различных общественных групп рождаются специфические культурные феномены. Они закрепляются в особых чертах поведения людей, сознания, языка. Такие феномены называют *субкультурами*.

Наряду с прочими существует и субкультура уголовного мира, характеризующаяся жаргоном (воровским арго) и особыми поведенческими стандартами.

Принято считать, что субкультуры закрыты и не претендуют на права официальной культуры. Их цель как раз и состоит в том, чтобы изолировать мир собственных ценностей, сохранить в неприкосновенности собственные законы и традиции, противопоставив их господствующей культуре. При этом кодекс правил, моральные нормы, характерные для конкретной субкультуры, не претендуют на всеобщность, не навязываются обществу, а нацелены только на воспроизводство традиций конкретной социальной среды.

А вот в ситуации, когда отдельные комплексы ценностей утрачивают свою «герметичность» и начинают претендовать на универсальность, всеобщность — здесь уже можно говорить о зарождении *контркультуры*. Под понятием «контркультура» подразумевается совокупность социально-культурных установок, противостоящих основным принципам, на которых строится конкретная господствующая культура.

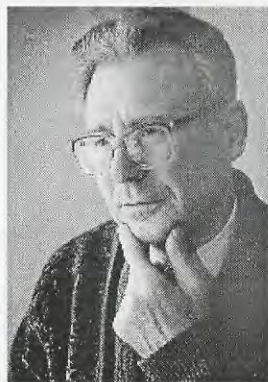
Вероятно, в подобной, критической ситуации появления новой контркультуры оказалась Россия. Криминализация политической и экономической жизни, безусловно, повлияла и на культуру общества в целом. Нравы, законы и даже жаргон преступного мира оказались воспринятыми не только в кругах политиков и нуворишей («новых русских»), но и в печати, литературе, кинематографе, а, следовательно, постепенно становятся нормой массовой культуры нашего общества. Сегодня мы с вами свидетели того, как в условиях «первоначального накопления капитала» стирается грань между пороком и добродетелью. Тривиальный бандит уже давно превратился в романтизированного действительностью «супермена-рэкетира», а общество начинает жить в соответствии с законами и ценностями воровской среды.

Это и есть, очевидно, та ситуация, когда субкультура преступного мира превращается в контркультуру, все более изменяющую существующую пока еще Культуру. Что несет в себе культура преступного мира, этот «Грядущий Хам» российской действительности? В этом номере журнала мы продолжаем свое исследование.

Ведущий отдела
кандидат исторических наук Н. В. Греков.

Юрий ВАКУТИН

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАКУТИН, 1932 г.р. С 1954 г. — работник органов МВД, с 1964 г. — начальник уголовного розыска УВД Тюменской области, с 1971 г. — преподаватель Омской высшей школы милиции (ОВШМ), с 1988 г. — начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности, полковник милиции, Заслуженный работник МВД СССР. Автор ряда научных трудов по спецтеematике, в т.ч. — «Словаря жаргонных слов и выражений. Тагуировка» (около 8 тыс. с. и л.) — ОВШМ, 1979 г.

ЗА ФАСАДОМ ТРАДИЦИЙ ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЫ

Полностью согласен с Ф. В. Чернышевым, поставившим, казалось бы, парадоксальный вопрос на страницах первого номера нового журнала «Культура Сибири»: а «всякая ли культура — благо?» К сожалению, печатная продукция, захлестнувшая наши книжные прилавки, да и другие средства массовой информации, далеко не всегда объективно представляют образ лиц, совершающих уголовные деяния. Нередко пропагандируется идеализированный портрет преступника, его благородство, отвага и пр. Речь идет не о вульгарных уличных грабителях или ворюшках, кого даже на современном уголовном жаргоне называют «чешуя», а об «авторитетах» преступной среды и высшем звене ее иерархии — «ворах в законе». Именно их подразумевал В. Т. Шаламов в «Очерках преступного мира» под общим названием «блатные» (хотя первоначально, в дореволюционный период, так назывались лица, попавшие в список «пожертвователей» в пользу того или иного должностного лица, фактически — официальные взяткодатели). Суть осталась прежняя: круговая порука, взаимовыручка, настороженное отношение к новичкам и пренебрежение к недопущенным в общество избранным. Для этого элитарного круга преступников характерно соблюдение не только отдельных традиций преступной среды, но и всей ее совершенно особенной субкультуры.

Именно эта субкультура излучает тот самый романтический ореол, который искушает непосвященных, точно запретная дверь из волшебной сказки. Именно в этой субкультуре содержится, по выражению В. Т. Шаламова, «некий атомный реактор» блатного мира, «сам восстанавливающий топливо для себя». Весьма своевременно журнал «Культура Сибири» предпринял попытку исследовать его механику, поскольку для каждого нормального человека достаточно реального представления о сути преступной среды, чтобы навсегда утратить интерес относительно испытания в ней своей собственной судьбы. Попытаюсь и я, откликаясь на просьбу редакции, внести в это дело посильную лепту.

1. АРЕСТАНТСКАЯ ОБЩИНА

Переломные этапы развития экономической и политической структуры общества, как правило, всегда связаны с активизацией криминальных элементов и коррумпированности, как в настоящее время, российская преступность никогда не имела.

Своеобразие переживаемого периода является то, что уголовщина переплетается с экономической преступностью, уголовные «авторитеты» не только сосуществуют с «воротилами» бизнеса, но и взаимодействуют, а кое в чем и диктуют свои правила игры.

Фото С. Сарсеева

Среди «авторитетов» преступного мира особое место занимают «воры в законе». Это наиболее элитарная криминальная группировка, отличающаяся своей организованностью, дисциплиной, приверженностью к традициям уголовной среды и жестокостью к нарушителям кодекса «воровской чести».

Особый интерес представляет то, что полных аналогов такому явлению нет нигде в мире, кроме России и республик, входивших в состав бывшего СССР. Не было группировки под таким названием и в царской России. Не встречается такого названия в директивных документах и специальной литературе правоохранительных органов, а также в общей печати начального периода Советской власти. Не упоминается оно и в художествен-

ной литературе — например, в романе В. Шишкова «Странники», изданном в 1930 г. и посвященном целиком жизни уголовной среды.

Однако не могла же возникнуть столь мощная уголовная структура на пустом месте! Очевидно, ее корни надо искать значительно раньше по времени, еще в дореволюционном периоде.

Преступность Царской России отличалась специфичностью, характерной для аграрной страны с преобладанием патриархального уклада жизни и длительным существованием в ней крепостного права. Отсюда и наличие в криминальной среде мощной прослойки лиц, порвавших с крестьянской общиной в силу каких-то обстоятельств («Не любил я в крестьянстве работать тогда. Ни косить, ни пахать, ни портняжить», — как поется в одной из старинных воровских песен), а также бежавших крепостных и становившихся бродягами. Именно они составляли основную массу разбойничьих шайк. Только с 1710 по 1742 гг. в розыске числилось более полумиллиона крестьян, в среднем ежегодно от помещиков сбегало около 200 тыс. крепостных¹. Для этой категории характерно прежде всего совершение имущественных преступлений, как правило, перераставших от простых краж в насильственное завладение ценностями, с разбоями и убийствами.

Возникли места концентрации «лихих» людей: в Москве — это Хитров рынок, «Немецкая слобода», в Санкт-Петербурге — Вяземка... Местами сбыта краденного, общего сбора и отдыха (разгула) были кабаки, трактиры, торговые бани, харчевни и прочие.

Одновременно следует отметить, что многие виды преступлений совершались не только бездомными, но и представителями имущественного класса (подлоги, мошенничество, казнокрадство, мздоимство и т.д.). Но в целом преобладали преступления примитивного типа, совершаемые в основном лицами без определенного вида на жительство. Особенно характерно это в послереформенный период Царской России, когда резко возросли миграционные процессы.

Сложно давать оценку профессиональной преступности того времени за исключением тех ее видов, где требуется определенная подготовка и уровень развития (мошенничество, шулерство, фальшивомонетничество), ибо две трети преступников были не грамотными, а женщины — на 90%. Кстати, последние практически не занимались кражами (менее 10%), а в основном привлекались за убийства супруга или родственников. В то же время специальная рецидивная преступность за подлоги и мошенничество составляла в 1901 г. 14%, а по кражам 15%.

Существующий подход к определению профессиональной преступности в настоящее время и статистические данные прошлого не дают возможности провести их корреляцию. Касаясь вопроса о профессиональности преступности нельзя обойти существовавшую (да и существующую, к сожалению, сейчас) пенитенциарную практику. Без сомнения, места лишения свободы играют большую роль в повышении качества преступного ремесла. В дореволюционной России длительное время они были общими по режиму содержания, возрасту и половой принадлежности и превращались в школы по обмену криминальным опытом. Не случайно П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера» называл тюрьмы «университетами преступности, содержимыми государством».

Тюрьма, каторга из примитивного преступника, совершающего уголовное деяние ради куска хлеба, воспитывали идейно убежденного, самооправдывающегося в собственных глазах субъекта, не считающего убийство, грабеж, кражу постыдным фактом своей биографии. Наоборот, количество преступлений и судимостей считалось своего рода заслугой.

Нахождение в условиях строгой изоляции практически одной категории лиц, преступивших закон и вынужденных соблюдать определенные государством режимные ограничения, влекло и появление определенных правил поведения в отношениих между собой, властью, окружением. В условиях сибирской каторги, где отбывали наказание осужденные практически со всех регионов России, эти правила были наиболее универсальными и удовлетворяющими московских, поволжских, украинских и осужденных других губерний.

Глубокий исследователь сибирской каторги С. В. Максимов в середине прошлого века отмечает, что основой противостояния арестантов администрации тюрем является тюремная артель (арестантская община), правила которой «бог весть когда и кем придуманы, но уже приняли определенную и законченную форму».

Для нас представляет интерес сравнение этих правил (традиций) с более поздними.

Во главе общины стоял выборный староста из среды преступников. Прежде всего он заботился о пищевом довольствии. В его руках сосредоточивается вся сумма денег, принадлежащих артели. Староста отвечал перед начальством за порядок в общине и утверждался в своем звании руководством места лишения свободы, но не мог быть лишен его без согласия артели, как не мог и самолично сложить с себя эти обязанности. Вообще-то положение старосты весьма щекотливое. С одной стороны, — начальство, а с другой — сотни глаз, следящих за каждым действием и взаимоотношениями с тюремными властями. При малейшей ошибке артель может не только сместить старосту, но и прогнать его сквозь «строй жгутов», а затем подвергнуть всеобщему презрению, что является весьма суровым наказанием. Самым страшным прегрешением среди осужденных считалось ябедничество и доносительство. В отношении таких лиц применялись в качестве меры наказания уже упомянутый выше «строй жгутов» и остракизм, а если эти меры оказывались недостаточными, виновный мог быть отравлен. При этом начальство предупреждалось о возможных последствиях и могло для защиты преследуемого перевести его в отдельную камеру или другую тюрьму. Пребывание в отдельной камере однако считалось позорным.

Интерес представляет и поведение лиц, совершивших преступления, либо другие наказуемые деяния. Уличенный, но не пойманный с поличным арестант не имеет права признаваться или выдавать товарищей. Если попался с поличным и наказан, то такое наказание воспринимается окружающими положительно, как мера воздействия за неосторожность.

Членством в артели осужденные дорожили и нарушители правил поведения могли лишиться этого звания, а с помощью администрации водворить в отдельную камеру, что считалось крайне суровым наказанием. После исправления такое лицо вновь могло быть принято в общину.

Новички, поступая в острог и в тюремную общину, должны были внести так называемое «взносное», т.е. вступительный взнос, который дифференцировался, исходя из личности новичка. Крестьяне и другие люди свободного состояния платили по 3 руб., поселенцы — 50 коп., бродяги — 3 коп. Новички подвергались испытанию, и, если они недостаточно приспособлены для каторжной и тюремной жизни, их превращали в камерных чернорабочих, заставляя выполнять грязную работу, быть на побегушках. Правда, от уборки «параша» можно было откупиться суммой от 3 до 5 руб. Более сметливые устанавливали близкие контакты с опытными арестантами, учились у них и криминальному ремеслу, и тактике поведения на следствии и суде, а также правилам поведения в арестантской общине.

Одним из способов пополнения как личного бюджета, так и артельных денег являлись азартные игры. Кроме того, занятие ими помогало коротать время, удовлетворять риск, переживать душевные волнения, быть в центре внимания. Хорошие игроки пользовались уважением в преступной среде.

Во всякой тюрьме существовал «майдан», т.е. место, где проводятся игры в карты, кости, юлку. Право содержать майдан давалось тому, кто больше за него заплатит. Это своего рода аукцион. Как правило, откупщиком майдана становился арестант, имеющий деньги. Сама эта должность находилась под покровительством артели, охранялась ею. Откуп майдана проводился и на этапах конвоирования, например, от Тобольска до Томска, от Томска до Иркутска. За права продавать карты игрокам майданщик платил в артельную кассу от 15 до 30 руб. На артельные деньги покупались свечи. Игра, как правило, проходила ночью, с установлением постов наблюдения и предупреждения («стрема»).

За использование колоды карт в коллективной игре в первый раз майданщик брал плату 30 коп., во второй раз — 20, в третий — 10. После этого колода передавалась грошовым иг-

рокам («зиганы») бесплатно. С каждого выигранного рубля 10 коп. сдавались в общую кассу. При отсутствии карт фабричного производства их заменяли самодельными («чалдонки»).

Существовали и определенные правила расчета при азартных играх. Строго соблюдалось требование — треть долга возвращать проигравшему с тем, чтобы на второй день он снова имел возможность возобновить игру. Запрещалось присваивать проигранные казенные вещи — как правило, одежду. Она забиралась у проигравшего на время, дабы проучить его за излишнюю горячность. Если выигравший не соблюдал это правило, он лишался прав играть.

Говоря о проигрышах в азартных играх, нельзя не упомянуть личность бродяги, пользующегося определенными льготами. Выражалось это в том, что майданщик должен был «верить» бродяге, что у него имеется полтора рубля серебром. Это деньги — условные, никогда не существующие. На них может быть «купить» определенную порцию спиртного, поставить на кон, выиграть в случае везения какую-то реальную сумму денег, «проиграть» их. На следующий день все повторяется. Это игра на «варнацкое слово под варнацкую честь». Если банкнет отказывается допустить бродягу к игре на его мифические полтора рубля, то у него отбираются все выигранные деньги.

Срок откупа майдана, как правило, один месяц, и когда он заканчивается, бродягам объявляется «лахман» («лохман») — т. е. прощение долгов в азартных играх. Вообще бродягам многое прощалось — например, кража спиртного у винного майданщика или даже денег у картежного майданщика, хотя последнее не одобрялось.

Хуже приходилось когда майданщиком был бродяга, такой же уважаемый арестант. В данном случае правила «лахмана» не действовали. Кстати, за право торговать среди осужденных спиртными напитками также проводился откуп, деньги от которого (30–60 руб.) шли в общинную кассу. В среднем за день продавалось ведро водки, а по праздничным дням, при большей игре — разумеется, больше. От прибыли надо было уплатить проносчикам спиртного, охране, поить бродяг из расчета все тех же мифических полутора рублей.

За 5 — 10 руб. можно было приобрести право на торговлю в артели съестными припасами. При этом был установлен верхний предел рентабельности — 20%. И здесь бродяга имел право брать продукты в долг на те же полтора мифических рубля.

Доходным считалось место банщика, так как за особую плату он мог предоставлять баню для любовных свиданий, и, естественно, оправдывать те несколько рублей, уплаченных в общинную казну.

За те же 2–3 руб. можно было устроиться водносом и иметь возможность

получать милостыню от прохожих, а также посещать «юрзовки» (места сбыта краденного или казенных вещей).

Таким образом, в течение месяца в казне собиралось 50 — 100 руб. По окончании срока производился дележ. Староста и уборщик параш получали по 2 доли., 3 доли получал палач. Очевидно, для последних двух это была плата за непристязность занятий. Хотя, быть может, палачу такая доплата полагалась за неособое радение при исполнении наказаний (битье плетью, розгами). Новичкам, пробывшим в артели менее двух недель, нечего не полагалось.

После получения доли общинных денег производился расчет должников и начинался новый круговорот денежных средств.

Внутриартельный оборот денег пополнялся и поступлениями извне. Прежде всего — за счет взносов новичков, подавший во время этапирования в основном по европейской части страны, а в Сибири — товарами или продуктами, продажей изготовленных арестантами поделок, финансовой помощи состоятельных родственников и близких некоторым осужденным. Разумеется, что не обходилось без обмана в отношении новичков и неприспособленных. Но в целом такая самодельная организация как артель (община) помогала держаться на плаву всем ее членам. Однако и в этой ситуации наблюдается расслоение осужденных на авторитетов и «голье».

Особый интерес представляет «бродяга», его элитарное положение среди осужденных. Эта личность не вписывается в образ «бомжа» нашего времени. Бродяга — это лицо, совершившее побег с каторги, живущее практически на нелегальном положении. Если его поймали, разоблачили и он снова водворен на прежнее место отбывания наказания, то попадает в разряд «оборотней» — т. е. вернувшихся обратно. В Сибири находящегося в бегах каторжника называли чаще «варнаком». С. В. Максимов дает меткую характеристику этой категории преступников: бродяга вечен, ему собственности не надо, живет по принципу — едим прошенное, носим брошенное, живем краденным. Возможно, название произошло от слова «брод», т. к. при побегах зачастую приходится в буквальном смысле слова брести по тайге, болотам, рекам, минуя заслоны, обходя крупные населенные пункты, опасаясь охотников за «горбачами» (так назывался на жаргоне местных жителей беглец с коробом за спиной), хищных зверей и т. д. Все это было под силу только физически крепким и мужественным людям, обладающим опытом выживания в экстремальных условиях.

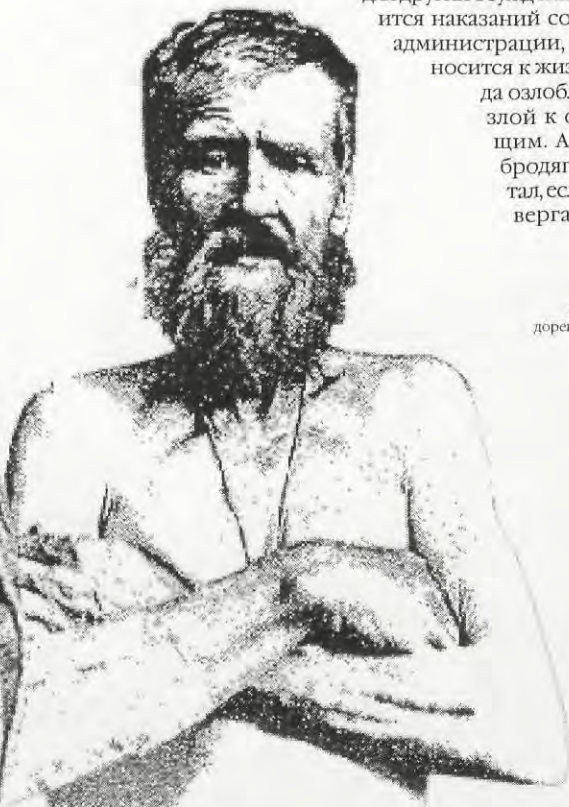
Бродяга бескорыстен. Если у него завелись деньги, он их без жалости раздает нуждающимся, никогда не выдает товарищей, достаточно ловок и хитер, чтобы избежать различного рода опасности, не лебезит перед начальством, а, наоборот, не избегает столкновений, добивается льгот, но не для себя, а

для других осужденных, не боится наказаний со стороны администрации, легко относится к жизни, иногда озлоблен, но не злой к окружающим. Авторитет бродяги возрастал, если он подвергался теле-

Тюремный палач из среды заключенных.

Заключенный дореволюционных времен.

сним наказаниям и мужественно это перенес. О том, что такие лица осуждались чаще всего за особо тяжкие преступления, подчас с особой жесткостью, забывалось.

Бродяга тщательно готовится к побегу, подбирает надежных партнеров, намечает маршрут с учетом отношения к беглецам местных жителей. Разумеется, что побег из Сибири, как правило, в центральную Россию требует длительного времени и запастись всем необходимым без краж невозможно. Но нельзя воровать там, где хозяева выставили «саватейку» (хлеб с молоком) на специальной полочке. Делалось это иногда из жалости к «несчастливым», из желания защититься от кражи. В населенных пунктах, жители которых способствовали поимке беглецов, те, в свою очередь, устраивали поджоги. Такой поведенческий аспект бродяг обеспечивал им лояльность местных жителей. Действительно, «хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой».

Кстати следует отметить, что, хотя строгие тюремные правила и запрещали «всякого рода резвости», в том числе и песни (песельников предписывалось сажать отдельно с уменьшением пайка по сравнению с другими от одного до 6 дней — «исключительно на хлеб и воду»), все-таки песня жила. Конгломерат из осужденных, собранных со всей Российской империи, создал и свою сибирскую тюремную песню, когда части одной составляли иногда отдельно несколько песен, либо на мотив другой накладывались новые слова и новое содержание. Нередко в песнях просматривалась судьба автора или исполнителя, или воспевался образ удалого разбойника, бродяги. Особенно выделялись песни, принесенные с Волги, Украины. Нередко авторство их приписывалось народным героям — например, Стеньке Разину («Ты возмой — возмой, туча грозная», «Из-за лесу темного, из-за гор — гор высоких»). Ивану Осипову, более известному по кличке Ванька Каин, приписывается авторство около 40 песен, из которых в Сибири наиболее распространены были «Не шуми-ка ты, мать, зеленая дубравушка» и «Усы». Последняя воспевает известного в те времена разбойника Васку Уса. Отличным певцом зарекомендовал себя и известный в прошлом веке забайкальский разбойник Горкин.

В определенной степени на Сибирской каторге того времени просматривается и тюремная субкультура: уголовный жаргон, камерный этикет, обряд приема в камеру новичков, своеобразные тюремные игры, в которых неопытный новичек, по сути дела, избивался.

Вторая половина XIX в. в России отмечается существенными преобразованиями как в экономике, так и в политике. Была создана стабильная тюремная система, организована специальная служба уголовного сыска, изменено законодательство.

Изменения коснулись и преступной среды. Прежде всего произошло расслоение преступников по степени авторитетности. Ранее мы отмечали этот процесс в основной массе осужденных по имущественному положению («майданщики» и «голье»). Но к концу столетия до 1917 г., по замечанию А.И.Гурова, стала проследиваться четырехзвенная стратификация преступной среды. Верхний, элитарный слой составили так называемые «иваны». Категория нам знакомая («бродяги», «непомнящие родства»), но уже выступающая в новом качестве — хозяев мест лишения свободы, со своим окружением, прислугой, подручными, охраной. Не отказываясь от атрибутов авторитета прежних «бродяг» (не признаваться, не выдавать, противодействовать администрации, хотя бы внешне, платить долги во взаимоотношениях между собой и т.д.), они терроризировали основную массу осужденных, расправлялись с неугодными, враждовали с «политическими», проводили разборки с нарушителями под видом «правилко».

На втором месте шли «храпы». Категория новая, предпочитающая вносить разлад среди осужденных, поддерживать более сильных, извлекая при этом моральные и материальные выгоды. При этом сами «храпы» старались оставаться в тени. Речь идет прежде всего о занятии выгодных «должностей», на которые они продвигали своих ставленников. Нередко для достижения этих целей они использовали в той или иной степени неформальные контакты с администрацией.

Появился и третий, также элитарный слой — «игроки». Эта категория состояла почти целиком из шулеров-профессионалов. Играли на все, практически — даже на жизнь и судьбу человека. Располагая значительными финансовыми суммами, они находились в случае возникновения коллизий под покровительством «иванов». Такой подкуп зачастую производился в виде проигрыша.

Четвертым слоем была категория из основной массы осужденных, пренебрежительно называемая «шпанкой».

Сама по себе представленная иерархия была расплывчатой, без какой-либо организации по вертикали. «Правила игры» зачастую определялись более сильными в конкретной структуре исполнения наказания. Наиболее организованными были «игроки», ибо даже по уровню развития они отличались от основной категории. Кстати, политическим поговору среди них запрещалось играть в азартные игры — так же, как когда-то и декабристам.

Разумеется, такая четырехзвенная иерархия не включала в себя более мелкие слои вроде «асмодеев» — ростовщиков, барышников; «сухарников», бравших на себя преступления других лиц, зачастую со сменой установочных данных, т.е. биографий.

На свободе такой дифференциации не было. Основным различием была масштабность преступной деятельности, т.е. подразделение на крупных и мелких преступников. Но более явственно стал просматриваться профессионализм и рецидив. Стали проявляться объединения «по мастям», в каждом из которых консолидировались определенные разновидности преступников («городушники» — магазинные воры; «ерши» — карманники; «медвежатники» — взломщики сейфов; «формазончики» — сбытчики фальшивых украшений; «скамеечники» — конокрады и т.д.). Конокрады, к слову, были одной из наиболее организованных «мастей» с межрегиональным характером.

Эти объединения назывались «малинами», как и место излюбленного времяпровождения преступников. Возглавлялись «малины» «паханами». В составе «малин» различались небольшие группы поделщиков, участвующих непосредственно в совершении конкретных преступлений. В таких образованиях как «малина» появляется совместная касса, которой распоряжается «пахан». Деньги в основном расходуются на подкуп полиции и других должностных лиц, а также оказание помощи попавшим в беду членам группировки. Естественно, что «малины» способствовали сплочению преступников и их профессионализации, причем не только по объектам, но и по способам совершения преступлений.

В этой связи интерес представляет еще одна категория преступников, о которой упоминает бывший начальник уголовного сыска Российской империи А. Ф. Кошко² — «варшавские» воры: «Эта порода воров не совсем обычна и резко отличалась от наших, великороссийских. Типы «варшавских» воров большей частью таковы: эти люди всегда прекрасно одеты, ведущие широкий образ жизни, признающие лишь первоклассные гостиницы и рестораны. Идя на кражу, они не размениваются на мелочи, т.е. своим объектом выбирают всегда лишь значительные ценности. Подготовка намеченного предприятия им стоит больших денег, широко практикуется подкуп, в работу пускаются самые усовершенствованные и весьма дорогостоящие инструменты, которые и бросаются тут же, на месте преступления. Они упорны, настойчивы и терпеливы. Всегда хорошо вооружены. Будучи пойманы — не отрицают своей вины и спокойно рассказывают все до конца, но не выдают по возможности сообщников»³. Это наблюдение нам кажется весьма важным для характеристики элитарных преступников СССР 20-х годов.

(Продолжение следует)

¹ А. И. Гуров *Профессиональная преступность. Прошлое и современность*. М., Юридическая лит., 1990.

² В 1913 г. международный съезд криминалистов в Швейцарии признает деятельность Московского сыска и его начальника лучшей в мире.

³ А. Ф. Кошко. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции. М., Современник, 1995.

«КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ»

Так называется серия научных трудов, издание которых начато по инициативе научных сотрудников филиала Обьединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии, Омских госуниверситета и технологического института. Серия издается согласно решению Научного совета Государственной программы «Народы России: возрождение и развитие». Головное учреждение программы, действующей с 1991 г., — Санкт-Петербургский университет (научный руководитель академик АН В. Т. Пуляев), а по направлению, посвященному культуре народов России, — Омский госуниверситет (научный руководитель академик АН и АСН Н. А. Томилов).

Основная цель программы — подготовка и выпуск в свет работ фундаментального и прикладного значения (в том числе и научно-популярного) по культуре народов и национальных групп России.

Серия издается Сибирской фирмой «Наука» Российской академии наук. В состав главной редакции издания, помимо главных редакторов В. Т. Пуляева и Н. А. Томилова, вошли омичи профессор В. И. Матющенко и доцент А. Г. Селезнев (отв. секретарь редакции), а также видные ученые страны — академик РАН А. П. Деревянко (Новосибирск), член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов (Москва) и Р. Г. Кузеев (Уфа), профессора С. С. Агаширинова (Махачкала), А. И. Гоголев (Якутск), Н. В. Луккина (Томск), А. С. Мельников (Санкт-Петербург), В. А. Тишков (Москва) и др. Первый том «Материальная культура народов России» (Новосибирск, 1995 г.) состоит из четырех разделов. Во введении, посвященном теории и истории культуры, весьма актуальны статьи В. Т. Пуляева о гуманитарных исследованиях культуры российскими учеными и Н. А. Томилова об изучении культуры народов и национальных групп России. В них выражено убеждение авторов, что основные концепции современного развития России — ее возрождение (или — выживание на основе возрождения), регионализм во всех сферах жизни (то есть обновление на основе регионального саморазвития и связей регионов друг с другом), стабилизация российского общества (прежде всего политическая и экономическая) — должны быть связаны и с подъемом культуры.

Именно последняя определяет уровень знаний, интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрения и межличностных отношений в обществе. Сегодня ситуация сохраненияющегося социального напряжения способна разрядить, по мнению авторов, и культура. Именно она призвана повернуть сознание россиян к созиданию. Наука давно установила связь культуры и общества: гибнет культура — гибнет и общество (а с ним и государство, как его часть).

Характеризуя современное состояние сферы культуры в России, авторы вводимых статей отмечают в ней много негативного: идет разграбление культурного достояния страны, в состоянии кризиса находится наука, происходит снижение интеллектуального и нравственного уровня населения и т. п. Вместе с тем В. Т. Пуляев и Н. А. Томилов единодушны в том, что имеются и существенные положительные сдвиги в развитии культуры. Как они считают, это проявляется в первую очередь в росте инициативы людей, определении болевых точек в российской культуре, поиске новых подходов к управлению социокультурными (в том числе и национально-культурными) процессами, во внедрении в практику научных рекомендаций и программ.

Исследователь З. Д. Титова продолжила в этом сборнике серию своих публикаций источников по истории и культуре коренных народов страны. На этот раз объектом ее анализа стали источники XVIII в. о тюркском населении Южной Сибири.

Второй раздел книги содержит статьи по этнокультурной истории и процессам в материальной культуре народов России. С. И. Алексеевым представлены новые археологические находки XIII—XV вв., характеризующие городскую культуру старинного русского города Костромы. Еще раз продемонстрировано важное значение археологического исследования города для понимания процесса его возникновения и характера материальной культуры. А вот большинство Сибирских городов так и не дождалось пока своих археологов.

О. Н. Шелегина обратилась к изучению особенностей материальной культуры русских крестьян Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. Выявлены традиции и инновации в жилых постройках, одежде и утвари.

Этнографии сибирской «русской» деревни посвящена статья исследователя М. Л. Бережновой. Автор подытожила резуль-

таты научных наблюдений в одном из районов Омской области, где проживают выходцы из европейской дореволюционной России.

Статья М. В. Лоткина дает представление об изменениях в материальной культуре латышей и эстонцев со времени их переселения в Сибирь в конце XIX в. и по наши дни. М. О. Османов обращается к анализу аграрных традиций дагестанцев, а В. В. Когитин рассматривает системы земледелия у русских Нижнего Поволжья второй половины XVIII — начала XX вв. Интересный материал собран и обобщен в статье Г. И. Чагина об особенностях культурно-бытовых традиций татар, башкир, удмуртов Среднего Урала середины XIX — начала XX вв.

Архитектурно-планировочная проблематика освещена в работах А. И. Макарова о планировке немецких колоний Камышенского уезда Саратовской губернии, Д. А. Функа — о поселениях и жилищах бачатских телутов, А. Г. Селезнева — о жилищах барабинских татар, М. А. Рыблова — о системе отопления в жилищах допских казаков-верховцев. Пище как одному из компонентов материальной культуры народа посвящены статьи С. С. Агашириновой и Ш. К. Ахметовой, Е. Ю. Смирнова проанализировала женские украшения сибирских татар конца XIX — первой трети XX в.

Из восемнадцати публикаций российских ученых в первом томе семь принадлежат сибирякам.

Все тома издаваемой серии рассчитаны прежде всего на археологов, искусствоведов, историков, культурологов, музееведов, религиоведов, филологов, этнографов, но они будут, безусловно, нужны и тем, кто интересуется историей и современным состоянием культуры народов России, в том числе и национально-культурным объединением в разных регионах нашей страны.

В сентябре 1996 г. издательство «Наука» выпустило второй том серии, который состоит из монографии профессора Н. А. Томилова «Татары Западной Сибири» и приложения к ней «Сказки татар Сибири». Готовится к печати третий том «Духовная культура народов России» и четвертый — «Народная культура и проблемы музееведения».

Вообще первый цикл серии включает 20 томов, а публикация его планируется с 1995 по 2000 гг. В следующих книгах намечено поместить исследования по культуре, кроме названных выше народов, алтайцев, бурят, нанайцев, украинцев, хакасов, хантов, чулымских тюрков, шорцев, эвенков и др. Обращая внимание на тот факт, что серия «Культура народов России» носит открытый характер, то есть любой ученый России может обратиться с предложениями о включении в нее своей работы.

Первый том серии «Культура народов России» издан при финансовой поддержке выпускника Омского госуниверситета Александра Терехина, за что он достоин, естественно, искренней благодарности авторов и читателей этой книги.

В завершение хочу поздравить моих коллег — омских этнографов и их руководителя Н. А. Томилова с большим достижением в деле издания новой серии, которая, несомненно, будет иметь немалое значение для российской и мировой науки. Кстати это не первое крупное дело этнографов Омска. С 1986 г. они издают многотомную серию «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (опубликовано 5 и подготавливается к печати 14 книг). Выпущен первый том многотомной серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума». Эта серия готовится также омичами, в ней помещены результаты фундаментальных и прикладных исследований в области этноархеологии на примере изучения тарских татар и русских Среднего Прииртышья, которые проводятся с 1993 г. при поддержке администрации Омской области и ее главы Л. К. Полежаева через научные программы «Омский регион» и «Сибирь».

А в 1995 г. вышла из печати первая книга научно-популярной серии «От Урала до Енисея», посвященная этнографии народов Западной и Средней Сибири. Составитель и главный редактор серии Н. А. Томилов. Серия адресована широкой аудитории — школьнику, краеведу, педагогу, всем, кто интересуется прошлым коренных народов региона.

Четыре многотомные серии, посвященные культуре и быту народов России, издаваемые в сложной экономической ситуации, есть свидетельство не только научных свершений, но и духовной силы, патриотического настроения инициаторов и авторов прекрасных этнографических изданий. Пожелаем им успеха!

Б. А. Конилов,
кандидат исторических наук,
профессор

СИБИРЬ и ЦЕНТРАЛЬНАЯ власть

Окончание. Начало на стр. 6

Вместе с тем в модернизационных проекти-
ровках для региона предстоит учитывать негатив-
ное воздействие целого ряда факторов: слабую
освоенность многих районов, недостаточную
плотность населения, высокий уровень текучести
рабочей силы, слабое развитие транспортной
инфраструктуры и т.п. Наличие комплекса таких
факторов требует максимальной увязки общесо-
сударственного курса в отношении Сибири и соб-
ственно региональной политики развития, кото-
рая должна вырабатываться в самом крае, в его
отдельных районах, на местах.

5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Выше было показано, что Сибирь имеет все
для того, чтобы стать локомотивом рос-
сийских реформ. Вместе с тем неадекват-
ная политика центра способна разрушить
сформировавшиеся здесь предпосылки для модер-
низации. Так, неподготовленный переход к рыноч-
ным отношениям не предусматривал сохранения
стимулирующей дотационно-перераспреде-
лительной политики Центра по отношению к слабо-
развитым районам Крайнего Севера, Дальнего Во-
стока. Между тем известно, что даже там, где рыноч-
ный механизм перераспределения материальных
и культурных ресурсов сложился давно, на его дей-
ствие накладываются весьма серьезные ограниче-
ния применительно к таким регионам. В случае с
Россией в результате непродуманных шагов пра-
вительства целый ряд районов Крайнего Севера,
Дальнего Востока попал в исключительно сложное
положение; под угрозой утраты оказались дости-
гнутые результаты освоения этих районов в пред-
шествующие периоды.

Сложившаяся ситуация вынуждает местные
власти и общественность более энергично ста-
вить вопрос о пересмотре изживших себя прин-
ципов выработки политики Центра в отношении
региона, политики волонтаристской, бюрократ-
ической, во многом расточительной, почти не
ориентированной на социальные запросы и учет
региональных интересов. Новая обстановка вы-
нуждает регионы тщательнее обосновывать и
прорабатывать направления локальной полити-
ки, экономно расходовать выделяемые сверху
ресурсы, рассчитывая не только на них, но и на
использование местных ресурсов и инициативу
самих жителей.

Вопрос о местных ресурсах оказывается
тесно связанным с перераспределением прав по
распоряжению природными богатствами края (в
первую очередь топливом, полезными ископае-
мыми). Организация их добычи, переработки и
транспортировки может осуществляться в бли-
жайшем будущем лишь на базе централизован-
ной политики перераспределения материально-
технических, финансовых и кадровых ресурсов
страны. Следовательно, доходы от реализации
природных богатств Сибири должны распреде-
ляться между всеми российскими гражданами.

Вместе с тем очевидно, что жители региона, а так-
же те, кто непосредственно занят в сфере добы-
чи, переработки и транспортировки ресурсов,
должны иметь существенно более высокую долю
в получаемых доходах с учетом необходимых
компенсаций за труд в суровых климатических
условиях, за нарушенное экологическое равнове-
сие и т.д.

Государство должно оставаться гарантом
того, что перераспределение доходов от продажи
природных ресурсов Севера Сибири и Дальнего
Востока будет происходить в рамках права, с со-
блюдением принципа социальной справедливо-
сти. Предстоит также пересмотреть прежнюю по-
литику эксплуатации природных богатств Сиби-
ри, которая не предусматривала целенаправлен-
ной их защиты, сохранения и возможного восста-
новления.

Новые экономические реалии российского
общества рельефнее обозначили противоречие
тех групп интересов, которые пересекаются в про-
цессе освоения природных ресурсов в Сибири —
государства, местной власти, местных жителей, в
частности, этно-национальных общностей, а так-
же промышленных предприятий и их объедине-
ний, в том числе частных. Согласование указан-
ных групп интересов и будет, по-видимому, яв-
ляться функцией разрабатываемых правовых и
административных механизмов, определяющих
права и обязанности всех субъектов хозяйствен-
ной деятельности, которые вовлечены в освоение
сырьевых ресурсов Сибири.

Еще об одном неблагоприятном послед-
ствии либерально-рыночных реформ — о начав-
шейся депопуляции сибирского региона. По мне-
нию директора Института общей патологии и эко-
логии человека СО РАН В. П. Казначеева, основан-
ному на анализе ситуации, после распада СССР и
развала единого народнохозяйственного комплек-
са страны сибирская популяция оказалась в усло-
виях быстро нарастающей деструкции¹⁰. Этот про-
цесс, вероятно, начался несколько позднее, чем в
некоторых районах европейской части страны.
Однако, депопуляция Сибири стала протекать бо-
лее быстрыми темпами. По расчетам ученых, при
нынешних темпах снижения численности населе-
ния Сибири, к 2005-2010 гг. она может сократиться
с 32 с лишним млн. человек до 27-28 млн.¹¹ Ко-
нечно, депопуляция региона вызвана не только
неудачными реформами, но и непродуманной по-
литикой обживания (особенно в советский пери-
од), которая не поощряла людей оседать на этой
части страны, а сводилась к созданию там условий
для временного проживания работников (так на-
зываемый оргнабор трудовых кадров, непродуман-
ные формы вахтового метода труда и др.).

В ближайшие годы должна быть разработа-
на иная политика освоения и заселения Сибири,
нацеленная на то, чтобы остановить депопуляцию
края. Южная зона Сибири в довольно короткие
сроки (5-10 лет) могла бы быть заселена россия-
нами, которые оседали бы здесь на постоянное
жительство. Переселяться сюда могли бы жители
как других регионов России, так и стран ближне-
го зарубежья. По оценкам специалистов, террито-
рия вдоль Транссиба позволяет разместить на ней
не менее 30 млн. человек, в то время как при пас-
сивном отношении властей к этой проблеме к
2010 г. здесь может остаться не более 8-10 млн.¹²

⁹ См.: Россия в
геополитическом простран-
стве: современность и
взгляд в XXI век. Клуб
«Реалисты». Информац-
но-аналитический бюлле-
тен. М., 1994; Миграц-
онная ситуация на Дальнем
Востоке и политика России.
Московский Центр Карнеги,
Научные доклады, вып. 7.
М., 1996.

¹⁰ ЭКО. 1995,
N 7, с. 24.

¹¹ Там же.

¹² Е. Б. Кибалов.
Жилищная проблема
Сибири. // ЭКО. 1995. N 7,
с. 93.

Интенсивное заселение и освоение Сибири потребует коренного пересмотра целых направлений центральной и региональной политики, связанных с жизнеобеспечением населения края: предстоит изменить систему мер по привлечению и подготовке в крае профессиональных кадров, особенно высококвалифицированных работников, молодежи, разработать отвечающую современным критериям социальную политику, которая предусматривала бы предоставление населению возможности строить жилье, организованно и с комфортом отдыхать, без труда приобретать товары повседневного спроса и длительного пользования, располагать высококачественным медицинским обслуживанием и т. д. Словом, в условиях модернизации должна быть преодолена ситуация, сохранявшаяся до этого в течение не одного столетия, когда важнейшие показатели трудовой деятельности и жизнеобеспечения населения Сибири были ниже среднестатистических для всей страны¹³.

Ослабление экономических, социальных и культурных связей с другими регионами России и необходимость выживания вынуждает многие области Сибири переориентироваться на зарубежные страны, в частности, на США (фрахтовка судов во время летней навигации на Чукотке, покупка и доставка сюда продовольственных товаров и топлива на зимний период и др.), Японию (продажа в Приморье леса, морепродуктов японцам, покупка у них электроники, автомобилей), Китай (приобретение китайских товаров широкого спроса и использование рабочей силы на границе по Амуру).

Жители приграничных районов и местные власти пытаются как-то приспособиться к неблагоприятным условиям жизни. Все это сопровождается ростом диспаритета цен на вывозимое из Сибири сырье и ввозимые из-за рубежа товары, нарастанием бесхозяйственности, а нередко и криминального разграбления богатств края, лавинообразным разрывом связей с внутренними регионами страны, бесконтрольным просачиванием и оседанием на территории граждан сопредельных государств.

Ситуация, сложившаяся на границах северных территорий Сибири и Дальнего Востока, вдоль границы с Китаем, дает основание для вывода о том, что здесь возникла непосредственная угроза национальной безопасности России. Если центр будет продолжать не замечать происходящие здесь негативные процессы, занимать позицию невмешательства, то сибирский регион будет и дальше дрейфовать в направлении сближения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, все более превращаясь в сырьевой придаток АТР. Труд рабочих-иммигрантов (китайцев, корейцев) будет использоваться здесь в интересах экономического развития не России, а Японии, Южной Кореи, США и других стран. Наша страна, не вписавшись в будущий центр мирового развития, в лучшем случае останется второразрядной экономической державой.

Еще одна важная проблема — включение в процессы преобразований аборигенного населения края. Пока что многие из коренных народов Сибири оказываются в стороне от этих процессов; другие же испытывают на себе всю тяжесть негативных последствий происходящих преобразований. Особенно это относится к малочисленным этносам. Проблемы коренных жителей Сибири не могут быть решены на путях суверенизации административных единиц этих этносов (республик, областей, округов), тенденции к которой сегодня налицо. В современных условиях ин-

тересы коренного населения (численность которого в ряде национальных республик и округов не превышает 15–20% населения) нередко служат прикрытием для передела собственности и власти. Существующая система представительства и реализации местной власти пока не позволяет малочисленным аборигенным народам обеспечить своим представителям большинство в органах управления и тем самым решения жизненно важных для них вопросов. В этих условиях трудно рассчитывать на то, что включение всех представителей этих народов в процессы самоуправления будет протекать эффективно.

Но и отстранять коренные этносы от этих процессов сегодня уже не представляется возможным. В этом направлении следует развернуть более тщательный поиск эффективных форм, а также проработку правовых и социальных механизмов включения этих этносов в современные политические и экономические преобразования.

Местные власти и хозяйственники, в том числе предприниматели новой формации, оказываются пока не готовыми к совместному решению проблем аборигенов. Между тем таким способом рано или поздно должны будут решаться основные вопросы включения коренных народов Сибири в процессы модернизации. Стимулом и предпосылкой этой необходимости становится целый ряд факторов. Так, известно, что представители аборигенных общностей лучше всего приспособлены к труду и жизни в суровых местных условиях, поэтому их опыт должен быть учтен и стать неотъемлемой частью промышленно-технического обживания Севера. Такой подход требует новой стратегии включения местного населения в промышленное производство: постепенное, щадящее их приобщение к техногенной культуре. В ходе этого можно использовать промежуточные технологии, которые сочетали бы в себе элементы как современных, так и традиционных приемов трудовой деятельности и были бы специально рассчитаны на освоение новых норм труда молодой сменой северных этносов.

Опыт аборигенов ценен также при проектировании и обустройстве достойной человека среды обитания. Необходимо отказаться от политики создания техногенного ландшафта, в котором не остается места не только тем, кто занимается традиционными промыслами, но и работникам промышленных объектов. В этих условиях необходимость отвода северным народам земли для ведения традиционных видов хозяйства видится не только как задача их выживания, но и как более общая проблема преодоления издержек техногенного развития.

* * *

Итак, для российского государства характерна неравномерная социокультурная динамика: длительные периоды застоя чередуются с краткими периодами подчас стремительного обновления, которое осуществляется то в виде планомерной реформаторской деятельности, то в виде попыток радикального разрыва с прошлым, на путях острых социальных столкновений.

Вместе с тем в силу сложности своего государственного устройства Россия представляет собой не скопление разнородных компонентов, не «лоскутную империю», а единое напряженное поле государственных регуляторов, правовых норм, ценностных ориентаций, вовлекающее многие и многие миллионы людей, принадлежа-

¹³ См. об этом: А. А. Попов. Система жизнеобеспечения населения Северо-Востока страны: концепции, проблемы, решения. М., 1995.

щих к разным культурным мирам, в русло единого общецивилизационного движения. В этих грандиозных процессах, протекающих на обширном геокультурном пространстве Евразии, участвует множество этносов, действуют разнообразнейшие социальные силы. В целом эти процессы выступают как результат исторической самоорганизации сверхсложного по своим национальным, социальным и культурным компонентам сообщества.

Ведущей силой в развертывающихся на территории Евразии процессах выступает Российское государство. Роль элиты центра состоит в том, что она придает оформленность тем отношениям и взаимодействиям, которые попадают в силовое поле государственной деятельности. Тем самым власть выступает в качестве своего рода «инструмента» самоорганизации многонационального сообщества: реализует свои высшие задачи, власть поддерживает целостный государственный организм в жизнеспособном состоянии. Задачи, которые выполняет при этом центральная власть в России, по масштабам и сложности вряд ли имеют аналоги в исторической практике. Государственному регулированию подвергаются не просто представители разных региональных и этно-национальных общностей, а носители разных цивилизационных традиций, живущие на обширном пространстве Евразийского материка.

Исключительно сложными выступают также задачи, которые приходилось решать центральной власти России по динамизации экономического, социального и культурного развития страны. Расхождения, возникавшие между интересами и устремлениями властвующей элиты, региональными общностями, социальными слоями, этно-национальными группами, всякий раз придавали модернизационным преобразованиям немалый деструктивный заряд.

Необходимость перехода российского общества к динамичному развитию в условиях постиндустриальной культуры диктует формирование более равноправных и взвешенных отношений между центром, с одной стороны, и региональными общностями, социальными слоями, этно-национальными группами населения, с другой. В настоящее время происходит поиск приемлемого баланса сил в государственном строительстве. Еще долгий период он по необходимости будет поддерживаться при ведущей роли центральной власти. Без этого высока вероятность

оживления сепаратистских устремлений, создания ситуации «войны всех против всех» и т. п. Поэтому на центральную власть страны в новых условиях ложится огромная ответственность не только обеспечить целостность и устойчивость столь сложного государственного организма, как Россия, но и выступать постоянным мотиватором, стимулирующим динамичное развитие страны, всех ее регионов.

В складывающихся условиях центральная власть обязана каждый раз находить нетривиальные выходы из тех кризисных ситуаций, которые периодически возникают в обществе. При этом она вынуждена обращать особое внимание на те регионы страны, которые способны стать лидерами модернизационного обновления и обеспечить высокие темпы экономического, социального и культурного развития. Находясь в их числе, Сибирь, как уже подчеркивалось, обладает наиболее благоприятными возможностями, которые позволяют ей выйти на передний край модернизационных преобразований, способствуя тем самым преодолению охватившего страну кризиса.

Необходимо отказаться от подхода к развитию Сибири исключительно с точки зрения использования ее природных богатств. Решение важнейших экономических задач на новом этапе обживания этого региона следует прочно увязывать с реализацией потребностей и интересов его жителей, с пробуждением их инициативы, предоставлением им преимущественных прав в разработке и осуществлении экономических, социальных и культурных проектов. Зарубежные инвесторы и иностранная рабочая сила могут привлекаться к участию в модернизации сибирской экономики только в той степени и в тех формах, которые не расходятся с интересами Российского государства и жителей Сибири.

Еще одним важным направлением центральной и локальной политики в Сибирском регионе должна стать разработка такой социальной и культурной политики, которая учитывала бы особенности включения в модернизационные преобразования различных этно-национальных общностей, и прежде всего малочисленных сибирских этносов. Политика протекционизма и материальной помощи по отношению к малочисленным народам должна быть дополнена учетом их реальных жизненных потребностей, созданием условий для нахождения ими своего пути включения в процессы экономического развития страны.

ЧИТА

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ

В Забайкалье готовятся к празднику в честь 60-летия образования Читинской области (26 сентября 1997 г.). Подготовка к этому юбилею сопряжена, в свою очередь, с разработкой экспериментальной межведомственной программы развития социокультурной сферы Читинской области на 1997-2007 гг. с выходом на утверждение в Правительство России за подписями трех заинтересованных сторон — Министерства культуры РФ, Администрации Читинской области, командования Забайкальского военного и Забайкальского пограничного округов. Программа позволит объединить все творческие и материальные возможности региона для успешного решения возникающих проблем. На военном Совете Забайкальского пограничного округа, например, уже принято решение об оказании транспортной помощи в организации обменных гастролей сценических коллективов регионов МА «Сибирское соглашение» для населения пограничной зоны России от Тувы до Читы.

Не менее важное событие в культурной жизни Читы — начало реконструкции здания бывшего Дома политпросвещения под Дворец искусств. В нем будет зрительный зал на 1200 мест (на 500 мест больше самой вместительной сценической площадки города), балетные классы, камерный театр — то есть Дворец призван в значительной степени решить проблему создания материальной базы для развития профессионального искусства Забайкалья.

*И. П. Портнягин,
заместитель начальника Управления культуры
Администрации Читинской области*

РЕЦЕНЗИИ

БАРНАУЛ

В ПОИСКАХ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ

В издательстве Алтайского технического университета (г. Барнаул) вышла в свет монография В.С. Бовкуна «Культура и искусство Сибири» (1970-1990 г.г.). Десятилетия «застоя» и «перестройки» раскрыты автором на большом фактическом материале. Наиболее успешно, на наш взгляд, удался автору анализ направлений: развитие материальной базы, подготовка кадров, изменение форм и методов деятельности учреждений культуры и искусства и культурно-просветительного образования. Как в мозаичном панно, перед нами убедительно преломляются явления недавнего прошлого: жесткая централизация, заидеологизированность, оплата по остаточному принципу и пришедшие вместо них «смена парадигм», недофинансирование, правовая неразбериха и т.п. В сибирские реалии органично вплетены взгляды на основные вопросы развития культуры ведущих российских специалистов М. П. Кима и А. И. Арнольдова, Л. П. Богданова и Е. Я. Зазерского, А. И. Новикова и Л. Н. Когана, К. С. Разлогова и Н. А. Томилова, Э. А. Орловой и С. Н. Иконниковой и др. Большой архивный материал, поднятый автором, дополняют выкладки сибирских исследователей Н. А. Миненко, А. М. Герштейн, А. В. Ивкина, В. В. Туева...

Современную культурологическую ситуацию автор характеризует как «углубление кризиса». Причем общие тенденции культурной жизни региона не во всем совпадают с такими же явлениями в стране. Так, если в России за 1970-1985 гг. материальная база учреждений культуры и искусства не дала значительного прироста, а по киноустановкам даже снизилась, то в Сибири лишь в 70-е годы построены 15 тыс. новых клубов, 2 тыс. библиотек, 13 театров и концертных залов, 5 высших учебных заведений и т.д. Вместе с тем, качество материальной базы учреждений культуры и искусства Сибири на позицию ниже, чем в России: почти половина клубов размещена в непригодных помещениях, четвертая часть нуждается в капитальном ремонте, 8% находится в аварийном состоянии и т.д.

В подобные яркие реминисценции удачно вплетается монографическое описание первых вузов культуры и искусства Сибири (Улан-Удэ и Красноярска). Хронологически автор заканчивает исследование сферы духовной культуры в 90-е годы заключением «Сибирского соглашения» и формулировкой задач, стоящих перед новой общественной организацией.

Вместе с тем весьма содержательная монография не лишена спорных моментов и частных недостатков. Так, не совсем ясен принцип отбора, по которому в объект исследования попали 11 краев и областей Сибири. Но почему-то Омская область, например, не в числе «избранных», хотя материала по ней приводится ничуть не меньше остальных. За рамками внимания автора осталось совещание историков и теоретиков культуры в Новосибирском Академгородке 1983 г. и сборник трудов «Изучение истории культуры как системы», где излагается философско-социологическая трактовка народной культуры. Заметна и непропорциональность объема раскрытия культуры и искусства. К сожалению, в работе искажены фамилии исследователей. Не повезло М. Г. Иовчуку, М. Б. Клемантович, Н. А. Томилову.

В целом же поздравим барнаульских коллег с выходом интересной, яркой работы!

*Г. Т. Волощенко,
кандидат педагогических наук, СФРИК*

*Зав. сектором региональной
культуры и искусства*

О НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТАХ

для предприятий и мастеров художественных промыслов и ремесел

1. ЗАКОН РСФСР «О НАЛОГЕ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ» ОТ 06.12.91 № 1992-1

Статья 5 (в редакции Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в налоговую систему России» от 16.07.92 № 3317-1) п.1) От налога на добавленную стоимость освобождаются: п.п.«4») изделия народных промыслов признанного художественного достоинства, образцы которых приняты в установленном порядке.*

2. ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О НАЛОГЕ НА ПРИБЫЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ» ОТ 27.12.91 № 2116-1

Статья 7 (в редакции Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в налоговую систему России» от 16.07.92 № 3317-1 и Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в отдельные законы РФ о налогах» от 22.12.92 № 4178-1) п.б. Не подлежит налогообложению прибыль: — от производства продукции традиционных народных, а также народных художественных промыслов.

3. ЗАКОН РСФСР «О НАЛОГАХ НА ИМУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ» ОТ 09.12.91 № 2003-1

Статья 4, п.2 (в редакции Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в отдельные законы РФ о налогах» от 22.12.92 № 4178-1) от уплаты налога на строения, помещения и сооружения освобождаются: «деятели культуры, искусства и народные мастера, использующие специально оборудованные сооружения, строения, помещения (включая жилье) исключительно в качестве творческих мастерских, ателье, студий, а также лица, использующие жилую площадь для организации открытых для посещения негосударственных музеев, галерей, библиотек и других организаций культуры, на период такого их использования».

4. ЗАКОН РФ «О ВЫВОЗЕ И ВВОЗЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ» ОТ 15.04.93 № 4804-1

Статья 7. Категории предметов, попадающие под действие настоящего Закона:

- произведения декоративно-прикладного искусства, в т.ч. художественные изделия из стекла, керамики, дерева, металла, кости, ткани и других материалов;
- изделия традиционных народных художественных промыслов;

Статья 8. Предметы культурного назначения и сувенирные изделия. Действия настоящего Закона не распространяются на современные сувенирные изделия, предметы культурного назначения серийного и массового производства.

Статья 17. Предоставление права вывоза культурных ценностей. Вывоз культурных ценностей, не попадающих под действие статьи 9** настоящего закона, может осуществляться в соответствии с решением о возможности их вывоза, принимаемым государственными органами, определенными настоящим Законом.

Статья 40. Вывоз культурных ценностей их авторами. Автор независимо от того, выезжает он за пределы РФ временно или на постоянное жительство, имеет право вывезти созданные им культурные ценности в любом количестве в порядке, установленном настоящим Законом.

Юридические и физические лица, вывозящие при жизни автора либо в течение 50 лет после его смерти созданные им культурные ценности, обязаны представить доказательства законности приобретения данных культурных ценностей.

Федеральная служба по сохранению ценностей обязана известить автора или его наследников о факте законного вывоза его произведений другими лицами.

*Право принимать решения об отнесении выпускаемой продукции к изделиям художественных промыслов предоставлено территориальному художественно-экспертному Совету по декоративно-прикладному искусству, народным художественным промыслам и ремеслам при Комитете (управлении) по культуре областной (краевой, республиканской — ред.) администрации.

**Статья 9. Культурные ценности, не подлежащие вывозу из Российской Федерации

1. Вывозу из Российской Федерации не подлежат следующие категории культурных ценностей:
 движимые предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность и отнесенные в соответствии с действующим законодательством к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, независимо от времени их создания;

движимые предметы, независимо от времени их создания, охраняемые государством и внесенные в охранные списки и реестры в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, других государственных хранилищах культурных ценностей Российской Федерации. По решению уполномоченных государственных органов данное правило может быть распространено на иные музеи, архивы, библиотеки;

культурные ценности, созданные более 100 лет назад, если иное не предусмотрено настоящим Законом.

2. Запрет на вывоз культурных ценностей по иным основаниям не допускается.

В следующем номере журнала ВАС ОЖИДАЕТ:

- ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ НА ТЕМУ: «СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ»;
- СЕКРЕТЫ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ;
- «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ... ИЗ ЧИТЫ;
- СТРАННЫЕ ПРИЧИНЫ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ НАРОДА ПО ИМЕНИ ЮГИ;
- ПУТЕШЕСТВИЕ ДОРОГАМИ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ;
- «ТЕАТРАЛЬНЫЕ КУРЬЕЗЫ» РЕЖИССЕРА САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ СЦЕНЫ;
- ВСТРЕЧА С ЛЕТАЮЩИМ ЗМЕЕМ НАРОДНЫХ БЫЛИЧЕК;
- «ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ» ПО ЖГУЧИМ ВОПРОСАМ СОВРЕМЕННОСТИ *и другая полезная информация.*

НАШИ АВТОРЫ:

- Аванесова Галина Алексеевна** — доктор философских наук (Москва)
- Алисов Дмитрий Андреевич** — кандидат исторических наук, зам. директора Сибирского филиала Российского института культурологии (СФ РИК)
- Вакутин Юрий Александрович** — Омский юридический институт МВД России
- Валеев Фоат Тач-Ахметович** — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки республики Татарстан (Казань)
- Венгер Виталий Константинович** — актер Иркутского театра имени Н. П. Охлопкова, Почетный гражданин г. Иркутска
- Волощенко Геннадий Григорьевич** — заведующий сектором региональной культурной политики СФ РИК, доцент, кандидат педагогических наук
- Генова Нина Михайловна** — председатель Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области, зам. председателя Координационного совета по культуре МА «Сибирское соглашение»
- Казанник Алексей Иванович** — доктор юридических наук, профессор ОмГУ
- Кандеева Анастасия Григорьевна** — кандидат филологических наук (Омск)
- Коников Борис Александрович** — кандидат исторических наук, директор Омского музея изобразительных искусств имени М. Врубеля
- Лодянов Аркадий Петрович** — профессиональный художник (Иркутск)
- Луккина Надежда Васильевна** — доктор исторических наук, лаборатория этнографии и этнолингвистики Ямала Института проблем освоения Севера СО РАН (Томск)
- Молданова Татьяна Александровна** — кандидат исторических наук, НИИ обско-угорских народов, вице-президент окружной ассоциации «Спасение Югры» (Ханты-Мансийск)
- Молданов Тимофей Александрович** — вице-президент окружного Союза оленеводов-частников, научный сотрудник окружного фольклорного фонда при НИИ обско-угорских народов (Ханты-Мансийск)
- Москвина Вероника Анатольевна** — фольклорист (Омск)
- Мысливцева Галина Юрьевна** — искусствовед (Омск)
- Петров Иван Федорович** — писатель-краевед (Омск)
- Сергеев Марк Давидович** — поэт, Почетный гражданин г. Иркутска
- Сырцова Людмила Александровна** — директор Центра народного творчества и досуга Комитета по культуре Администрации Иркутской области
- Тихонов Владимир Викторович** — директор архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск)
- Томилов Николай Аркадьевич** — академик Академии гуманитарных наук и Академии социологических наук, доктор исторических наук, профессор, директор филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, директор СФ РИК МК РФ, заведующий кафедрой этнографии и музееведения ОмГУ
- Хилько Николай Федорович** — научный сотрудник СФ РИК

Если вас «ОКЛИКНУЛ» камень

Тончайшая музыка, играющая в камне, привлекла нас в творческую мастерскую иркутских художников, супругов Аркадия Петровича и Натальи Алексеевны Лодяновых. Это известные в стране и за рубежом мастера изящной обработки камня — изделия работы Лодяновых экспонируются в Оружейной палате Московского Кремля, представлялись на выставках 1996 г. «Декоративно-прикладное искусство России» в Центральном Доме художника, «Русский современный камень и металл» в художественном музее Троице-Сергиевой лавры, а также в Японии, Германии, США. На простодушный вопрос нашей рубрики «Как это у них получается?» (т.е. каким образом камень наполняется волшебством произведения искусства) Аркадий Петрович рассказывает:

— Прежде всего требуется, чтобы камень «кликнул» художника как материал. Мы с Наташей закончили Иркутское художественное училище: она — керамическое отделение, я — декоративно-оформительское. У нас была приличная живопись, работы по дереву, металлу, керамике. Но камень, похоже, нас «вел» к себе. Однажды, например, мне почудился какой-то древний лик в простой речной гальке, я взял стальной кернышек и помог ему проявиться на свет. К тому же мою судьбу как будто подсмотрел руководитель моего диплома, ныне — народный художник и профессор Виталий Георгиевич Смагин, подарив мне внезапно для меня кусочек нефрита. Помните у Лермонтова: «И кто-то камень положил в его протянутую руку»?..

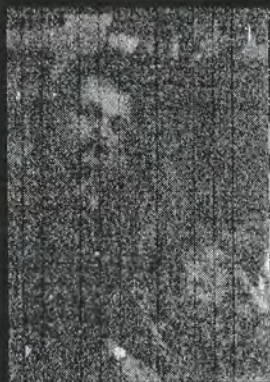
Ну и потом внешние обстоятельства. Я после училища уже работал в отделе главного художника Иркутского горисполкома, как вдруг узнал, что у нас открывается комплексная геологоразведочная экспедиция, которая потом стала объединением «Байкалкварцсамоцветы». И я туда сбежал, Наталья работала там уже около года. Геологи этого предприятия, как и родственных ему в составе объединения «Союзкварцсамоцветы», добывали каменное сырье, а художники изучали спрос на международном рынке, создавали проекты перспективных изделий и запускали в производство. Мы поставляли в экспортном исполнении самоцветные кольца, перстни, вазы, шкатулки... И хотя производство было поточным, однако на выставки, его представляющие, от художников требовались оригинальные изделия. Лучших условий для обретения мастерства трудно и представить.

И все-же теперь, когда мы с Наташей работаем самостоятельно, я убежден, что дело — не в технике обработки и материале. Это все, как говорится, наживное. Главное — в сокровенном контакте между художником и камнем. Вы, конечно, слышали о магическом значении самоцветов, о том, что они эквивалентны знакам Зодиака, могут оказывать влияние на самочувствие человека, его дела и судьбу. Академик Ферсман как-то назвал драгоценные минералы цветами земли. А мне кажется, что через камни на нас взирает сама Веч-

ность. И все дело, может быть, в том, чтобы нам с нею встретиться глазами.

Наверное, поэтому я не люблю камней мягких, которые можно резать как мыло. Мне нужно, чтобы камень сопротивлялся, чтобы линия огранки получалась звонкой, чтобы я невольно чувствовал его характер и проникался историей его рождения в земных недрах. Чтобы он не позволял мне ошибаться в обращении с ним, а тем более губить его. Прикосновение к Вечности — вот что венчает все старания, и в этом случае мы с Наташей считаем, что наша цель достигнута.

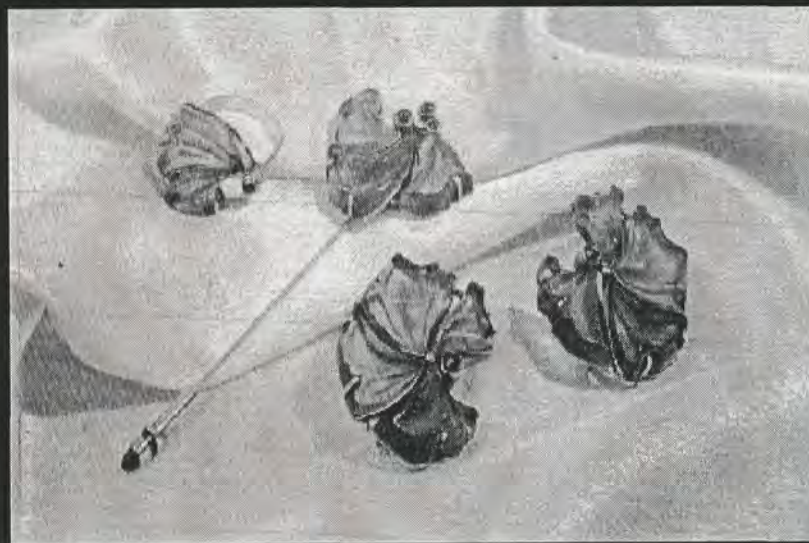
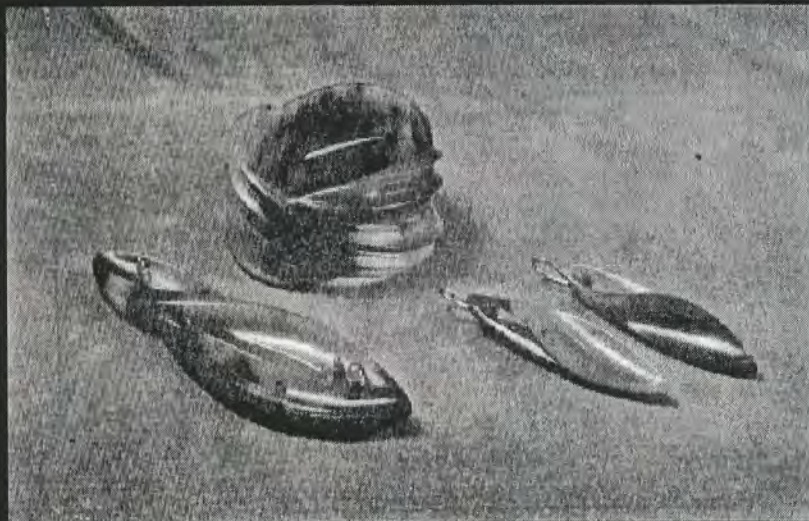
Хотя со стороны, возможно, наша профессия выглядит недоступной. Да нет же, все очень просто. Вы бродили рекой, и ваше внимание привлек, вас «кликнул» камень. Поднимите его, это — главное. На все же остальное есть обширная литература, хорошие музеи, собственное терпение и упорство. У каждого из мастеров, конечно, припасены свои секреты, мы с радостью поделимся своими. Но это уже разговор особый...

Наборы украшений:

1. «Омут», 1990 г. Браслет, брошь, серьги. Нефрит, резьба

2. «Лидовый», 1995 г. Кольцо, серьги, будавка. Аметист, хромдиопсид, золото, серебро, резьба.

7. С. П. Лазарев (Томск).
Солн. 1995 г.
Оргалит, темпера. 71x80

8. В. В. Тетенькин (Иркутск).
Рая задумалась.
1990 г. Х., м. 70x50

9. А. Д. Шуриц (Новосибирск).
Едоки груш.
1994 г. Х., м.

ЧЕЛОВЕК в пространстве времени

Окончание.
Начало на стр. 40

Языческая культура, шаманские культы народов Сибири вновь оживают у Сергея Лазарева (Томск) в таинственно-нежных образах «Туны», «Лондры», «Сна» (1995), в декоративных знаковых композициях Сергея Дыкова (Горно-Алтайск).

Современный художник вступает в диалог с мировым культурным наследием, свободно чувствуя себя в теряющем временные границы культурном пространстве. Но означает ли это полную оторванность художника от его родной почвы, от города, в создании культурной ауры которого он так или иначе участвует? Выставка показала, что при всех общих тенденциях развития каждый город имеет свою особую культурную среду, пока скорее ощущаемую, чем выраженную в словах.

От глобальных проблем существования человека в современном мире выставка привела к частным, но не менее важным вопросам: каковы мы сегодняшние, живущие в Томске, Новокузнецке, Барнауле...? Только в сопоставлении, сравнении можно выявить своеобразие культурного пространства каждого города, а для этого необходимо общение, встречи художников и ученых, подобные омской, осуществление новых региональных проектов.

Очень жаль, что выставка-конференция «Человек в пространстве времени», задуманная как передвижная, не пошла по маршруту из-за отсутствия средств. Бедственное положение музеев и большинства творчески работающих художников — наша реальность. Давно не пополняются коллекции современного искусства во многих музеях Сибири. Нет средств на командировки. Не многие из приехавших на конференцию и открытие выставки в Омск искусствоведов и художников имели возможность оплатить гостиницу, приходилось жить в мастерских. Но бытовые сложности уходили на второй план, когда начиналось интеллектуальное и творческое общение, открывались новые имена, устанавливались деловые контакты. А выставка давала богатый материал для раздумий об искусстве и о жизни.